

П475
БИБЛИОТЕКА „ВЕСТНИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ“

XXV

П475

Проф. С. В. По

ПРОВЕРЕН
2000 г.

А. Б.

ГОЛ. ПРАВА.

инв. 1477

10791

III
П. 475

ЗНП
4451 каб. 42. мф.

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ

и
МЕРЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Отпечатано в типографии
Администр. Отдела Мос-
совета им. М. И. Рогова
(Москва, Петровка, д. № 38)
в количестве 5.000 экз.
Мосгублит № 12.670.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта небольшая книжка посвящена не столько исследованию факторов и размеров детской беспризорности и преступности, сколько выяснению лучших методов и мер борьбы с этим общественным бедствием. О том, что беспризорных у нас очень много, и что беспризорность составляет большое общественное зло, знают все. Но как практически всего лучше поставить борьбу с этим злом, какие методы следует применять в этой борьбе, какие меры выдвинуть на центральное место и как всего лучше их организовать, и т. д.,—все эти практические вопросы далеко не достаточно еще выяснены, а между тем заслуживают, несомненно, самого глубокого внимания. С этой, именно, практической стороны автор и подошел к проблеме борьбы с детской беспризорностью. В борьбе с детской беспризорностью и преступностью он видит очень сложную и трудную воспитательную задачу, требующую своеобразной дифференциации воспитательных приемов и мер, в соответствии с различными категориями беспризорных детей и подростков.

На анализе природы и факторов детской беспризорности автор останавливался лишь постольку, поскольку это было нужно, чтобы определить те главные линии, по которым должна идти борьба с этим злом. Само собою разумеется, что автор не мог входить в обсуждение детальных вопросов, касающихся отдельных мер борьбы с детской беспризорностью, и ограничился выяснением основных черт организации этой борьбы в ее целом и главных методов и мер, которые должны иметь в ней применение, а также той дифференциации этих мер,—в соответствии с классификацией беспризорных подростков,—которая, к сожалению, не получила еще должного выражения в нашей практике.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

Самая широкая и энергичная борьба с „детской преступностью и беспризорностью“ подсказывается не одними соображениями гуманности и чувством симпатии к ребенку, а и основными интересами государства. В детях заключено будущее страны. Детская беспризорность и преступность являются сильными тормозами прогресса государства и большой угрозой общественной безопасности. Надо помнить, что самые опасные и трудно исправимые преступники обыкновенно начинают свою „уголовную карьеру“ с детства или с отрочества. „Детская преступность“ является важнейшим источником, из которого вырастают кадры армии профессиональных преступников, а эта армия, к сожалению, повсюду быстро пополняется и по численности своей иногда даже начинает с большой скоростью догонять ту армию, в настоящем смысле этого слова, которую государство содержит для своей внутренней и внешней защиты. Вожди и штабы этой „преступной армии“ размещены по притонам и тюрьмам больших городов, а ее рядовые бойцы — то группами, то в одиночку — бродят по всему государству и представляют ежедневную опасность для всех. В этой армии много подростков, которые с малых лет учатся преступлению и иногда уже в отроческом возрасте достигают поразительного искусства в нем. В ней есть свои обычаи и законы, свои знаки отличия и герои, свои легендарные сказания, вдохновляющие многих на разные „криминальные подвиги“. В ней складывается своя особая жизнь, и в атмосфере этой жизни вырабатываются часто такие характеры, перед которыми потом с чувством беспомощности и смущением опускаются руки тех, кто захочет подойти к ним с воспитательными приемами.

Рациональная постановка борьбы с преступностью вообще требует принятия самых энергичных мер к тому, чтобы удалить с преступного пути детей и подростков. Успешная борьба с „детской преступностью“ есть одна из самых главных мер профилактики профессиональной преступности. Источником же, который питает детскую преступность, является детская беспризорность. Эти социальные явления теснейшим образом связаны между собой и растут параллельно. Поэтому борьба с детской беспризорностью, кроме громадного общего своего социального значения, является, между прочим, важнейшей профилактической мерой в деле борьбы с детской преступностью.

Само собой разумеется, что борьба с такими социально-патологическими явлениями, как детская беспризорность и преступность, — ввиду большой их распространенности, а также сложности и многочисленности причин, их порождающих, — представляет громадные трудности и требует целой сети хорошо организованных и правильно координированных друг с другом мер. Пробелы в этой сети мер легко могут в корне подорвать борьбу с этими социальными бедствиями и лишить ее всякого успеха. Надо заметить еще, что детская беспризорность и преступность проявляются в различных формах, и различиям этих форм должно соответствовать различие и принимаемых против них мер. Это основное условие успешной борьбы с ними. Установить проверенное опытом качественное и количественное соответствие принимаемых мер природе и особым формам тех явлений, против которых они направлены, — такова основная практическая задача, которую предстоит разрешить, стараясь дать правильную постановку борьбе с детской преступностью и беспризорностью. Ясно, что, решая эту задачу, необходимо основываться на изучении детской преступности и беспризорности, их форм и причин. Знать какое-нибудь явление — значит знать те причинные отношения, из которых оно проистекает, или, проще, его причины, и те более или менее существенно различные формы, в которых оно проявляется. Такое знание необходимо для успеха борьбы с этим явлением, для его предупреждения, ибо предупреждение сводится к устранению той комбинации причин, которая порождает данное явление.

Руководясь вышеуказанными соображениями, я в дальнейшем изложении останавлиюсь сначала на общей обрисовке тех явлений, которые носят название детской преступности и беспризорности, на их главных формах и причинах, а затем перейду к анализу тех методов и тех мер борьбы, которые подсказываются изучением этих явлений.

СПбГУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И БЕСПРИЗОРНОСТЬ В ИХ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ

I

Для того, чтобы были ясны пределы того круга детей и подростков, которые охватываются названием беспризорных, необходимо предварительно определить понятие беспризорности, тем более, что ни в законодательстве, ни в практике нет установившегося значения этого понятия, и оно может быть употребляемо и в более широком, и в более тесном смысле. Какого подростка можно назвать беспризорным, в истинном значении этого слова? Беспризорность не есть какое-либо особое состояние самой личности подростка. Это—особое положение подростка в обществе, такое положение, при котором он оказывается лишенным того руководства и попечения, которые необходимы ему,—по его юному возрасту и связанной с последним неспособности к саморуководству и самопомощи,—чтобы избежать причинения более или менее серьезного вреда самому себе или другим. Внешние условия, с которыми связывается беспризорность, и внешнее поведение подростка, к которому она его приводит, могут быть различны, беспризорность же, как положение подростка, всегда характеризуется отсутствием достаточного со стороны взрослых попечения о физической и психической жизни, о материальных нуждах или о развитии подростка. Она имеет различные степени и может состоять или в полном отсутствии забот о ребенке со стороны взрослых, или в таком недостатке этих забот, при котором от усмотрения самого под-

ростка зависит ~~от~~ воздержание от того или иного социально-недопустимого поведения, а задерживающее влияние со стороны взрослых, если и проявляется, то в недостаточной мере, или лишь в виде исключения. При этом беспризорность есть состояние длительно, хроническое, состояние более или менее частого и долгого самоопределения во взаимоотношениях с окружающей средой такого подростка, который по недостаточности физических и психических своих сил неспособен к такому самоопределению, без значительного риска серьезного вреда для себя или других. Беспризорность может быть полная, когда руководство и попечение о подростке со стороны взрослых отсутствуют вовсе, и подросток всецело предоставлен самому себе. Она является неполной, когда руководство и попечение взрослых являются недостаточными, ввиду их малой интенсивности, ограниченности сферы, на которую они распространяются, или длительных перерывов в них. Такими полубеспризорными являются, например, подростки, которые имеют семьи, достаточно заботящиеся об удовлетворении их материальных потребностей, но, по недостатку времени или желания, не следящие за их духовным развитием, позволяющие им без присмотра бродить по улицам, ограничивающие свои заботы о подростке пищей, кровом и одеждой, с малым вниманием ко всему остальному. Как бы то ни было, какой бы степени ни достигала беспризорность подростка, она всегда представляет собою социально-опасное положение, к которому общество не должно оставаться равнодушным. Но если остановить свое внимание на отгнетках этого социально-опасного положения и пожелать найти для них краткие обозначения, то можно различать следующие виды или степени беспризорности:

1) беспризорность-бездомность, когда у подростка нет дома, нет семьи, родной или чужой, которая бы о нем заботилась. Это может происходить или от того, что родители его умерли, или потеряны им из вида, или от того, что семья бросила его, не пожелала по тем или иным причинам им заниматься, предоставила его самому себе;

2) беспризорность-заброшенность, когда у подростка есть кров, есть свой дом, но его насущные нужды вообще оставляются неудовлетворенными, потому что

о нем слишком мало заботятся, им не интересуются, и его, как говорят, оставляют в запое.

3) беспризорность-бездзорность, когда лица, обязанные наблюдать за развитием и поведением подростка, хотя и проявляют некоторую заботливость о нем, хотя бы лишь о его материальных нуждах, но оставляют его без должного надзора, слабо наблюдая за его развитием или поведением.

Очень часто беспризорность того или иного оттенка осложняется большой материальной нуждой подростка или такими отношениями к нему со стороны взрослых, при которых он является жертвой возмутительнейшей эксплуатации, жестокого обращения или систематического развращения.

Установить точное число беспризорных подростков в какой-либо стране невозможно. Действительность всегда будет более того, что может запечатлеть подсчитанная цифра. Но, конечно, должны быть приняты все меры к тому, чтобы местные органы, ведущие борьбу с детской беспризорностью, вели возможно точный учет этого явления в своем районе и следили за его движением в сторону убыли или прироста. Это—одна из очень важных практических задач, которой эти органы должны отдать много забот и внимания. Несомненно, что во всех больших городах много подростков, находящихся в положении беспризорности того или иного из указанных выше оттенков. Каждая страна имеет массу беспризорных детей. В годы войн, голодовок и эпидемий их число, разумеется, быстро и сильно возрастает. За время мировой войны повсюду наблюдалась вспышка детской беспризорности и преступности. Даже в Англии, где в довоенное время детская преступность обнаруживала тенденцию к понижению, уже в первые годы войны наблюдалось значительное ее повышение. Причин этого явления было много: связанный с войной распад семьи и устранение отцовского авторитета и надзора, увеличение числа сирот и полусирот, увеличившееся самостоятельное участие подростков в трудовой жизни, вовлечение множества их в уличную торговлю, в разные формы спекуляции, скопление в их руках больших денежных сумм, огрубляющее и развращающее действие войны на моральную сферу и т. д. Поэтому после

этой войны повсюду проблема борьбы с детской беспризорностью выдвинулась на особенно видное место во всем своем грозном значении и стала требовать к себе большого внимания и громадных сил и средств для своего сколько-нибудь удачного разрешения. У нас, ввиду бывшего голода, охватившего значительный район и громадные массы населения, а также ввиду длительной гражданской войны, детская беспризорность приняла особенно грозные размеры и требует особенного напряжения государственных сил и средств для борьбы с ней. Естественно, что эта проблема особенно выдвигается у нас вперед, как одна из важнейших государственных задач. Сколько-нибудь точного учета беспризорных по республике мы не имеем. Цифры, которые приходится встречать в отдельных сообщениях, очень разнообразны. Без риска впасть в преувеличение можно принять, что цифра беспризорных-бездомных детей и подростков и таких беспризорных-заброшенных, которые нуждаются в полном обеспечении, не менее 300.000 ¹⁾. При этом я не считаю тех детей, которые уже содержатся в детских учреждениях и которых на 1 января 1925 г. в РСФСР, по дан-

¹⁾ Так, напр., на втором Всероссийском Съезде социально-правовой охраны детей и подростков и детских домов 26 ноября 1924 г. сообщалось, что по данным, проверенным по различным источникам, в 43 губерниях и автономных областях РСФСР беспризорных детей и подростков насчитывается около 235.000; если к этому числу прибавить число беспризорных, имеющих в губерниях и областях, не приславших сведений, то число 235.000 может быть увеличено до 250.000.

При указании этой цифры имелось в виду, повидимому, именно дети и подростки, нуждающиеся в помещении в те или иные детские учреждения. См. „Социально-правовая охрана детей и подростков и детский дом“.—Материалы ко второму Всероссийскому съезду 26 ноября 1924. М. 1925, стр. 14. Часто приходилось встречать гораздо более высокие цифры беспризорных. Так, в 1922 г. насчитывалось приблизительно 2 миллиона беспризорных, а Н. К. Крупской, к концу 1923 г., общая цифра беспризорных определялась приблизительно в 8 миллионов. См. Люблинский и С. Е. Копелянская „Охрана детства и борьба с беспризорностью“. Ленинград, 1924, стр. 8; примечание.

Несомненно, что со времени 1922—23 г.г. цифра беспризорных детей и подростков не могла уже очень измениться. Данные отдельных губерний также подсказывают очень высокую общую цифру беспризорных детей и подростков. Так, в одной Самарской губернии в 1924 году было около

ным НКП, числилось в учреждениях типа детских домов 228.127 чел. По данным комиссии по улучшению жизни детей, существующей при ВЦИК, на сентябрь 1925 г., по сообщениям из губерний, общее число беспризорных детей по РСФСР, с автономными республиками, равнялось 314.690 чел.; из них нуждавшихся в помещении в детские учреждения было 270.786 детей и нуждавшихся в помощи на дому — 43.904; число помещавшихся в детучреждениях — 278.398. При этом надо заметить, что централизованного учета детской беспризорности у нас, к сожалению, не велось, и что данные, получаемые с мест, отличаются нестрогой, неполнотой и значительной неопределенностью, так как органы, сообщающие эти данные, руководятся различным пониманием понятия беспризорности, — то узким, обнимающим лишь круглых сирот, оказавшихся без крова, то более широким, обнимающим и другие категории беспризорных детей. Поэтому все цифры беспризорных, которые указаны выше, и число которых легко можно бы увеличить, лишь приблизительны, и год от году более или менее сильно колеблются. Но общее впечатление, ими производимое, заставляет думать, что количество беспризорных детей и подростков разных категорий очень велико, а следовательно, у нас особенно важна и настоятельно необходима планомерная борьба с этим социальным бедствием. А планомерная борьба, между прочим, требует возможно точного учета беспризорных и преступных подростков. Поэтому первыми очередными задачами являются:

- 1) организация централизованного учета беспризорных детей и подростков и такого руководства местными органами, — с помощью циркулярных и инструктивных указаний, — в результате которого беспризорность и ее виды единообразно понимались бы и учитывались на местах;

- 2) широкое привлечение общественных организаций к

40.000 беспризорных детей („Правда“, 1924 г., № 6). К лету 1923 г. Вятская губерния насчитывала 37.500 беспризорных, Пермская — 37.300, Сибирская — 46.800, Самарская — 61.600 и т. д. См. Василевский „Детская преступность и детский суд“, 1923, стр. 128; примечание. В сочинении „Голгофа ребенка“, 1924, стр. 5, Василевский указывает, что в 1923 г. в СССР было до 4 миллионов полусирот, о которых их единственный родитель не мог заботиться, и, кроме того, до 2 миллионов круглых сирот.

немедленной поверке и к возможному уточнению имеющихся данных о количестве беспризорных в различных местах.

Некоторым подспорьем этому учету могла бы быть общая перепись детей и подростков. Однако, помимо трудностей организации такой переписи, надо заметить, что больших надежд на нее возлагать нельзя, так как несомненно, что значительное число бездомных и заброшенных детей легко ускользнет от всякой регистрации и переписью захвачено не будет. С другой стороны, разработка материалов такой переписи потребовала бы значительного времени, и к моменту, когда она будет закончена, добытые цифры окажутся в значительной мере устаревшими. Однако, несмотря на все сказанное, нельзя отвергать полезности общей детской переписи, проект которой имелся в Центральном Статистическом Управлении еще в 1916 г. Конечно, эта перепись могла бы быть полезна во многих отношениях, а не для одного только учета беспризорных ¹⁾.

Источниками сведений о беспризорных для учреждений, ведущих борьбу с детской беспризорностью, могли бы служить:

1) специальные осмотры и обследования городских приютов разного рода, откуда, конечно, дети и подростки должны быть по возможности изъяты;

2) справки, делаемые органами, ведущими борьбу с детской беспризорностью, при их посещениях отдельных мест и лиц;

3) сообщения судов, которым при разборе разных дел нередко приходится встречаться с фактами, говорящими о беспризорности тех или иных подростков;

4) сообщения органов милиции об известных им случаях этого рода;

5) сообщения заведующих детскими домами и школами об известных им случаях этого рода и

6) сообщения органов социального обеспечения и органов, ведущих регистрацию смертей.

На все эти органы должна бы быть возложена обязан-

¹⁾ Отсюда ясно, что было бы очень желательно включить в программу всеобщей переписи, имеющей быть произведенной в 1926 г., соответствующие вопросы о беспризорных детях и подростках.

ность собирания справок о детях, остающихся после умерших, или о детях, состоящих при инвалидах, о детях, утративших семьи или отбившихся от последних и т. д., и сообщения добытых сведений учреждениям, ведающим борьбу с детской беспризорностью. Далее, к участию в борьбе с детской беспризорностью в широкой мере должно быть привлечено все общество; все и каждый должны быть призваны к содействию органам, ведущим борьбу с этим социальным злом, и, в частности, к сообщению об известных им случаях детской беспризорности. В этом отношении заслуживает серьезного внимания, например, английский закон 1866 г., который предоставил право каждому гражданину, встретившему подростка, на вид моложе 14 лет, находящегося в одном из указанных в законе беспомощных или опасных состояний, — нищенствующего, бродячего, находящегося в обществе воров, ребенка, родители которого осуждены в каторгу или в тюрьму, или вследствие пьянства не способны иметь о нем попечение и т. д., — приводить такого подростка к судье, который может постановить о помещении этого ребенка в ремесленную школу. С некоторыми изменениями в содержании, с устранением упоминания о каторге, судье и т. п., аналогичный закон был бы, несомненно, очень полезен: каждому гражданину, заставшему подростка в социально-опасном положении, должно быть предоставлено право вмешательства и задержания такого подростка для рассмотрения, со стороны компетентного органа, положения этого подростка и причин, по которым он в нем оказался.

При учете беспризорных подростков следовало бы держаться выставленного выше значения понятия беспризорности и вести учет отдельно для указанных трех категорий беспризорных: для детей и подростков бездомных, брошенных и безнадзорных, ввиду большого различия мер, которые могут быть принимаемы в отношении каждой из этих групп. Следует избегать чрезмерного расширения понятия беспризорности, напр., распространения его на всех подростков, живущих в обучении у ремесленников или занятых трудом дома; все эти подростки могут находиться и под должным призором; называть их беспризорными было бы просто нелепо. Не следует также относить к бес-

призорным всех подростков, с которыми лица, имеющие о них попечение, обращаются жестоко. Эта последняя категория подростков относилась к кругу беспризорных детей на первом съезде деятелей детского суда и на конференции по вопросам защиты несовершеннолетних 10—14 июня 1921 г. Конечно, с беспризорными детьми часто обращаются жестоко и их родители, и люди, им посторонние. Но не все дети, с которыми жестоко обращаются, например, под пьяную руку, их родители или воспитатели,—беспризорны. Надо различать положение беспризорности и внешние условия жизни подростка, которые нередко соединяются с беспризорностью, как отягчающие ее придатки, но встречаются и у детей, которых нельзя назвать беспризорными.

Не подлежит сомнению, что случаи жестокого обращения с детьми, эксплуатация детского труда, нищенство детей и подростков и их проституция должны привлекать к себе зоркое внимание органов, на обязанности которых лежит охрана прав детей и борьба с детской беспризорностью, и должны найти себе видное место в системе детского права ¹⁾. Все эти явления часто переплетаются с детской беспризорностью и служат ее грозными симптомами, но они все-таки представляют собою особые явления, которые должны подлежать отдельному учету.

II

Собственно говоря, выражения „детская преступность“ или „преступные подростки“ страдают внутренним противоречием (*contradictio in adjecto*). Понятия „ребенок“ и „преступник“ друг друга исключают: ребенок не может быть преступником. Поэтому, употребляя эти выражения,—ради удобства при помощи их кратко обозначать обширную и важную группу социальных явлений,—надо помнить, что им

¹⁾ Во втором томе „Очерков основных начал науки уголовного права“ (М. 1923, стр. 67) я писал: „одну из очередных задач нашего законодательства составляет создание особой системы норм, охраняющих права детей и подростков и образующих в целом особое детское право, важнейшие постановления которого должны найти себе соответствующее отражение и в постановлениях Уголовного Кодекса“.

придается совершенно условное значение, и они употребляются с этой оговоркой. Они обнимают все те случаи, когда подросток совершает общественно-опасное деяние, за которое взрослые, если суд признает их виновными, подвергаются наказаниям по уголовным законам. Число таких общественно-опасных поступков несовершеннолетних повсюду возросло, по мере того, как возросла, с началом мировой войны, детская беспризорность. Так, например, в Берлине в первые годы войны преступность несовершеннолетних возрастала сравнительно медленно, но, начиная с третьего года войны, стала расти гораздо сильнее, как это видно из следующей таблицы:

Правонарушения мальчиков
(абсолютные числа)

Возраст.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
12—14 л. ...	108	236	379	399	372	206	260
14—16 л. ...	330	512	1022	963	1391	590	783
16—18 л. ...	456	450	906	1340	2110	1217	1994
Всего..	894	1198	2307	2702	3871	2013	3037

Правонарушения девочек

Возраст.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
12—14 л. ...	19	13	46	51	53	20	41
14—16 л. ...	69	100	192	160	245	104	168
16—18 л. ...	149	102	136	245	518	115	353
Всего..	237	215	374	456	816	339	562

Сопоставляя цифры 1914 г. и 1920 г. видим, что преступность подростков увеличилась в 2—3 раза. Рост ее продолжался и в последующие годы ¹⁾. Увеличение пре-

¹⁾ См. „Berliner Jugendgerichtshilfe“, 1920, в „Zeitschrift für d. ges. Strafrechtswissenschaft“. Bd. 43, Heft 1. Данные 1921 и 1922 г.г. см. в заметке Э. Лиета—в том же журнале: Bd. 44, Heft 4, стр. 506 и сл.

ступности подростков наблюдалось и в разных других немецких городах ²⁾, а также в Вене, в Париже, в Лондоне и т. д. В Вене за годы войны преступность подростков возросла на 150%.

У нас также с самого начала войны стал наблюдаться довольно быстрый рост преступности подростков. Уже в первые месяцы войны петроградский судья по делам о несовершеннолетних Н. А. Окунев писал (в сентябре 1914 г.): „в то время как во всех других камерах число дел очень сильно убыло, здесь (т.-е. в камере по делам о малолетних) число дел со времени войны значительно увеличилось, и не проходит дня, чтобы группами не приводили в камеру арестованных мальчиков“. Проф. С. В. Бахрушин—в своей статье „Рост детской преступности в связи с войной“ („Известия Московской Городской Думы“)—в 1916 г. писал: „мы имеем налицо ужасающий рост детской преступности“. „Коротенькая статистическая справка в этом отношении—красноречивее самых убедительных слов“.

²⁾ Гельвиг сообщает следующие числа подростков, осужденных в разных городах Германии судами для несовершеннолетних:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Бреславль	1.490	2.311	1.816
Шарлоттенбург	302	406	530
Кельн	593	1.056	1.250
Ганновер	582	1.035	1.916
Дреден	450	890	1.335
Штуттгарт	292	508	557
Мюнхен	323	733	606
Аугсбург	244	282	409
Бошн	91	166	141
Мангейм	265	394	435
Нюрнберг	330	539	—

Взято у проф. Люблинского, „Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте“. 1923 г., стр. 24.

В Англии число несовершеннолетних, обвинявшихся в детских судах в годы войны, все время повышалось, и лишь с 1919 начало заметно падать. Оно было:

в 1914 г.—36.929	1918 г.—49.915
„ 1915 „—43.981	1919 „—40.473
„ 1916 „—47.342	1920 „—38.143
„ 1917 „—51.323	

См. „Criminal Statistics 1913—1920“. London 1922 (England and Wales).

„В Московский суд по делам о малолетних поступило „тюремных дел“, т.-е. влекущих за собой наказание, соответствующее тюремному:

в 1913 г., т.-е. в год до войны	1.514
в 1914 г.	1.649 ¹⁾
в 1915 г.	2.209
в 1916 г.	3.684

„Итак, в 1913 г.—1.514 дел, в 1916 г.—3.684, т.-е. более, чем вдвое, почти в два с половиной раза больше, а именно на 143¹/₃% ²⁾).

„То же мы наблюдаем в Петрограде:

в 1913 г. в Петроградский дет. суд поступ. тюрем. дел	1.640
в 1914 г.	1.775
в 1915 г.	2.096
за 10 мес. 1916 г.	3.271

В среднем в месяц в 1913 г. поступило около	137 дел
„ „ в 1914 г. „	148 „
„ „ в 1915 г. „	более 174,5 „
„ „ в 1916 г. „	327 „

„Повышение определяется в 146% приблизительно“ ³⁾).

„В Киеве в 1914 г. в среднем в месяц поступило немного более 94 дел, а в 1915 г.—более 168 дел, или около 83% повышения“ ⁴⁾).

Таким образом, с самого начала мировой войны „детская преступность“ стала быстро у нас возрастать. Годы длительной гражданской войны и голода сильно увеличили ее рост. Через комиссии по делам о несовершеннолетних проходило все большее число подростков. Например, данные Ленинградских комиссий за пятилетие 1918—1922 г. указывают на увеличение детской преступности, по сравнению с довоенным временем, на 70%, а числа совершенных под-

1) Увеличение падает, главным образом, на последние 4 месяца.

2) Бахрушин, у. с. стр. 43.

3) Подробнее см. Огранович—„Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной“. „Призвание и благотворительность в России 1916 г.“ № 1—2.

4) Бахрушин, у. с. стр. 49.

ростками краж, мошенничеств и присвоений—в 6—7 раз ¹⁾. В 1923 г. по РСФСР,—по данным 273 комиссий,—поступило 29.650 дел, а несовершеннолетних привлечено 42.469. За 1-е полугодие 1924 г. по данным 241 комиссий число поступивших дел было 16.446, а число привлеченных подростков—23.492. ²⁾ Цифры эти достаточно внушительны. Однако они не выражают еще всей высоты у нас преступности подростков, вследствие своей неполноты, и вследствие того, что значительная часть подростков не проходит через комиссии. Во всяком случае нельзя сомневаться, что уровень преступности подростков у нас высок.

Не останавливаясь на других цифрах, которыми можно было бы иллюстрировать его высоту, я перейду теперь к рассмотрению глубокой связи этих двух социально-патологических явлений—детской беспризорности и преступности.

Оба явления не просто растут параллельно, а одно (преступность) растет вследствие роста другого. Почему? В чем заключается кримногенная роль беспризорности? На этом вопросе я теперь и остановлюсь.

III

Анализируя то влияние, какое оказывает на ребенка или подростка его беспризорность, необходимо прежде всего отметить, что благодаря ей получают возможность особенно сильного развития и проявления все те задатки, которые связаны с дурной наследственностью, столь часто встречающейся у беспризорных подростков. Многие подростки отягощены плохой наследственностью и, как скоро они попадают в положение беспризорных, эта наследственность играет особенно роковую роль в их судьбе. Прежде всего, надо помнить, что громаднейшее большинство беспризорных подростков обременено алкогольной наследственностью. Они—потомки алкоголиков, при чем в большинстве случаев они наделены алкогольной наследственностью со стороны отца, а иногда—со стороны обоих родителей. Для

¹⁾ Люблинский, у. с. стр. 28—30.

²⁾ „Статистический ежегодник“. „Состояние народного образования в РСФСР за 1923—24 г.“, стр. 134.

того, чтобы понять, какое это может иметь значение, надо вдуматься, как это может влиять на склад их личности, на их физическую и психическую конституцию.

Алкоголь производит вредное влияние на семенные железы мужчин и яичники женщин, что не может не отражаться на продуктах этих органов. Особенно вредное значение имеет опьянение обоих или одного из родителей во время зачатия. Алкоголики часто производят потомство с признаками вырождения, слабое в умственном отношении, с неустойчивой нервной системой, склонное к душевным заболеваниям, с невро- или психопатической конституцией. По наследству передается, повидимому, и склонность к спиртным напиткам. Наблюдения показали, что большинство хронических алкоголиков обременены алкогольной наследственностью ¹⁾.

Среди детей-алкоголиков наблюдаются усиленная смертность, частые первые заболевания, умственная отсталость идиотизм, разные резкие проявления физического недоразвития в том или другом отношении. Д-р Легрен нашел, что из 761 ребенка пьяниц 72,6% были вырождающимися—отсталыми, эпилептиками, душевно-больными. Из 54 взрослых лиц, родители которых оба были алкоголиками, 63% было пьяниц, а 44,4%—душевнобольных. Демме исследовал 10 семейств умеренно-пьющих родителей и 10 семейств пьяниц. Первые дали 50 нормальных и выживших детей, 5 умерли, 2—с уродствами, 2—отсталых, 2—больных пляской св. Витта; 10 же семейств пьяниц дали только 10 нормальных детей, 25 умерло, 22—с уродствами, эпилептическими припадками и т. п. ²⁾. При этом Демме разделил исследованные им семьи пьяниц на 3 группы: 1) те, в которых алкоголиком был только отец; 2) те, в которых алкоголиками были отец и дед и 3) те, в которых алкоголиками были оба родителя. Оказалось, что чем более были отягощены алкоголизмом предки, тем большие последствия имело это для потомства.

¹⁾ См. доклады I Всероссийскому съезду по борьбе с пьянством д-ра Риг и проф. Рыбакова, в „Трудах съезда“, стр. 1282 сл., 1289 сл. Оба исследователя указывают большие цифры; д-р Риг, напр., нашел алкогольную наследственность у 87,7% хронических алкоголиков.

²⁾ Legrain, Dégénérescence et alcoolisme. 1895. Цитировано по Ашаффенбургу, Verbrechen und seine Bekämpfung (1906), стр. 61. Там же и об исследованиях Демме. См. также Норре. Alkohol und Kriminalität, 1906, стр. 144 сл.

При изучении взрослых и несовершеннолетних преступников, постоянно приходится находить у них алкогольную наследственность со стороны отцов, реже—и со стороны матерей. У взрослых воров мне приходилось это наблюдать не менее, как у 75%. У преступников иных категорий—50—60—70%. Из исследованных мною 250 бандитов я встретил алкогольную наследственность у 148 человек, т.-е. почти у 60%; в 16,5% случаев алкоголизм отцов остался невыясненным, потому что обследованные рано лишились родителей или с детства не жили с своей семьей и ничего не знали о своих родителях. Д-р Лобас нашел у исследованных им 80 убийц—78 родителей (64 отца и 14 матерей) алкоголиков. Из 64 отцов 49 были пьяницами, из них 10 болели белой горячкой. Личный алкоголизм он нашел у 86% из исследованных им убийц, при чем в 30% случаев субъект начал употреблять алкоголь с 10—15 лет ¹⁾.

У подростков, содержащихся в исправительно-воспитательных заведениях, алкогольная наследственность встречается сплошь и рядом; труднее найти случаи, когда ее нет. Так, например, из 117 подростков, содержавшихся в 1922 г. в московском „трудовом доме“ для несовершеннолетних, и обследованных мною и моими ассистентами, алкогольная наследственность наблюдалась:

Возраст.	Родители трезвые люди.	Алко-лик отец.	Алко-лика мать.	Алко-лики оба родителя.	Неизвестно.
17	12	34	1	1	1
16	7	26	—	4	—
15	4	9	1	2	1
14	4	5	—	1	—
13	1	2	—	—	—
12	—	—	—	—	1
Всего	28	76	2	8	3
В ‰‰	22,½‰	около 75‰			2½‰

¹⁾ Лобас. „Убийцы“, 1913 г., стр. 139, 140.

Таким образом, у $\frac{3}{4}$ подростков наблюдалась алкогольная наследственность со стороны одного или обоих родителей.

Алкоголизм родителей своими разрушительными действиями уродует детей, задерживает их развитие, ведет многих из них на путь нищенства, проституции и преступлений. Иногда целые роды, из поколения в поколение, вырождаются при сильном участии алкоголизма. Такой вырождающийся род Маркусов был прослежен, например, психиатром Норгером, при чем оказалось среди его членов громадное количество алкоголиков, бродяг, плутов, проституток, 20% слабоумных ¹⁾. Таков же был род Юк в Америке, прослеженный на протяжении семи поколений: среди 540 брачных и 169 внебрачных потомков этого рода было 76 преступников, 142 бродяги и 181 проститутка, 64 нищих, 18 содержательниц публичных домов, 131—калек, идиотов и сифилитиков, 46 бесплодных ²⁾.

Итак, пьянство родителей не проходит бесследно для детей, по крайней мере, в громадном большинстве случаев. Черты некоторой умственной отсталости и нервной неуравновешенности, неустойчивости настроения и несколько повышенная аффективность, раздражительность, изменчивость и слабость воли—в лучших случаях, и черты более или менее глубокой физической и психической дегенерации, нервные болезни, слабоумие и психическое расстройство—в худших случаях,— вот что достается потомкам от предков-алкоголиков.

Ввиду умственной отсталости, нервной слабости, особенно аффективности и импульсивности детям алкоголиков особенно трудно устроиться, и они особенно легко и быстро соскакивают с колеи честной, трудовой жизни. Громадный процент беспризорных подростков—особенно подростков, рождение которых относится к довоенному времени и которым сейчас 12, 13 и более лет—является носителем алкогольной наследственности. Нельзя, разумеется, привести точной цифры таких подростков, но нельзя ни минуты

¹⁾ См. ст. I ö r g e r „Die Familie Marcus“ „Zeitschrift für die gesammte Neurologie und Psychiatrie“, 1918, стр. 76 сл.

²⁾ Л о м б р о з о. „Преступление“, русский пер. Гордова. 1900; Т а р н о в с к а я, „Воровки“. Антропологическое исследование. СПб. 1891, стр. 57.

сомневаться в значительности процента их в общей массе беспризорных. Достаточно вспомнить, что в довоенное время, т.-е. до 1914 года, потребление сорокаградусной водки быстро приближалось у нас к 100 миллионам ведер в год. Так, в 1910 г. было выпито 90 миллионов ведер, а в 1911 г. — 92 миллиона¹⁾. Этот факт очень важен и должен быть учтен. Мы должны помнить, что в массе беспризорных мы имеем дело с очень большим числом потомков алкоголиков, и алкоголиков иногда очень сильных. Вполне ясно, что если подросток с алкогольной наследственностью и связанной с последней нервной неустойчивостью и неуравновешенностью попадет в положение беспризорности, то это положение становится и для него, и для окружающих вдвойне опасным. Такой подросток особенно легко и быстро осваивается с жизнью притонов и вступает на путь нищенства, проституции и воровства. С раннего возраста у него часто проявляется склонность самому употреблять наркотики, склонность к онанизму, раннее знакомство с половой жизнью, иногда в ее извращенных формах.

Из 117 упомянутых выше подростков „трудового дома“ употребляли наркотики:

Возраст	Пили водку, спирт., одеколон, денатурат и т.п.	Нюхали кокаин	И пили и нюхали	Не пили и не нюхали
17 л.	8	3	12	26
16 л.	8	3	5	21
15 л.	5	3	—	8
14 л.	1	—	1	9
13 л.	1	1	—	1
12 л.	—	—	—	1
Итого	23	10	18	66
В %/о	20% ¹⁾	9% ¹⁾	16% ¹⁾	55% ¹⁾

¹⁾ См. выпуск III, изданного Главным Управлением нескладных сборов и казенной продажи питей статистического сборника по казенной продаже питей. 1911 г. Изд. 1913 г., стр. 55.

Таким образом, более 40% уже были сами знакомы с наркотиками и притом, надо сказать, в такое время, когда вообще наркотики доставать было очень трудно. Не будь этой трудности, мы имели бы еще более печальную картину. Мне часто приходилось встречать случаи, когда оказывалось, что преступник начинал пить с очень раннего возраста. Так например, Александр С., 17 лет, внебрачный сын одной кухарки, жившей в Пушкине под Москвой и неизвестного ему отца, вор-городушник¹⁾, пьет сильно лет с 10. Один зубийца, Иван Иванович М., 26 лет, из Рязанской губернии, Скопинского уезда, рассказывал мне, что он родился слабым „как плетень“, и поэтому с самого раннего детства мать поила его водкой. Отец его — сильный алкоголик, мать — эпилептичка. Сам Иван — лунатик, горький пьяница, умственно и нравственно туп.

Немудрено, что из беспризорных потомков алкоголиков годам к 16 — 17, а иногда и ранее, вырабатываются ловкие профессионалы, вроде, например, такого юноши:

Евгений П., 17-летний домушник „по тихой“, „с железкой“, т.е. с отмычкой работает плохо, с ней ему приходилось работать лишь очень редко. Воровал и один, и в компании, как с подростками, так и с взрослыми ворами. Умственно отсталый, картежник, алкоголик, онанист, кокаирист с 1916 г. Очень раздражителен и вспыльчив. Большой сквернослов. О действии кокаина отзывается так: „становишься вроде дурака, что ни говоришь — ничего не понимаешь, приятного ничего нет, а тянет“. Отец его — провизор — сильный алкоголик, мать давно умерла, мачеха и с отцом, и с Евгением жила очень плохо, при чем под конец отец с ней разошелся. Семейная атмосфера у него была ужасная: отец постоянно дрался с мачехой, раз даже чуть не убил ее лампой. В 1919 г. отец умер, и Евгений остался один. Из дела видно еще, что мальчик в детстве был исключен из приготовительного класса гимназии и отдан родителями в Рукавишниковский приют. Страдает с детства недержанием мочи. Замечено также, что он — пассивный педераст. Жалуется на боль в груди, которая у него появилась после.

¹⁾ На воровском жаргоне „городушниками“ называются вору, крадущие с прилавков в магазинах, в которые они являются под видом покупателей. Иногда их жертвами оказываются торговцы палаток на рынках.

странного самосуда над ним в 1918 г.: он попался тогда в квартире, куда вошел под видом нищего. Малокровен. С 1917 г. имеет 3 судимости и 10 приводов за домовые кражи; кроме Рукавишниковского приюта, саживал и в Таганской тюрьме, и в Лефортовской, а в момент нашей беседы с ним находился в трудовом доме для несовершеннолетних. Кражи совершал охотно, и ему нравится, что он совершил их много, а то неприятно: все гордились своими преступлениями, рассказывали о них, а ему похвалиться было нечем. Ремесла никакого сколько-нибудь сносно не знает, ни к какой работе не приучен. Воровские притоны и воровской язык знает хорошо. Откровенно говорит, что по выходе будет воровать, но, помолчав, добавляет, что займется сапожным делом, а может быть, будет наборщиком...

Очень часто к алкогольной наследственности у подростка присоединяется наследственность невропатическая или психопатическая. Такие дети эпилептиков, неврастеников, истеричек и т. д. — в условиях беспризорности оказываются особенно порывистыми, импульсивными и беспомощными. Передко с детства они сами страдают определенным нервным или душевным расстройством, особенно, если при плохой наследственности — алкогольной, невропатической, психопатической или сифилитической — мы встречаем у них личный алкоголизм. Падая на такую наследственную почву, алкоголь оказывается особенно губительным. Надо заметить, что алкоголизм находится в особенно тесной связи с эпилепсией. Он иногда вызывает, иногда усиливает эпилепсию. Алкоголизм родителей предрасполагает потомство к эпилепсии, или прямо награждает его этой болезнью. Многие эпилептики становятся хроническими алкоголиками. По словам Зоммера, периодический алкоголизм обыкновенно имеет эпилептическую почву¹⁾.

Из сказанного ясно, что при изучении того или иного беспризорного подростка чрезвычайно важно выяснить алкоголизм его предков, особенно родителей, а также отсутствие или наличие на стороне кого-либо из них нервных или душевных болезней. Наследственное отягощение в условиях беспризорности может особенно быстро и резко выразиться.

¹⁾ См. Зоммер „Криминальная психология и судебная психопатология“ Пер. Шлаттера и Щепинского. 1909. Стр. 167, 169, 40 и сл.

Наблюдения над детской преступностью дали, далее, следующие интересные факты:

во первых, что подавляющее большинство подростков, попадающих на преступный путь, принадлежит к беднейшим классам населения;

во-вторых, что среди этих подростков очень велик процент сирот и полусирот, более 50%;

в-третьих, что среди них велик процент внебрачных детей и детей неизвестного происхождения. Еще один из старинных исследователей, — проф Богдановский, — исследовав статистику западно-европейской детской преступности, пришел к следующему выводу: „В Англии и Франции, — говорит он, — около 1/10 малолетних преступников — дети отцов и матерей, бывших также преступниками; около 7/10 — плоды разврата или же, как лишняя обуза, были брошены родителями на произвол судьбы и приняты под чужой кров; около 2/10 принадлежит родителям, ведущим жизнь бродяг, нищих, или же публичных женщин“¹⁾. Явление, отмечаемое Богдановским, имеет не случайный и не местный только характер. Несколько разнообразясь в конкретных своих формах, в цифрах, его выражающих, оно повторяется везде и постоянно.

Затем, в-четвертых, среди подростков, попадающих на преступный путь, всегда велик процент не получивших совсем или почти совсем образования и ничему не обученных. Вполне очевидно, что, присоединяясь к какому-либо из этих фактов или ко всем им, беспризорность служит очень сильным толчком к вступлению на преступный путь. Вот несколько фактов, иллюстрирующих сказанное. Перепись питомцев исправительных заведений С.-А. Соединенных Штатов в 1910 г. обнаружила 75% сирот и полусирот среди них. Корр („Les criminels, caractères physiques et psychologiques“, 1889) сообщает, что среди 8006 несовершеннолетних, содержащихся во французских местах заключения 31 декабря 1864 г., было 60% незаконнорожденных и подростков неизвестного происхождения, из них 38% происходили от бродяг и проституток. Ро („Nos jeunes détenus“, 1893), исследовав питомцев исправительного заведения в Лионе, нашел

¹⁾ „Молодые преступники“. 1871, стр. 54 и сл.

среди них 58% сирот и полусирот. Ленц („Jugendsstrafrecht“) приводит сходные данные относительно германских подростков, а Ферриани—относительно итальянских¹⁾. Статистика наших исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних преступников давала следующие проценты сирот, полусирот и внебрачных среди них: в 1911—50%, в 1912—55%, в 1913—57%, в 1914—57%, в 1915—53%²⁾.

Данные петроградского суда для несовершеннолетних обнаружили, что в период 1910—1915 г.г. среди подростков мужского пола было около 43% сирот и полусирот, а среди девочек—55%. Годы войны, конечно, сильно ухудшили положение подростков и сильно подняли процент сирот и полусирот. Уже обследование 1.112 подростков, содержащихся в петроградских детских домах для так называемых морально-дефективных, произведенное Н. А. Окуневым и П. Г. Бельским в 1920 г., обнаружило среди них 78% сирот и полусирот³⁾.

Новейшие данные, обнимающие большое число подростков, дают ту же цифру. Так, например, „по статистическим данным, имеющимся в Народном Комиссариате Просвещения на 1 июня 1924 г., в детских домах РСФСР—76% круглых сирот, 29,5% полусирот и только 3,5% детей, имеющих обоих родителей, при чем в это небольшое число входят дети, потерявшие связь с родителями, и дети, изъятые насильственно из семей“⁴⁾

Статистика детской преступности рисует в очень неприглядном свете и имущественное положение подростков, попадающих в исправительно-воспитательные заведения. Так,

1) Ferriani, „Minderjährige Verbrecher“. Deutsch v Ruhemann, 1896, стр. 196 и сл.

2) См. отчеты по главному тюремному управлению за соответствующие годы. Отчеты более раннего времени также дают цифру, превышающую 50% общего числа. См., напр., отчеты за 1906 и 1907 г. г., стр. 306, 370. Нельзя, однако, не заметить, что значение приведенных цифр несколько ослабляется тем соображением, что подростки, имевшие обоих родителей, часто отдавались последним для домашнего исправления, тогда как их товарищи по преступной деятельности, не имевшие родных семей, при аналогичных условиях поступали в исправительно-воспитательные заведения.

3) Люблинский у. с. стр. 64.

4) См. Народное Просвещение в РСФСР к 1924/25 учебному году (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1923/24 г.) М. 1925, стр. 82.

например, итальянский ученый Луккини собрал сведения об имущественном положении 2.456 итальянских несовершеннолетних преступников, при чем оказалось, что 1,549 из них не имели необходимых для существования средств, 792—имели только необходимые средства, 11—были зажиточные, остальные—полузажиточные ¹⁾

Ферриани рассказывает, что из обследованных им 2.000 итальянских подростков только 148, т.-е. менее 1/10, не знали нужды и бедности ²⁾.

С. Брекинридж в своей книге „Малолетний преступник и его дом“ сообщает, что подростки, прошедшие в 1912 г. через детский суд в Чикаго, по имущественному положению распределялись на следующие группы:

	Мальчики	Девочки
Из очень бедных семей, не могущих существовать на свой заработок	38,2%	68,8%
Из бедных семей, но поддерживающих себя своим заработком.	37,9%	21%
Из семей, имеющих удовлетворительный заработок	21,2%	7,6%
Из зажиточных семей	1,7%	1,3%
Бездомные.	1 %	1,3%

Таким образом, 76% мальчиков и 90% девочек вышли из нуждающихся семей.

Произведенное в 1919 г. в Нью-Йорке обследование 911 преступниц показало, что во время их детства или юности их семьи жили:

в крайней нищете	5,7%
в сильной материальной необеспеченности	35,7%
при минимальном заработке	45%
при удовлетворительном заработке	13,1%
при хорошем заработке или доходе	0,5% ³⁾

По данным нашей статистики только 2—3—4% подростков, поступавших в наши исправительно-воспитательные заведения, принадлежали к сравнительно обеспеченным и зажиточным семьям, остальные же были детьми бедняков.

¹⁾ См. Ферриани, у. с., стр. 197.

²⁾ У. с. стр. 440.

³⁾ Люблинский, у. с., стр. 70—71

Около 10% детей, поступавших в эти заведения, занимались нищенством и бродяжничеством; около 25% с детства работали на фабриках, заводах или находились в услужении. Иногда этот процент поднимался выше 25 (напр., в 1907 г.), а иногда немного спускался; (в 1908 г., например, он был 24,9%¹⁾). Упомянувшиеся уже выше 117 подростков, содержащиеся в 1922 г. в Московском Трудовом Доме, все были детьми очень бедных родителей. По семейному положению они распределялись так:

Возраст	Сироты	Полусироты	Оба родителя живы
17 л.	10	21	18
16 „	13	11	13
15 „	3	6	7
14 „	2	7	2
13 „	2	1	—
12 „	1	—	—
	31	46	40

Все приведенные выше цифры говорят, что подростки, попавшие на преступный путь, находились в тяжелых условиях. К тяжелой материальной обстановке у многих из них присоединялись очень плохие жилищные условия, в силу которых дети неизбежно становились постоянными свидетелями разных таких отношений между взрослыми,—ссор, драк, ласк, половых отношений,—которые не могли не оказывать на них дурного влияния. Даже если они жили с родителями, они жили в таких квартирах, в такой обстановке, при которой с самого раннего детства являлись свидетелями разгула и диких проявлений животных страстей,—драк, грубейшей брани, пьяных ласк... Про такие квартиры Достоевский, устами своего героя—Раскольниковова,—сказал: „я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке; там детям нельзя оставаться детьми, там семилетний уже

¹⁾ См. отчеты по главному тюремному управлению за 1907 и 1908 г.

развратен и вор". Немудрено, что подросток в таких условиях не получает никакого воспитания, часто ничему не обучается и, даже перейдя уже школьный возраст, оказывается почти или совсем безграмотным. Исследователи детской преступности постоянно указывают на черты умственной отсталости у громадного % подростков, попавших на преступный путь. Так, например, Ферриани указывает на основании статистических данных, что на 100 подростков, впадших в преступление, только 6—7 имели образование, превышающее умение читать и писать ¹⁾. Вильяме среди исследованных им 470 подростков, совершивших преступления, нашел: 30% умственно отсталых, 27,2% слабо одаренных, 20,6% посредственных в умственном отношении, 19,2 нормально одаренных и только 4% хорошо одаренных ²⁾. По нашей статистике дореволюционных исправительно-воспитательных заведений около 1/3 подростков, иногда даже более, из поступивших в эти заведения, было совсем неграмотных, около 60% умели только читать и писать, а иногда—только читать, и около 6% поступали с свидетельствами из школ. Все эти цифры указывают на то, что достаточных забот об интересах и о воспитании этих малолетних в их семьях не было. И за поведением таких подростков, обыкновенно, не бывает надзора. Ро, например, нашел, что из питомцев французских исправительных заведений лишь 13% пользовались в своих семьях нормальным надзором. Иногда, наоборот, вместо надзора и руководства, родители или воспитатели толкают ребенка на нищенство, проституцию или даже на тяжкое преступление, на бандитизм, убийство и т. п. Вот один из примеров этого последнего рода.

Мальчик Иван Н., 12 лет, сын мясника, который с детства бывал с отцом на скотобойне и в мясной лавке. Этот мальчуган, затем, был пособником бандитского нападения одного старого бандита, не раз бывавшего в тюрьмах и взявшего его как достаточно подготовленного помощника. В 1921 г., зимой, поздно вечером они пришли в избу, у станции железной дороги, где жили два старика—муж и жена—

1) У. с., стр. 59.

2) „Intelligence of the delinquent boy“. California, 1921.

и маленькая девочка. Мальчик постучал, сказал, что он из дома по соседству послан попросить ненадолго несколько стаканов. Как скоро дверь была отперта, они ворвались в жилище и убили всех трех находившихся там лиц: старый бандит зарезал старика и старуху, мальчик—девочку; по его словам, не совпадающим с данными предварительного следствия, он лишь держал девочку и зажимал ей рот, а убил ее старый бандит, но это для характеристики его не так существенно. Убив, убийцы тут же поужинали и пошли домой с крадеными вещами. Интересно, что в помощники бандиту мальчика предложил его отец, который сам почему-то в нападении участия не принял, но сына рекомендовал как надежного помощника. Мальчик—не глухой, но невоспитанный и почти ничему не учившийся. Его отец—горький пьяница, мать умерла лет пять тому назад: в доме у них жили: мачеха, две воровки и тот бандит, который позвал его с собой на убийство стариков. Отец также сидел в тюрьме за покупку краденой скотины и водился с ворами. Сына он посылал воровать „по домово́й“. Мальчик—малокровен. Несомненно, ему присуща злобная раздражительность, вследствие которой, по словам его родного брата, другие мальчики и сам брат побаивались его злобой необузданности и способности на резкие проявления насилия. При исследовании по методу свободных ассоциаций получилось только 5% эмоциональных ассоциаций и 95% внешних.

Не останавливаясь на других примерах и на отдельных цифрах, рисующих неприглядное материальное и моральное положение преступных подростков, я ограничусь теми иллюстрациями, которые приведены выше. Язык всех указанных выше цифр очень красноречив и убедителен. Если попытаться объединить их в одном общем заключении, то получится такая характеристика несовершеннолетних преступников, верная для громадного большинства их: это—сироты или полусироты, происходящие из бедных семей, нередко с раннего детства вынужденные самостоятельно выступать на рынке труда. Если у таких подростков и есть родители, то они не хотят или не могут ими заниматься. Обыкновенно никто не пытался развить в таком подростке добрые чувства и честные взгляды; окружающая обстановка, наоборот, чуть не с ко-

лыбели развращала его сценами разврата, делая его невольным свидетелем последних, разжигая и рано пробуждая его животные инстинкты, для особенного развития которых в неуравновешенности и других дефектах его нервной системы существовала особо благоприятная почва. Он часто рано начинает жить половую жизнью, знакомится с половыми пороками или вступает на путь проституции. Он, обыкновенно, почти не имеет образования и лишь, с грехом пополам, умеет читать и писать. Жизненные условия ставят этого подростка на наклонную плоскость, по которой он и летит, пока не остановится где-нибудь на дне трущобы или не попадет в тюрьму. Заметьте еще, что вообще в период полового созревания организм человека переживает бурные моменты, которые и у детей, воспитывающихся в обычных, нормальных условиях, вызывают иногда странные, порой грубые, даже преступные поступки. В эпоху полового созревания иногда появляется страсть к тем или иным действиям насильнического характера, страсть к поджогам и т. д. Представьте же себе подростка, находящегося в подобном бурном периоде и окруженного теми условиями, которые так обычны для детей, совершающих преступления, и вы легко поймете, какой сильный толчок к преступной деятельности дается такому подростку теми процессами, которые происходят и иногда болезненно обостряются в данный период в его организме.

Беспризорность облегчает развитие и проявление унаследованных и приобретенных ребенком дурных задатков. Она гонит его на улицу, а затем в „чайные“ и притоны, дает ему ряд опасных знакомств, заставляет его самого изобретать средства и способы удовлетворения таких потребностей, удовлетворение которых обыкновенно предоставляется детям взрослыми. Естественная физическая слабость ребенка, его беспомощность, неосведомленность в разных работах, отсутствие образования, свойственная детям впечатлительность, изменчивость настроения и импульсивность,—все эти свойства становятся в высшей степени опасными для беспризорного подростка. Его беспризорность заставляет его искать выхода из нужды в нищенстве, в проституции, в мелких кражах. Встречаясь на улицах или в притонах с взрослыми преступниками, подросток охотно подражает им, усваивает их

точки зрения, их обычаи и жаргон и становится деятельным участником преступной шайки. А взрослым преступникам беспризорный подросток может быть очень полезен: он может и пролезть туда, куда взрослому проникнуть трудно, может пройти куда-нибудь, менее возбуждая подозрений, и, будучи менее заметен, поразузнать что-нибудь, так как ребенка менее остерегаются и с ним иногда откровеннее говорят, и т. д.

Если признать, что совершаемые подростками общественно-опасные деяния, как и всякий вообще поступок, имеют, с одной стороны, причины внешние (экзогенные), с другой стороны—внутренние, в личности подростка лежащие (эндогенные), то нельзя ни минуты сомневаться, что в детской преступности резко преобладают первые, а в центре их стоит беспризорность. Внутренние факторы или порождены тою же беспризорностью, или благодаря ей получают широкий путь для свободного развития и проявления. Мы вправе, таким образом, видеть в беспризорности коренной фактор „детской преступности“ и считать проблему борьбы с последней глубоко и тесно связанной с проблемой борьбы с детской беспризорностью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТИПЫ БЕСПРИЗОРНЫХ И ПРЕСТУПНЫХ ПОДРОСТКОВ

I

Когда приходится иметь дело с каким-либо обширным и пестрым материалом и преследовать в отношении его известную цель, то прежде всего необходимо классифицировать этот материал в соответствии с преследуемой целью. Какие же основные группы можно отметить среди беспризорных подростков? На чем следует основываться, классифицируя их?

Наша цель в данном случае сводится к тому, чтобы найти наиболее действительные меры борьбы с детской беспризорностью и преступностью, выяснить лучшую постановку этой борьбы. В соответствии с этой целью, первый признак, на котором должна базироваться классификация беспризорных подростков, это—признак душевного здоровья. По этому признаку надо различать: подростков душевно и нервно-больных, для которых необходимы совершенно иные меры, чем для подростков, хотя и обнаруживающих, быть может, некоторые странности и ненормальности, но не могущих все-таки быть названными душевно-больными или нервно-больными. Воздействие на первых должно быть, прежде всего, лечением, воздействие на вторых—прежде всего, воспитанием.

Но выделением из общей массы подростков нервно и душевно-больных классификация беспризорных, разумеется, ограничиться не может. Группа небольших беспризорных подростков слишком велика и разнообразна, чтобы ее можно

было оставить без дальнейших подразделений. На каких же признаках должны основываться эти подразделения? Таких признаков много, и из них надо сделать выбор.

Здесь, прежде всего, возникает вопрос: какое значение может быть придаваемо тому обстоятельству, что подросток совершил общественно-опасное деяние, такое деяние, которое, при виновном совершении его взрослыми, считается, на основании Уголовного Кодекса, преступлением? Можно ли придавать этому обстоятельству основное, решающее значение, или, быть может, наоборот, следует вовсе не считаться с ним при построении классификации беспризорных подростков? Если стать на первую точку зрения, то у нас сразу получатся две отчетливо обособленные группы: совершившие деяния преступного характера и не совершившие таковых. Если держаться второй точки зрения, факт совершения подростком преступного деяния останется в классификации неотмеченным. И та, и другая точка зрения ошибочны. Факту преступного поведения нельзя ни придавать безусловного значения, ни не считаться с ним. Необходимо обращать самое серьезное внимание на то, в силу чего подросток совершил общественно-опасное деяние: в силу ли того, что внешние условия, в которых он находился в это время, вынудили его к такому поведению, или в силу того, что у него уже наметилась склонность данным образом удовлетворять известные свои потребности, и эта склонность представляет собою все более, так сказать, затвердевающий осадок, образовавшийся от более или менее долгого пребывания в атмосфере известных внешних условий. Для применения к подростку тех или иных воспитательных мер этот осадок имеет слишком важное значение, чтобы с ним можно было не считаться при построении классификации.

Всматриваясь в пеструю массу беспризорных и преступных подростков, не трудно подметить среди них, прежде всего, три группы, каждая из которых обнимает ряд разновидностей. Между этими группами существует следующее серьезное психологическое различие.

Обыкновенно, попав в положение беспризорного, подросток через некоторое время свыкается с ним, приспособливается к нему; в результате этого приспособления у него

образуется и более или менее ясно вырисовывается особый склад жизни или особая колея, по которой движется его жизнь и поведение. У него более или менее сильно укореняется склонность известным образом добывать себе средства для удовлетворения своих необходимых потребностей и для разных своих удовольствий. Он избирает себе определенный образ жизни, опасный, с социальной точки зрения, для него и для других и более или менее удерживающий его в положении беспризорности, короче говоря, асоциальный. Так, например, он изо дня в день нищенствует, нищенски что-либо продает, приучается к какой-либо форме торговой спекуляции, занимается проституцией, кражами и т. д. При выборе мер, которые должны быть приняты в отношении беспризорных подростков, необходимо считаться с отсутствием или наличием у них „асоциальных“ склонностей, т.-е. более или менее укоренившейся склонности к какому-либо из тех образов жизни или видов поведения, которые я назвал выше асоциальными.

1. С этой точки зрения первую группу беспризорных детей и подростков составляют те, которые недавно или только что попали в положение беспризорных, не свыклись еще с ним, не приобрели еще склонности к определенному асоциальному поведению. Сюда принадлежат дети, только что осиротевшие или только что потерявшие связь с родными и „оказавшиеся на улице“, или соблазненные кем-либо отправиться в большой город на хорошую будто-бы жизнь и богатый заработок и здесь неожиданно очутившиеся одни, без средств, без знания к кому обратиться и куда идти. Сюда принадлежат также те подростки, которые были отданы родителями в ученье, сбежали от дурного обращения с ними мастеров и очутились на мостовой, не зная, что делать, куда идти, боясь показаться в деревню из-за гнева и побоев родителей и т. п. Сюда принадлежит большинство детей-беженцев из голодных мест и целый ряд других категорий подростков, которых, к сожалению, так много в наших городах. Большею частью это—деревенские дети, которые жили в деревне, быть может, в нужде, но нормальной жизнью деревенских мальчиков или девочек, пока неожиданно не были выброшены из колеи этой жизни той или иной социальной катастрофой (голодом, войной

и т. п.). Иногда такие подростки отличаются невоспитанностью, некоторой грубостью, быть может, несколько дерзки, недостаточно дисциплинированы; иногда, застигнутые нуждой, они что-нибудь стащат или попросят милостыню, но эти поступки являются у них как-бы навязанными внешними обстоятельствами, отдельными эпизодами их жизни, к которым у них нет внутреннего тяготения, нет еще более или менее укоренившейся склонности. Всех этих подростков можно назвать беспризорными и «преступными» подростками без асоциальных склонностей, в указанном выше смысле этого слова. Понятие беспризорности не покрывает целиком всей детской преступности. Беспризорность лишь главный и во многих случаях основной фактор детской преступности. Но на преступный путь попадают иногда и подростки, которых нельзя назвать беспризорными, которые к великому горю родителей ускользнули из-под надзора, увлеченные своими товарищами, а затем, очутившись в затруднении и подталкиваемые другими, совершили поступок криминального характера, что-нибудь утащили и т. п. Таковы подростки, которые, увлекшись рассказами о войне, отиравались на фронт или на войну с индейцами в дикие страны, задерживались на пути, попадали в нужду, таскали деньги у родителей на поездку и т. д. Иногда это просто любопытные, шаловливые, живые и смелые дети, у которых не заметно никаких асоциальных склонностей, но чрезмерно развита фантазия, детская порывистость и неустойчивость и т. п. В воспитательных учреждениях с большим числом питомцев нередко встречаются такие подростки, честные по натуре, добрые и мечтательные любители путешествий, которые весной и летом пускаются в разные далекие путешествия, а затем, когда такого бродяжку в дороге застигнет нужда, он совершает иной раз кражу или мошенничество, о чем с искренним сокрушением рассказывает по возвращении воспитателям. Несколько лет тому назад я знал такого юного бродяжку, который содержался в малолетнем отделении московского Дома Трудолюбия. был очень недурным мальчиком, вовсе не склонным к воровству, но большим любителем путешествий; последние он предпринимал с наступлением весенних или летних дней, с целью посмотреть, как в разных местах люди живут. Не-

сколько раз, с наступлением весны, он писал даже на классной доске: „уйду в Киев“ и т. п., и скрывался, несмотря на все принятые против побега меры, а осенью возвращался, так как ему нигде было приютиться с наступлением холодов. Про одного подобного бродяжку, со слов директора одного воспитательного учреждения, проф. Дриль рассказывает следующее: „Мальчик 12 лет, который еще с 8 лет, несмотря на жестокую порку со стороны родителей, уходил бродяжить из дому. На вид это был худенький деревенский мальчик, с узенькими плутоватыми глазками, видимо не питающий большого доверия к окружающим. Он отзывчив на ласку, но на строгость отвечает упрямством. Это—вечный бродяга до Сахалина, так рекомендовал его директор. Когда начинались ясные весенние дни, он начинал тосковать до болезни. Его неудержимо влекло на волю, к чистому воздуху, к свету, к теплу, к все новым местам. Он, повидимому, представлял собою слабую, нервную организацию, крайне впечатлительную, инстинктивно и упорно искавшую все новых и новых впечатлений, которые стимулировали бы ее, повышали бы ее нервный тонус и улучшали настроение. Примащиваясь под вагонами, этот мальчик раз'езжал по разным местам, и во время одного из таких переездов, когда поезд под'езжал к станции, он, по своему обыкновению, упал на шпалы, но в этот раз неудачно: колесо одного из вагонов прошло по пальцам его подвернувшейся ноги. Вылеченный, он был помещен в приют, но пробыл там с марта по июнь, а потом бежал, и сам вернулся в феврале. Встретив у приюта дядьку, он бросился его целовать с словами: „а я только что приехал и сейчас же к вам“.

Подростков, совершивших кражу или вообще какое-либо общественно-опасное деяние, но не имеющих еще более или менее укоренившихся „асоциальных“ склонностей, находившихся в положении беспризорных, или лишь на короткий срок ускользнувших от родительского надзора, я отношу к первой группе, характеризующейся именно отсутствием более или менее сложившихся „асоциальных“ склонностей. Любовь к путешествиям и к развлечениям, сама по себе, не представляет еще „асоциальной“ склонности; для того, чтобы она стала таковой, необ-

ходимо, чтобы она осложнилась другими склонностями, характеризующими уже вторую группу беспризорных подростков.

Беспризорные дети рассматриваемой первой группы часто тяготеют своим положением, науганы своей беспомощностью, ищут пристроиться к какому-либо занятию, не стремятся ускользнуть от людей, желающих вывести их из этого бедственного положения. Они обращаются к родственникам с просьбой приютить, терпят их попреки и колотушки, чтобы только выйти из состояния беспризорности. Иногда они обращаются в те или иные учреждения с трогательной просьбой приютить их. Вот, например, прошение одного подростка, поданное им в существовавший в Москве в дореволюционное время Дом Трудолюбия: „Не дайте мне погибнуть без внимания. Я сирота, у меня помер отец. Мать живет в деревне бедно. Я жил в г. Серпухове, в лавке. Сделался без дела. Приехал в Москву. Здесь жил в бараночной, из бараночной сделался без дела. Мне есть нечего, ночевать негде, родных нету. Я с себя все проел. Теперь, куда место ни выходит,—нигде не берут; я очень оборвался, есть нечего, я хожу голодный. Теперь я обращаюсь к вам с просьбой, чтобы вы меня оставили поработать, пока я заработал бы себе обувь, одежду. Тогда поступлю на место.—Мне сейчас место выходит, меня не берут: „куда тебя такого рваного“. Надо тебе пары две белья, а то тебя вошь заест, будешь ходить в одном белье-то, надо, говорят, тебе сапоги, пиджак надо. Теперь прошу вас, чтобы вы меня оставили поработать. Я буду больше мужика работать, только оставьте за-ради господ бога: если вы меня не оставите заработать обувь, одежду, то я решаюсь жизни: я ночую в ночлежном, меня заела вошь, такой жизни я не могу нести“¹⁾.

II. Ко второй группе следует отнести тех подростков, которые более или менее свыклись с положением беспризорности и обладают уже некоторыми „асоциальными“ склонностями, но у которых не заметно

¹⁾ Приведено текстуально в его статье, только с исправлением орфографии, С. И. Шаровым в „Известиях Московской Городской Думы“ 1914 года: „Характеристика клиентов Московского Дома Трудолюбия“, стр. 22—23.

еще черт профессиональных преступников, в частности, укоренившейся склонности к серьезному насилию, превышающей обычную, свойственную детскому возрасту, склонность к дракам, или склонности к воровству или мошенничеству. Находясь в затруднительном материальном положении, они иногда могут что-нибудь стащить, в пылу ссоры пнуть ножом и т. п., но склонности к этим поступкам, более или менее укоренившейся, у них не заметно. Господствующая линия их жизни и поведения идет, так сказать, мимо преступления: последнее является отдельным эпизодом их жизни, к которому у них не развилась еще склонность, хотя, конечно, легко может развиваться. Пока они еще, так сказать, сторонятся преступления, боятся его, питают к нему инстинктивное нерасположение, или, по крайней мере, не чувствуют расположения к нему. Среди многочисленных подростков этой группы выделяются четыре главные разновидности:

А. Праздношатающиеся подростки, ничему не наученные или отвыкшие от всяких занятий, живущие изо дня в день, сами не зная, как и чем, примирившиеся с такой жизнью, но не остановившиеся еще, так сказать, в своем выборе на каком-либо определенном асоциальном способе существования, а прибегающие то к одному, то к другому из них. Сегодня такой подросток стоит у булочной и отворяет дверь, зарабатывая этим кое-что. Завтра он ходит по улицам и просит милостыню. Затем вы его встретите на вокзале подносящим пассажирам вещи. Иногда,— так сказать, в антрактах,— он что-нибудь и стащит, но на воровстве, как на своей жизненной карьере, он еще не остановился. На другой день он, может быть, торгует уже „прискамп“ или газетами, и опять недолго. У него нет никаких навыков, никаких сколько-нибудь устойчивых интересов, кроме любви к лакомствам, к кинематографам, а в более старшем возрасте—к кокаину, алкоголю и к „девочкам“. Он, так сказать, учится „прожигать жизнь“, совершенно не думая о завтрашнем дне, не стараясь пристроиться к какому-либо делу. Своим положением он часто вполне доволен, выйти из него не стремится, от лиц, желающих поместить его в какой-нибудь приют, стремится ускользнуть.

Большую частью он сирота или полусирота, но иногда имеет родителей, которые не могут или не хотят им заниматься, или от надзора которых он ускользнул.

Б. Нищие. Подростки этой группы обладают уже, в большей или меньшей степени, навыком профессиональных нищих. Они остановились на нищенстве, как на способе существования, с ним до известной степени свыклись и примирились. Иногда такой малолетний нищенка начинает постепенно переходить на амплу „домушника по тихой“, т.-е. зайдя во двор или в дом, нет-нет да стащит что-нибудь, но стремление оставить нищенство ради краж у него пока еще не сложилось, сам он смотрит на себя только как на нищего и думает, что в ближайшее, по крайней мере, время будет только нищенствовать. О будущем же сколько-нибудь отдаленном такие подростки, конечно, не думают. Но иногда переход в „домушники“ уже явственно намечен у такого подростка: он все чаще начинает совершать кражи, заводит знакомство со взрослыми ворами, посещает воровские притоны, так сказать, уже устраивается на новом поприще, а нищенством занимается все менее, да и в нищенство иной раз начинает вносить некоторые свои „воровские“ стремления, стараясь, собирая милостыню, что-нибудь высмотреть или разузнать для взрослых воров и т. п. Постепенно он, как бы отбыв некоторый стаж в роли нищего, переходит из данной группы в группу подростков с более или менее укоренившимися воровскими склонностями, которую мы рассмотрим ниже.

Малолетних нищих много в каждом большом городе. По данным, например, Ленинградской комиссии по делам о несовершеннолетних, в период 1918—1922 г.г., дела о нищенстве и бродяжничестве подростков составляли от 6,4% до 12% общего числа дел. Но, конечно, многие подростки данного типа не доходят до комиссий по делам о несовершеннолетних.

В. Проститутки. Детекая проституция, к сожалению, представляет собою явление, широко распространенное во всех столицах мира и вообще в больших городах. Беспорочные девочки часто становятся проститутками ¹⁾. Не-

¹⁾ Длинный ряд примеров, рисующих условия жизни девочек-преступниц, рано ставших проститутками, см. у Ф е р р и а н и, *у. с.*, стр. 173. Интерес-

которые из этих юных проституток иногда совершают кражи, укрывают у себя воров, имеют воров своими покровителями и сожителями. Давно замечено уже, что между миром проституток и воров существует многообразная связь. Они постоянно встречаются в притонах, при чем воры любят купить, у них часто бывают деньги, и они большею частью щедры, легко и много тратят. Это можно сказать вообще о ворах, в частности же и в особенности о карманниках. Карманник, обыкновенно, довольно общительный и любезный человек, более или менее быстро ориентирующийся в незнакомом обществе, любитель веселой и беззаботной жизни с вечеринками, прогулками и танцами, любитель прифрантиться, поухаживать и потанцевать, поболтать и побалагурить, часто страстный картежник, ловкий и нежный кавалер, щедрый на деньги и подарки. У него обыкновенно много романов, при чем с любовницами своими он часто не дерется вовсе или дерется редко и мало. Насилием он вообще не любит и избегает, слез не выносит, крови боится. Проститутки очень ценят карманников, как сожителей, и говорят про них, что они — люди „вежливые“, обходительные, щедрые, с ними весело и приятно.

Беспризорные девочки-проститутки, ввиду этой частой связи с воровским миром и половой распущенности, заслуживают выделения из общей массы беспризорных девочек.

Г. Торговцы-спекулянты. Это — беспризорные дети, более или менее долгое время торговавшие, научившиеся кое-каким приемам плутовства, подростки, иногда с несвойственной детскому возрасту деловитостью промышленяющие продажей или перепродажей тех или иных предметов. Им нравится спекуляция, у них образовалась уже склонность к ней, и они хотят быть торговцами. Шумной толпой окружают они прохожих, наперерыв предлагая им какие-либо свои товары: дрожжи, газеты, „приеки“, папиросы и т. п. Им нравится целый день толкаться на улице и совершать разные сделки коммерческого характера, выгодно перепродать что-нибудь, поднадуть и т. п. Но часто их операции бывают неудачны, и они попадают в затрудни-

тый материал по данному вопросу дает также Гирш в своей брошюре „Преступление и проституция, как социальные болезни“ (см. русский перевод, стр. 49 и сл., 52, 56, 64, 72, 91, 98 и сл.).

тельное положение; тогда, если представится случай, они совершат и кражу, с целью устранить создавшееся положение, добыть новых денег на торговлю или на расширение своего торгового оборота и т. п. Таковы четыре главные разновидности второй группы.

II

Третью основную группу составляют подростки с более или менее укоренившимися склонностями к определенному виду преступной деятельности, с наметившимися и развивающимися чертами профессиональных преступников. Это — юные профессионалы или, так сказать, кандидаты в профессионалы. В большинстве случаев они не отличаются еще такой твердостью и силой преступных навыков, как взрослые профессионалы, но нередко очень немногим уступают им. В 15—16—17 лет тип профессионала достигает у этих юношей большого развития. Большею частью это тип вора, карманника, „домушника по тихой“, т.-е. вора, проникающего в квартиры без взлома, через случайно открытые двери, или вора, проникающего с подобранными ключами и с отмычками, „голубятника“, т.-е. вора белья с чердаков, а иногда громилы вора-взломщика квартир, „шнифера“, т.-е. вора, проникающего с проломом стен, полов и потолков, „кассира“, взламывающего несгораемые шкафы и т. д. Иногда, — это ловкий маленький плут, „аферист“, т.-е. мошенник, научившийся тем или иным плутовским проделкам. Не так давно в московском Трудовом Доме содержался мальчик лет 14, Георгий В., чрезвычайно ловкий плут, мальчик очень неглупый, для своих лет очень развитой, любитель чтения, прочитавший чуть ли не всех наших классиков, очень мечтательный, самоуверенный, бойкий на язык и изобретательный. Он являлся к разным высокопоставленным лицам и в учреждения, выдавал себя то за посланного, то за сына того или иного известного лица и, под разными предложениями, получал мелкие, а иногда и крупные суммы денег. Он постоянно читал газеты и, пользуясь почерпнутыми оттуда сведениями, предпринимал очень ловкие мошеннические проделки. Иногда такие малыши стоят во главе даже целых шаек. А. А. Фидлер, долгое время быв-

ший директором Рукавишниковского приюта, рассказывает про одного мальчика, которому не было еще 15 лет: „Совершая сам более крупные и серьезные кражи, он имел несколько мальчиков 12—13 лет, которые были его подручными, совершая для него более мелкие кражи. Добывая таким путем довольно порядочные средства, он отлично одевался, ездил на лихачах, предавался кутежам, имел две квартиры и содержал двух любовниц (одной было 20 лет, а другой не было еще 15“) ¹⁾. У таких юных профессионалов часто рано развивается особый „гонор“ профессионалов, похвальба преступлением, стремление выполнить преступление не просто удачно, а ловко, артистически, при чем они с пренебрежением смотрят на своих менее умелых со товарищей по профессии. Когда я спрашивал, например, Жоржа В., отчего он почти не совершал краж, а прибегал к мошенничествам, он искренно заявил, что кража ему не нравится ввиду того, что вовсе неинтересно, будучи маленьким, что-нибудь незаметно взять. Интересно так опутать ложью взрослого человека, чтобы он сам отдал,—в этом весь интерес. Этому мальчику, который к тому же мал ростом, было интересно именно обмануть: смотри, мол, ты—большой, а я—такой маленький, а тебя, как он выразился, „вокруг пальчика завертел“ и что хочу, то с тобой и делаю. Здесь сказывается и желание ребенка походить на взрослого, сравняться с ним, даже превзойти его.

Детская преступность в громадном большинстве своем есть преступность имущественная. Это и понятно: другие преступления менее по силам ребенку и ввиду его сравнительной физической слабости или недоразвитости, и в силу его внешнего вида, и в силу отсутствия у него того социального или материального положения, которые нужны, например, для таких преступлений, как должностные и т. п. Из имущественных преступлений всего чаще подростки совершают кражу. На кражи падает 60—70—80% детской преступности, а иногда и более. Так, например, по данным петроградского детского суда за время с 1910 по 1916 г. кражи составляли 70% детской преступности; по данным

¹⁾ См. „Труды VI съезда представителей русских исправительных заведений“, стр. 421.

московского суда по делам о несовершеннолетних, на съезде по борьбе с детской беспризорностью 1916 г. указывалась цифра 72%; по данным киевского суда для несовершеннолетних, сообщенным Левитским ¹⁾, в 1914 г. кражи составляли 70%, в 1915 г.—72%, в 1916 г.—82,1%. Если взглянуть в статистику наших дореволюционных исправительно-воспитательных заведений, то мы увидим, что более 80% их питомцев,—например, в 1908 г.—94,3%—поступали в них за кражи, сбыт краденого и присвоение. При этом на долю последнего преступления надо отнести очень небольшую часть этой цифры. По новейшим статистическим данным получается та же картина. Так, по сведениям „Статистического Ежегодника о состоянии народного образования в РСФСР за 1923—24 г.г. (Москва, 1925), из общего числа подростков, прошедших через комиссии по делам о несовершеннолетних в РСФСР, исключая Москву,—23.648 чел.,—21.521 мужского пола и 2.127 женского,—за имущественные преступления было привлечено 13.823 чел., из них за кражи разного рода—12.514 чел. ²⁾. О распределении этих подростков по возрастам и по основаниям привлечения их в комиссии дают представление таблицы, приведенные на стр. 45 и 46.

Вглядываясь в эти таблицы, не трудно уловить резкое преобладание в детской преступности краж. Надо заметить еще, что преступность подростков более старшего возраста—16—18 лет—представлена очень неполно, так как лишь некоторые из этих подростков прошли через комиссии, а не через суд.

Иностранная статистика показывает то же преобладание в преступности подростков имущественных преступлений и, в частности, краж. В Германии, Франции, Англии и других странах около, а иногда и более, 50% детской преступности падает на кражи.

Таким образом, несовершеннолетний преступник в гро-

¹⁾ „Детский суд и война“, Левитский. 1916 г., стр. 18; его же, „Суд для малолетних в г. Киеве“ 1915 г. стр. 2 сл.

²⁾ См. „Статистический Ежегодник“, стр. 136 и сл. Надо заметить, что приводимые ниже сведения не совсем полны. В помещенную в „Ежегоднике“ сводку данных включены результаты обработки карточек на 28.218 несовершеннолетних. См. „Статистический Ежегодник“, стр. 140; примечание.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРИВЛЕКАВШИХСЯ В КОМИССИИ в 1923 г.
ПО ВИДАМ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ВОЗРАСТУ И ПОЛУ. ПО РСФСР (без г. Москвы).

Основания привлечения в Комиссию		До 10 лет		10 лет		11 лет		12 лет		13 лет		14 лет		15 лет		16 лет		17 лет		18 лет		Итого.
		Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	
Имуществен- ные престу- пления.	Муж.	508	28	578	80	754	144	1482	382	1571	495	1891	691	1944	738	659	251	278	45	126	40	12685
	Жен.	59	1	69	2	77	3	130	5	145	11	196	25	229	43	79	14	30	3	16	1	1138
	Об. п.	567	29	647	82	831	147	1612	387	1716	506	2087	716	2173	781	738	265	308	48	142	41	13823
Из имущества, преступлений разного рода кражи.	Муж.	406	26	517	77	686	142	1358	373	1450	487	1709	672	1737	713	536	241	243	42	112	39	11467
	Жен.	55	1	60	2	67	2	121	5	136	10	169	24	215	41	71	13	25	3	16	1	1047
	Об. п.	461	27	577	79	753	144	1479	378	1586	497	1878	696	1952	754	607	254	268	45	128	40	12514
Беспоряд- ность	Муж.	128	9	113	24	145	18	269	41	237	30	237	43	145	28	61	20	31	5	15	3	1602
	Жен.	43	—	24	—	16	1	25	2	24	—	24	—	8	—	8	5	4	2	5	—	191
	Об. п.	171	—	137	—	161	19	294	43	261	—	261	—	153	—	69	25	35	7	20	—	1793
Преступления против личности	Муж.	56	—	58	2	95	3	146	7	177	14	239	26	284	27	121	8	44	4	16	1	1928
	Жен.	5	—	2	—	4	—	12	—	10	2	12	1	15	4	13	1	1	1	—	—	83
	Об. п.	61	—	60	—	99	—	158	—	187	16	251	27	299	31	134	9	45	5	—	—	1411
Преступления против по- рядка упра- вления.	Муж.	97	3	174	9	183	12	461	24	640	55	785	111	843	125	439	49	123	7	67	6	4213
	Жен.	13	—	15	—	23	—	58	3	64	3	95	8	132	13	34	2	13	1	13	—	490
	Об. п.	110	—	189	—	206	—	519	27	704	58	880	119	975	138	473	51	136	8	80	—	4703

АНАЛОГИЧНЫЕ ДАННЫЕ ЗА 1923 г. ПО ГОРОДУ МОСКВЕ
(„Статистический Ежегодник“, стр. 148)

Основания привлечения в Комиссию.		До 10 лет		10 лет		11 лет		12 лет		13 лет		14 лет		15 лет		16 лет		17 лет		18 лет		Итого
		Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	Первич- ные	Повтор- ные	
Имуществен- ные преступ- ления	Муж.	46	1	63	12	123	25	276	85	336	115	392	223	449	242	76	65	17	6	7	4	2567
	Жен.	11	—	0	—	8	1	13	5	17	—	26	5	29	3	3	4	2	—	10	2	149
	Об. п.	57	—	73	—	131	26	289	90	353	—	418	228	478	245	79	73	19	—	17	6	2716
Кражи раз- ного рода	Муж.	44	1	62	12	118	25	273	82	327	111	371	218	427	231	71	66	17	5	5	4	2470
	Жен.	11	—	10	—	8	1	12	5	15	—	26	5	27	3	3	4	2	—	10	2	144
	Об. п.	55	—	72	—	126	26	285	87	342	—	397	223	454	234	74	70	19	—	15	6	2614
Преступле- ния против личности	Муж.	7	—	6	—	5	—	5	—	8	—	9	5	26	3	3	1	—	—	—	—	78
	Жен.	2	—	—	—	2	—	—	—	1	—	4	—	3	—	—	—	—	—	—	—	12
	Об. п.	9	—	—	—	7	—	—	—	9	—	13	—	29	—	—	—	—	—	—	—	90
Преступле- ния против поряд. управ.	Муж.	11	—	17	—	39	1	73	7	139	15	217	38	309	59	23	8	10	2	5	—	972
	Жен.	1	—	3	—	5	—	29	2	35	4	66	10	108	34	12	—	—	—	—	—	309
	Об. п.	12	—	20	—	44	—	102	9	174	19	283	48	417	93	35	—	—	—	—	—	1281

мадном большинстве случаев — вор, который часто уже избрал или наметил себе определенную воровскую специальность. К насилию и к преступлениям, связанным с пролитием крови („мокрым делам“), такой подросток относится отрицательно, но в краже не видит ничего дурного, при условии, если за нее не попадешься. Один юный карманник на вопрос, как он смотрит на кражу, искренно ответил мне: „по-вашему, я знаю, кража—дело плохое, а по-моему—ничего, хорошее“. На вопрос, следует ли наказывать за карманные кражи, он с той же откровенностью ответил, что, по его мнению, не следовало бы,—не за что: „не зевай“; наказанием воров, полагает он, только поощряют „зевачество“ публики. Другой подросток, Иван Ф., еще при жизни родителей,—которые умерли, когда ему было 12 лет,—украл у матери деньги на сладости и был прогнан отцом, ушел из дома, нищенствовал, потом стал красть „по тихой“, и видит в краже лишь одну плохую сторону: сидеть неприятно, да и избыют, если поймают, а не попадешься, то—хорошо. Отец его так сильно бил по голове, что учителя школы вызывали его и просили прекратить побой. От этих побоев у мальчика часто болела голова. Из Рукавишниковского приюта мальчик уходить не хочет: всем доволен, да и некуда.

А вот еще один пример: про одного подростка 16 лет, Михаила Николаевича С., сына сильного алкоголика, долго наблюдавший его воспитатель московского „трудового дома“ для несовершеннолетних в характеристике пишет: „Прожженный воришка, лгун, картежник и большой хитрец. Бойкий, остроумный, дерзкий и смелый, хороший работник и вечно „себе на уме“. Имеет способность к рисованию. Очень испорчен. Хотя на воле был атаманом шайки таких же огольцов, как он, на Смоленском рынке и делал миллионные кражи, но ни влиянием, ни уважением товарищей здесь не пользуется. Исправить его может только чудо. Кличка,—„костыль“. В трудовом доме был замечен в краже квашеной капусты и подозревается в наклонности к побегу. Воровство считает делом недурным при условии, что не попадешься; потерпевших не жалел, так как страданий их не видел. На убийство, по его словам, никогда не пошел бы, даже если бы имел револьвер в руках, лучше

бы сдался, а не убил бы. В течение 3 лет жил кражами 2 раза сидел в тюрьме, крал со взломом из частных квартир, а одну кражу совершил из кооператива в декабре 1921 г. Всего более ему нравится хорошо поесть, хорошо одеться и в театр сходить. Пьет редко. Открыто заявляет что работать не любит, ремесла никакого не знает“.

Решительно отрицательное отношение к насилию мы встречаем также у Василия К., 15 лет, сына маляра. Его отец был не сильно, но как-то, выпивши, упал с высоты, разбился и умер. Мать—чернорабочая, сильно пьет. С 9 лет Василий ушел от матери, жил на „Хитровке“, пробивался около 3 лет милостыней, одно время торговал газетами, ночевал на бульварах, в участке и т. д., но к матери не шел. Стал с ребятами воровать, „пошел по домово́й“: входит в квартиру, пользуясь тем, что дверь отперта, просит милостыню, если его увидят, и тащит калоши, пальто, часы и т. п., если окажется, что в комнате никого нет. На кражи любит ходить один, чтобы ни с кем не делиться. По „карманной“ не ходит, считает это более опасным и менее выгодным: могут сзади увидеть, да и кошелек может оказаться пустым. Неграмотен и учиться чему-либо не хочет. В „трудовом доме“ не прочь работать, а на свободе работать неохота, да и некогда. Кража—дело хорошее, если не попадешься. „Мокрые дела“ и вообще насилие—дело плохое: сердца не хватит на человека руку поднять,—с 9 лет ни с кем не дрался. Крови боится, говорит, что от вида ее его тошнит. Ударить человека нельзя,—потерпевший болеть будет. Половой жизни еще не начинал, онанизмом не занимался. Выпить любит, кокаина не нюхал, потому что порошки дороги, а веселья от них такого, как от вина, нет. Приятно выпить на людях, где-нибудь в трактире, и „песни заказать“. Любит „себя показать“. В карты не играет: опасно, можно сильно проигратъся. Не особенно общителен, любит действовать в одиночку. На „Хитровке“ имел прозвище: „вошь“. Как видим, это юноша—расчетливый, хотя любит и покутить так, чтобы „себя показать“.

Вот еще юный профессиональный воришка, у которого склонность к насилию еще не заметна, но есть склонность к дерзости и к озорству,—Алексей В. 12 лет—любитель кинематографа, особенно, если там показывают картины

про разбойников. Не прочь сыграть в карты и учинить какую-либо хулиганскую проделку. Неграмотен и желания учиться не имеет. Никакому ремеслу его учить не пробовали. О его жизни узнаем следующее: воспитывался он у родителей до 10 лет, отец его был портной, пьяница, дравшийся с женой и с детьми. Семья терпела нужду. Десяти лет Алексей ушел от родителей и стал жить милостыней. Познакомился на улице с ребятами и отправился с ними на Хитров рынок. Жизнь на „Хитровке“ не понравилась, но „разве оттуда уйдешь“. Научился нюхать кокаин: „украдешь, куда деньги девать, если сыт“. Воровал „по тихой“. Краденое продавал хозяину ночлежки, который давал за вещи гроши и брал только ценное. Одежду и мелочь носил к барышникам. Приводился в комиссии раз 7, был и в Подкопаевском приемнике раза 4, и в Рукавишниковском приюте,—отовсюду бегал.

Иван Иванович П., 14 лет, 17 раз судился и приводился в комиссию по делам несовершеннолетних. Воспитывался он у родителей. Отец его служил на фабрике, мать—торговка. В 1920—22 жили очень плохо, голодали. Раньше отец зарабатывал хорошо, и семья не нуждалась, жили все в деревне, но однажды отец проиграл все хозяйство в карты, и, поссорившись с женой, уехал в Москву. Тогда мать, оставив детей на воспитание соседке, поехала вслед за ним и поступила на службу кухаркой. Через некоторое время Ивана привезли в Москву и отдали в ученье к сапожнику, который дрался и обижал мальчика. Иван прожил у него неделю и пошел к другому сапожнику в Марьину рощу. Но отец с хозяином не поладили, и мальчика отдали в чайную у Повелецкого вокзала, но, избаловавшись и потеряв охоту работать, он убежал. После революции он бросил чайную и стал жить самостоятельно, при чем постоянно менял места. Родители влияния на него не имели, притом жили они не дружно, постоянно ссорились и только года два назад стали жить вместе. Матери удалось отдать сына снова в ученье к сапожнику на Татарской улице. Прожил Иван у него недолго и однажды, когда хозяин послал его с 25 руб. в лавку за керосином, он с деньгами скрылся, пошел в чайную, где ночью у него деньги украли. Там же познакомился с ребятами, которые и сманили его

на „Хитровку“. Стал с ними воровать „по домово́й“, сначала крал пальто, галоши, потом этого показалось мало, стал проникать вглубь квартир, открывать ящики и красть ценные вещи. На „Хитровке“ научился нюхать кокаин и играть в карты. Попадал в разные детские дома, но оттуда бегал. Сидел уже раз и в московском „трудовом доме“—1 год 3 месяца. Во время обследования содержался в трудовом доме за кражи „до исправления“. На будущее свое Иван смотрит самым безнадежным образом: „Я сроду не исправлюсь и из штрафных не выйду“,— говорит он,—„не могу исправиться... Я стал нервный... Во время гнева становлюсь как чумной“. Склонен к насилию: однажды кинулся на воспитателя, сбил с него очки и готов был его зарезать. Мальчик злобный, морально тупой, легко возбудимый, упрямый. Очень лжив. В трудовом доме ведет себя скверно и признан „трудно исправимым“.

На наблюдаемую у малолетних воришек склонность к насилию, следует обращать очень серьезное внимание; нередко она предвещает превращение данного маленького „домушника по тихой“ в очень опасного бандита, и ни перед чем не останавливающегося корыстного убийцу. Выше приведен уже пример мальчика И. Н., который помогал бандиту убивать своих жертв и обнаружил большое хладнокровие во время преступления, точно и до конца выполнив свою роль. Вот еще один из образчиков этого рода—Г. Х.—14 лет, из крестьянской семьи, пользовавшейся в деревне дурной славой. В последнее время он руководил грабежами и разбоями и постоянно пьянствовал. Скрытен, зол, замкнут в себе, мрачен, жесток, при ссорах быстро бледнеет, приходит в бешенство, бросается на противника, „делает,—как он выражается,—мертвую хватку за горло“. Наклонен к половым порокам. Нравственно не развит. В школе и мастерской учился плохо по малоспособности ¹⁾. Годам к 17—18 из таких подростков вырабатываются отчаянные бандиты, которые совершают одно за другим самые дерзкие нападения, при чем к вопросу—убивать или не убивать свои жертвы,—они равнодушны, или даже предпочитают

¹⁾ См. доклад проф. Д. А. Дриля на VI съезде представителей русских исправительных заведений.

убить. Я мог бы привести много примеров, на которые я натолкнулся, изучая в тюрьмах взрослых преступников-профессионалов, вступивших на преступный путь уже с 14—15—16 лет. Но, стараясь не задерживаться долго на этом вопросе, несмотря на его интерес, я ограничусь лишь одним из этих примеров. 1) Действующим лицом является юноша 18 лет, Евгений Ш., который начал с мелких краж у родителей, но в конце-концов стал носителем резко выраженного типа бандита. Вот длинный список его криминальных подвигов:

Ш. жил в Москве сначала при родителях. В 1920 г., пятнадцати лет от роду, он судился два раза: за хранение оружия—приговорен к 1 году тюремного заключения и за вооруженное ограбление—к 6 годам тюремного заключения; в том же году был задержан милицией за картежную игру. Освобожденный досрочно в январе 1923 г. он поселился у своих родителей. В марте 1923 г. снова был задержан за хранение оружия (браунинг). По освобождении начал заниматься кражами; 10 апреля 1923 г. им совершена первая кража у гр-на П., проживающего в доме, где живут его родители. Сбив замок с двери, Ш. в отсутствие П. похитил из квартиры последнего разные домашние вещи. Тогда же Ш. совершил кражу ручной тележки у своей матери. С этого времени он с родителями не жил, появлялся у них редко и совершал в доме мелкие кражи; так, по словам его матери, он похитил у нее одеяло, кур и т. д. Бывая у матери, Ш. угрожал ей револьвером; отец его, содержащийся в то время в арестном доме за торговлю самогонкой, просил милицию принять меры к задержанию его сына, дабы оградить жену от насилий со стороны последнего. У своей невестки Ш. совершил кражу чайной и столовой посуды. В ночь на 11 мая Ш., сбив замок на одной бане и взломав стоявшие в бане 2 сундука, похитил из них два ковра, портьеры, ботинки, накидку, отрезы сукна, шелковые материи и разную мелочь. В ночь с 2 на 3 июня, сбив замок на двери сарая жел.-дорожной больницы на ст. Лихоборы окружной ж. д., через пролом в двери он проник во

1) Ряд других примеров читатель может найти в моей „Криминальной психологии“, 1926 г.

внутреннюю кладовую, из которой похитил в большом количестве казенное больничное белье и вещи больных; часть похищенных вещей бросил в Петровском парке. Кроме того, 26 мая 1923 г., около 12 ч. дня, Ш. совершил нападение на проезжавшего на велосипеде в лесу Петровской Академии гр-на В.: угрожая револьвером, заставил его лечь на землю и, связав ему веревкой руки и заткнув рот носовым платком, похитил из карманов серебряный портсигар и 145 рублей деньгами, а затем вместе с велосипедом скрылся. 9 июня, около 8 часов вечера, в том же лесу Ш. совершил нападение на гулявших гр-н Б. и П. и, угрожая револьвером заставил их снять свои верхние пальто и отдать ему бывшие при них: золотые дамские часы, черные открытые часы с золотой цепочкой, бумажник с девятью червонцами, 1050 рублей дензнаками 1923 г. и документы— трудовую книжку Б. и учетно-воинский билет его. 14 июня, там же, у Соломенной Сторожки, Ш. напал на проходивших в лесу гр-н: Ф и П. и, угрожая револьвером, похитил у первого обручальное кольцо и 2000 рублей деньгами, после чего потребовал от П., чтобы она сняла серьги, но похитить таковые не успел, так как, заметив прохожих, поспешил скрыться. Через день, 16 июня, около 6 часов вечера Ш. в одной из аллей леса Петровской С/х. Академии остановил проходившую гр-ку П. и, пригрозив револьвером, потребовал от нее выдать ему ценные вещи. П. отдала 2 золотых кольца. Обыскав ее и не найдя ничего больше, Ш. сначала хотел отобрать у нее ботинки, но потом раздумал, и, воспользовавшись беспомощным состоянием своей жертвы, отвел ее в кусты, заявив, что, если она будет „пищать“, то он ее „быстро успокоит“, заставил ее лечь на траву и изнасиловал, после чего вывел на дорогу и скрылся. На следующий день, 17 июня, в том же лесу, не далеко от Соломенной сторожки, около 3 часов дня, Ш. напал на гулявших гр-на и гр-ку С. и, угрожая револьвером, потребовал от них червонцы. Обыскав их и не найдя червонцев, Ш. отобрал 500 рублей деньгами, золотую брошь и скрылся. 23 того же июня около 8 часов вечера, Ш. остановил гулявших в лесу бывшего имения Шаховской на ст. Покровское-Стрешнево гражданина Н. и гражданку С. и, угрожая револьвером, потребовал от них ценности. Им были отобраны

у С. кольцо и серьги с бриллиантами, а у Н.—деньги. Осмотрев ручную сумку С. и найдя там только 50 рублей, Ш. денег этих не взял. В июне же месяце в лесу Петровской С/х. Академии, около 5 час дня, Ш. остановил гулявших там гр-нок: Р. и Б. и, направив на них револьвер, потребовал идти за ним. Отведя их в сторону, Ш. обыскал их и, ничего не найдя у них в сумках и карманах, велел им снять бывшие у них обручальные кольца. Видя, что на Р. совершенно новый жакет, Ш. стоял, раздумывая, очевидно, намереваясь снять и его, но, заметив проезжавшего по аллее велосипедиста, скрылся в лесной чаще. В первых числах июня 1923 г., около 2 час. дня, в лесу при ст. Покровское-Стрешнево, Ш. подошел к сидевшим на траве гражданину Р. и гражданке В. и, направив на них револьвер, потребовал деньги и ценности. В. указала на лежавшую около нее ручную сумку, из которой Ш. похитил 2000 рублей деньгами; увидав на руках у В. два кольца, Ш. снял и их. Вывернув карманы костюма Р. и найдя лишь одни часы, Ш. отобрал их и потребовал от Р., чтобы он снял ботинки, но когда тот стал просить Ш. оставить ботинки на нем, так как босиком он ходить не может, Ш. махнул рукой, ботинки не взял и скрылся в лесу. 3 июля, около 9 час. вечера, в лесу Петровской С/х. Академии Ш. напал на проходивших гражданина С и гражданку Т., под угрозой револьвером отобрал у С. бумажник с деньгами в сумме 200 рублей и документами, а у Т. снял с пальца золотое кольцо, затем, забрав у нее пальто, скрылся, предварительно бросив бумажник и документы С. тут же на дороге.

6 того же июля в лесу бывшего имения Шаховской в Покровском-Стрешневе, около 5 час. вечера, гулявшие гражданин А. и гражданка П. заметили, что впереди, саженьях в 15 от них, двое неизвестных, из коих один был с велосипедом, свернули с дороги и скрылись в кустах. Ничего не подозревая, А. и П. продолжали идти дальше, но, сделав несколько шагов, были остановлены вышедшим из-за кустов Ш., который, с револьвером в руках, заставил А. снять френч, а у П. потребовал отдать ему ценности, пригрозив ей в случае сопротивления револьвером. Приставив одной рукой револьвер к груди П., Ш. другой снял у нее кольцо и серьги, и, вынув из ее сумки деньги, скрылся.

В тот же день А. видел ограбившего его Ш. на велосипеде, но в другой фуражке.

9 июля, около 10 часов вечера, в лесу Петровской С.-Х. Академии Ш. напал на проходившего А. Убив последнего выстрелом из револьвера в грудную полость, Ш. обыскал труп и похитил бывшие при А. золотой перстень с бриллиантами, золотые запонки, кольцо с бриллиантами, золотую брошь, трость и до 1.000 рублей денег; стащив труп в сторону от дороги, в чащу молодого ельника и орешника и прикрыв его снятым с А. пиджаком, дабы труп в белой рубашке не так был приметен, Ш. ушел в глубь леса, где и переночевал. Труп А. был обнаружен 11 июля. По найденным при убитом документам выяснилось, что А., собиравшийся жениться 16 июля, приехал 1 июля из Екатеринославской губернии в Москву за покупками к свадьбе и с целью продать бывшую в Москве его обстаповку.

Ш. с внешней стороны не обнаруживает никаких особенностей. По характеру он довольно весел и добродушен. Родители его—люди здоровые, душевнобольных в роду нет. Отец его, однако, сильно пьет и судился раз за самогонку. Родители часто ссорились, отец нередко бил мать и пьяный, и трезвый. С детьми оба родителя были строги и суровы; отец часто бил детей, привязывал их веревками и стегал кнутом, чтобы учили уроки. Старший брат Евгения, с которым он был очень дружен, убит во время одного из бандитских налетов, в котором он участвовал. Есть у него еще 2 брата, но они маленькпе—8 и 9 лет. Сестра его—старше его, была замужем, теперь овдовела. С родной семьей Евгений порвал всякие отношения в 1923 г. Отца он ненавидит; к сестрам и братьям равнодушен; мать, по его словам, любит. У родителей он жил до 15 лет, а затем из дома ушел и вступил в связь с преступным миром. Пока жил у родителей, нужды не знал. Отец его—ломовой извозчик—прежде имел много лошадей; жили зажиточно, Евгению не хватало лишь денег на развлечения, хорошие костюмы и „на девочек“. Забаловался, говорит он, потому и на кражи пошел. О том, что старший брат занимается грабежами и разбоями, знал, но прямо с ним об этом не говорил, так как тот это скрывал. Учился Евгений в городской школе 4 года, ученье давалось ему довольно легко, но он сильно ленился, часто

прогуливал и не ходил в школу. На военной службе не служил. С 14 лет начал половые сношения, и „девочки“ заняли очень видное место в его жизни. Половые сношения он имел часто, и после преступлений обыкновенно отправлялся с „девочками“ в рестораны и к цыганам. По отношению, повидимому, сильно мешало его раннее волокитство за „девочками“. Ни один из школьных предметов его не интересовал; особенно ему не нравились арифметика и диктант, сравнительно более его интересовали история и география. Умственных интересов он вообще никаких не имеет; читать не любит, а когда случается что-либо прочесть, быстро забывает. Евгений—натура с резко выраженным господством чувственно-эгоцентрических стремлений: погулять с „девочками“, покутить в ресторане, поиграть в карты, при чем он играет в несколько азартных игр, принарядиться по красивее и помоднее, чтобы была хорошая кожаная куртка, штаны „галифе“, высокие сапоги, побывать на вечеринках и покататься на велосипеде,—вот круг его интересов; больше ничто его не интересует. Он щедр на деньги и награбленное очень быстро растрчивает. Вспыльчив, зол, лжив, но во лжи неискусен и в разговоре ненаходчив. Кровь и раны не производят на него никакого впечатления; его отношение к ним, по его выражению, равнодушное. У него плохая память на прочитанное, на цвета и на лица, но он хорошо запоминает голоса, место и обстановку происшествий, в частности, и своих преступлений. Его нельзя назвать глупым, но он мало развит; его мышление бедно ассоциациями и работает довольно медленно и вяло. К планомерной трудовой деятельности и к длительным усилиям над собой он неспособен по недостатку энергии и по лени. К преступлению привык; прежде во время преступления волновался, теперь действует спокойно и уверенно. Он вспоминает первое ограбление, в котором участвовал. Это было в 1919 г., в субботу, часов в 11 вечера. Сговорились совершить это ограбление еще в тюрьме, когда он отбывал первое свое наказание. Вошли в частную квартиру вшестером, под видом обыска, перевязали 8 человек, 5 взрослых и 3 детей. Тогда он шел на ограбление сзади других, очень волновался, играл не главную роль, хотя пришлось участвовать в связывании потерпевших и

в сборе имущества. Теперь он уже не волнуется, а грабит спокойно и на преступление решается сразу, без каких-либо колебаний, если внешние условия подходящи. Грабеж он предпочитает краже: „взять уж, так взять“. Убийство он вообще осуждает, но находит, что в случае необходимости убить можно. Преступление, в частности, кражу и грабеж, считает делом плохим, потому что за это строго наказывают. Из совершенных им преступлений он сожалеет лишь об убийстве, но находит, что ему нельзя было его не совершить. Все-таки это дело его беспокоит; после него он плохо спал, „пугался чего-то“, не раз ему снился убитый. Об остальных своих преступлениях он никогда не думает и не жалеет. На первые преступления ходил трезвый, потом часто „работал“ выпивши. Пьет он сильно, часто и, выпивши, любит „поговорить про что-нибудь хорошее“, не буянит. Перед последним преступлением заходил к своей сожительнице и пил у нее самогонку.

Пример III. показывает, как быстро иногда из подростка-вора развивается очень упорный и смелый бандит. Этот пример учит, при исследовании подростков-воров, обращать очень большое внимание на намечающуюся у некоторых из них склонность к насилию; постепенно развиваясь, эта склонность делает их тяжкими убийцами.

Среди преступных подростков встречается—к счастью, небольшое—число и таких, у которых, при полном отсутствии воровских черт, заметна более или менее резко выраженная склонность к насилию, связанная иногда с дурною наследственностью и с патологическими чертами характера, с удивительной злобностью или мстительностью. Так, например, один юноша—Эдуард Б., 16 лет—был осужден за нанесение тяжкого телесного повреждения. С детства он любил мучить животных. По смерти матери он был брошен отцом, нашел себе приют у одного родственника. У этого родственника он мучил трехлетнего мальчика, сажая его на стул, в котором были воткнуты иголки ¹⁾. Шольц рассказывает случай, когда одна 14-летняя девочка бросила в клозетную яму ребенка 2½ лет за то, что получила пощечину от матери этого ребенка, а другого ребенка 3½ лет ударила, а затем, еще живого,

¹⁾ Ферриани, у. с., стр. 161. Там несколько аналогичных примеров.

без сознания, зарыла за то, что он, по ее словам, был непослушен ¹⁾. На I Всероссийском съезде по психоневрологии в 1923 г. в Москве, д-р Левинсон, в своем докладе, между прочим, сообщил случай убийства мальчиком 15 лет своей матери и сестры, под влиянием озлобления, в связи с голодом ²⁾. Этот мальчик,—Иван Драган,—сын резака скота и горького пьяницы, грубого и жестокого, почти безграмотный, пассивный и ленивый, но набожный и жалостливый к животным, был после Пасхи выгнан родителями из дома со словами: „Ты уходи себе, куда хотишь“. На прощанье отец сильно поколотил его. Две недели Иван, весь в отеках от голода, обдумывал свое преступление и решил: „поскорее убить всех топором и пойти себе“... Однажды ночью, проспав с час, он решил приступить к выполнению намеченного. Отца и другой сестры дома не было, а мать и сестренку 13 лет он зарубил топором. Когда рубил, думал: „с'ем мать“, но никого есть не стал. Преступником он себя считает очень небольшим и на вопрос: почему,—отвечает: „так что я малолетний“.—Что же из того, что ты малолетний,—спрашивают его. „А малолетний все может делать“,—отвечает он. При исследовании оказался умственно-отсталым и очень податливым на внушение. Комбинаторная способность сильно ослаблена. Вес—2 п. 10 ф. Суб'ект анемический и рахитический. Значительную роль в его преступлении, конечно, играл голод, но не малую долю участия надо приписать и его злобе, и метительности.

Сказанное выше о различных представителях той группы подростков, у которых заметна уже более или менее укоренившаяся склонность к известным формам преступной деятельности, можно свести к следующим общим выводам.

Каждый из подростков этой группы должен быть исследован, со стороны большего или меньшего развития или отсутствия у него, во-первых, склонности к насилию, а во-вторых, склонности к воровству или мошенничеству. Эти склонности могут находиться в сочетании, характерном для комбинированного преступного типа, каким является,

¹⁾ Геринг, „Криминальная психология“. Перевод Раппопорта. М. 1923, стр. 34.

²⁾ „Журнал психологии, неврологии и психиатрии“. 1923, III, 317.

например, тип бандита ¹⁾, или стоять обособленно, как это бывает у воров, которые склонны проявлять свою месть или ревность в насильственных формах, но что касается их преступной деятельности, то в этой сфере они далеки от насилия. Наконец, при наличии одних из этих склонностей, других может не быть. Таким образом, получаются следующие главные разновидности данной группы:

а) подростки с более или менее укоренившейся склонностью к известному виду воровства, но без заметной склонности к насильственным действиям, превышающим обычную в детском возрасте драку; б) подростки со склонностью к мошеннической деятельности, без особой склонности к насилию; в) подростки со склонностью к насилию, превышающей свойственную их возрасту склонность к дракам и выражающейся в известных преступных формах; г) подростки-воры, со склонностью к насильственным действиям, не вносящие, однако, элемента насилия в свою преступную деятельность; д) подростки-мошенники со склонностью к насильственным действиям, не распространяющейся на их преступную деятельность; е) подростки, у которых обе эти склонности сочетаются в известный преступный тип, — в тип корыстного убийцы или бандита, обладающего склонностью путем насилия приобретать себе то или иное имущество.

Обратить серьезное внимание на склонность к насильственным действиям такого подростка, который в свою преступную деятельность еще не вносит никаких элементов насилия и совершает, например, только домовые кражи „по тихой“, или мошеннические, плутовские проделки, очень важно, так как эта склонность, хотя пока и проходит, так сказать, мимо сферы преступной деятельности подростка, однако, развиваясь, легко может перевести его в разряд бандитов. Во всяком случае, воспитательное влияние должно быть направлено и на эту сторону личности подростка, пока еще не выразившуюся сколько-нибудь ясно в его преступлении.

Кроме указанных выше разновидностей, в пределах третьей группы подростков, заслуживают серьезного внима-

¹⁾ Ср. мою „Криминальную психологию“. „Преступные типы“. Гл. III.

ния еще две: тип подростка-растратчика и тип подростка-хулигана. Эти типы иногда имеются в сочетании с указанными выше у одного и того же подростка, но иногда выступают и самостоятельно. На склонности подростка втираться в доверие и затем растрачивать то, что ему вверено, а также на склонность к хулиганству, всегда надо обращать пристальное внимание при изучении подростка.

III

Классификация, изложенная в настоящей главе, подразделяющая подростков на три основные группы, с рядом разновидностей в пределах каждой, имеет очень большое практическое значение. Ее необходимо иметь в виду при обсуждении плана и мер борьбы с детской преступностью и беспризорностью и при выборе подходящей меры для каждого отдельного подростка, подлежащего попечению органов, ведущих борьбу с детской преступностью и беспризорностью. Та практическая задача, которая отмечена мною во введении и которая сводится к тому, чтобы установить проверенное опытом качественное и количественное соответствие принимаемых мер природе тех явлений, против которых они направлены, эта задача требует, прежде всего, чтобы принимаемые в отношении беспризорных и преступных подростков меры стояли в соответствии с особенностями указанных выше типов. Если этого соответствия не будет, успех принятых мер будет подорван в самом корне. Так, например, если в одно и то же учреждение,—как бы оно ни называлось,—будут помещаться и подростки с наметившимися и развивающимися чертами профессиональных преступников, и беспризорные дети первой из указанных выше групп, то можно быть уверенным, что это учреждение будет давать очень печальные результаты; юные профессионалы будут портить в нем остальных питомцев, а воспитательная система этого учреждения, построенная без учета особенностей этих профессионалов, не будет в состоянии, так сказать, захватить их в сферу своего влияния. Для юных профессионалов необходимы совершенно особые заведения. Не подлежит сомнению также, что если, например, помещение в крестьянские семьи на воспитание будет применяться и к подросткам третьей группы установленной мною классификации,

то эта мера даст только отрицательные результаты. Она может быть применяема лишь к подросткам первой из указанных выше основных групп и—с большими предосторожностями и тщательным выбором—к некоторым подросткам второй группы, в виде редкого исключения.

Каждый подросток, поступающий на попечение органов, ведущих борьбу с детской беспризорностью и преступностью, с первого же момента должен быть, так сказать, внимательно осмотрен, обследован, с целью выяснить, носителем какого из указанных выше типов он является. В соответствии с результатами этого обследования в отношении его должны быть приняты те или иные меры. В следующих главах читатель найдет указания, какие меры представляются желательными в отношении каждой из отмеченных групп беспризорных и преступных подростков, и какой программой надо руководствоваться при изучении подростка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И ПРЕСТУПНОСТЬЮ

1

Борьба с детской беспризорностью и преступностью есть очень сложная воспитательная задача. По содержанию своему она сводится или к тому, чтобы обеспечить общественное воспитание тем детям и подросткам, которые по тем или иным причинам не могут получить правильного воспитания в семье, или к тому, чтобы поддержать, усилить или дополнить воспитательное влияние семьи, в которой воспитывается ребенок или подросток, как скоро это влияние недостаточно гарантирует общество от вредных и опасных поступков данного юного субъекта. Сложность и трудность этой задачи обуславливаются главным образом тем, что дети, с которыми приходится иметь дело, — по крайней мере, в значительной части своей — сильно испорчены долгим влиянием на них „улицы“ и вышли из такой среды, в которой многие из них с самых ранних лет подвергались избивению и постоянно находились под впечатлением разных развращающих сцен и разговоров. К тому же многие из этих детей, как отмечено выше, обременены еще плохой наследственностью, чаще всего алкогольной. Такие дети делают работу воспитателя особенно трудной. В отношении их воспитатель преследует те же цели, которые он имеет в виду всегда в своей работе над детьми, на которых простирается его воспитательное влияние, но в данном случае он должен идти к этим целям несколько иным путем,

тщательно приспособляя свои приемы к особенностям порученных ему детей и, в соответствии с этими особенностями, классифицируя их на группы, подлежащие тем или иным формам воспитательного воздействия.

Та общая и основная цель, к которой должно направляться воспитание беспризорных детей, сводится к тому, чтобы возможно более развить все имеющееся у этих детей полезные задатки и подготовить их к тому, чтобы они могли потом самостоятельно вести честную, трудовую жизнь в обществе. Идя к этой цели, воспитатель часто должен предварительно стараться заглушить или, так сказать, разложить те своеобразные осадки, те сложные и устойчивые психические комплексы, которые отложились у воспитываемого им беспризорного ребенка в результате длительного влияния „улицы“ и общения с преступной средой. Эта специальная задача требует особой дифференциации воспитательных приемов и мер. Если воспитатель, по недостатку у него специальной подготовки или по иным причинам, проглядит навеянные многим беспризорным детям „улицей“ своеобразные взгляды и склонности и не направит на последние специального воспитательного воздействия, а будет стараться лишь дать подростку известное образование и обучить его техническим приемам того или иного ремесла, он мало достигнет общей цели трудового воспитания. Правда, иногда отложившиеся у подростка асоциальные взгляды и склонности сами собой разложатся под влиянием пребывания в атмосфере воспитательного учреждения, но это будет лишь иногда и, притом, довольно редко. Наоборот, часто асоциальные склонности подростка, оставленные воспитателем без должного внимания, так сказать, срастутся в особое сочетание с полученными им знаниями и, благодаря этому, подросток будет лишь более хитро и ловко удовлетворять эти склонности. Затем, если беспризорные подростки первого из указанных в предшествующей главе типов будут смешиваться в одних и тех же учреждениях с подростками второго и третьего типов, то они своими своеобразными асоциальными склонностями будут заражающе действовать на других воспитанников, с чем, разумеется, нельзя не считаться.

Итак, можно выставить следующее общее положение методологического характера: признавая, что борьба с детской беспризорностью должна вестись исключительно воспитательными мерами и приемами, следует подчеркнуть необходимость дифференциации этих мер и приемов в соответствии с особенностями состояния нервно-психического здоровья и с наличием или отсутствием более или менее укоренившихся асоциальных склонностей и социально-опасных профессиональных навыков у тех детей и подростков, к которым эти меры применяются. Ни в каком случае не следует применять к „преступным“ подросткам тюрьмы и тюремного режима. Правда, пенитенциарная наука требует превращения тюрем в „социальные клиники“, и устроенные согласно ее требованиям пенитенциарные учреждения призваны осуществлять цели и функции воспитательного характера. Но они не могут брать на себя задачи воспитания личности в ее целом и не могут, поэтому, быть названы воспитательными учреждениями в тесном смысле этого слова. Их воспитательное влияние направлено не на возможное гармоническое развитие всех сторон личности, а на изменение отдельных элементов личности, ее отношений к определенному кругу явлений, путем разрушения известных сложившихся у нее психических комплексов, или образования психических комплексов иного содержания. Если воспитательные учреждения, в собственном и тесном смысле этого слова, можно сравнить с мастерскими, в которых из сырых материалов выделяются цельные, новые предметы известного рода, то пенитенциарные учреждения, продолжая это сравнение, можно было бы назвать починочными мастерскими, где предметы, получившие известное повреждение или отличающиеся определенными дефектами, чинятся, частично восстанавливаются в том виде, какой они должны бы иметь, и иногда чинятся так хорошо, что могут сойти за новые, и мало чем отличаются от новых. Задачи „социальной клиники“ не так широки, но не менее трудны, чем задачи учреждений социального воспитания в тесном и точном смысле этого слова, но и в

тех, и в других учреждениях должны применяться лишь меры воспитательного характера; и те, и другие учреждения подходят под понятие воспитательных учреждений в широком смысле этого слова. Из сказанного ясна главная черта различия между учреждениями социального воспитания и пенитенциарными учреждениями. Первые суть воспитательные учреждения в тесном и собственном смысле слова и имеют своей задачей из беспризорного и бездомного ребенка воспитать социально-годную, полезную личность, развив воспитательными приемами все скрытые в данном ребенке способности и потушив зачатки вредных склонностей. Вторые подходят под понятие воспитательных учреждений лишь при употреблении этого слова в широком значении и, не ставя себе задачей воспитание из данного субъекта личности определенного склада, стремятся только вырвать об'ективировавшиеся в его преступлении асоциальные элементы его личности, так сказать, починить уже сложившуюся определенным образом известную сторону его личности, применением к нему определенных воспитательных мер, как бы вылечить его от тех дефектов, которые послужили корнями его преступной деятельности.

Уголовные наказания вообще, и пенитенциарные учреждения в частности, не должны быть применяемы к подросткам, не достигшим 17 лет. С криминологической точки зрения такие подростки должны признаваться безусловно невменяемыми. У них нет необходимой для вменяемости способности понимать жизненное значение последствий своих поступков, взвешивать эти последствия и обдуманно решать—действовать или не действовать известным образом¹⁾.

Закон должен постановить об освобождении подростков, не достигших известного возраста, — по моему мнению 17 лет, — от всякой уголовной ответственности, с заменой последней мерами воспитательного характера, которые несравненно лучше будут гарантировать общество от преступлений. Замена для этих подростков карательных заведений воспитательно-исправительными поддается изучением причин детской преступности. В громаднейшем большинстве случаев детская преступность является про-

1) Ср. мои „Основы пенитенциарной науки“. М. 1924, §§ 1, 41.

дуктом несчастно сложившихся для ребенка условий его воспитания. Беспризорность и нищета, дурная наследственность, заброшенность с раннего детства, отсутствие хорошего воспитательного влияния, развращающая обстановка жизни, сиротство, развращенность родителей — алкоголиков, преступников и т. д. — вот обыкновенные причины, толкающие ребенка на преступный путь. И по своему возрасту, и по отсутствию хороших задатков, которые были бы вложены в них нормальным воспитанием в семье, эти дети широкой улицы не могут бороться с давлением нужды и легко поддаются соблазнам удовлетворять свои потребности преступным путем. Повторная преступная деятельность подростков может быть предотвращена лишь правильно поставленным воспитанием их.

Уголовное наказание не в силах дать того воспитания, которое нужно ребенку и подростку. Даже при наиболее рациональной своей организации, при возможном прииспособлении его к цели исправления преступников, уголовное наказание рассчитано всегда на сложившийся уже характер, на способность учитывать и понимать последствия своих поступков, на развитие у человека разных таких житейских интересов, которые слабы, или же отсутствуют у детей.

Из сказанного вытекают некоторые практические выводы, которые следует сейчас же отметить.

Мысль о замене для подростков уголовных наказаний воспитательными мерами нашла себе выражение и в нашем законодательстве, но это выражение нельзя признать законченным, поскольку закон наш знает категорию подростков, будто бы неподлежащих мерам медико-педагогического воздействия и на этом основании передаваемых судам. Однако суд должен применять к ним помещение в воспитательное учреждение — „трудовой дом“, но за отсутствием мест в последнем, лишение свободы отбывается этими подростками в пенитенциарных учреждениях. Весьма интересно в данном случае бросить общий взгляд на эволюцию нашего законодательства об ответственности несовершеннолетних. Декрет 14 января 1918 г. („Собрание Узаконений“, 1918 г. № 16, ст. 227) стал на совершенно правильную точку зрения. Он постановил, в ст. 1, что „суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упразд-

няются“, а в ст. 2; что „дела о несовершеннолетних обоого пола до 17 лет, замеченных в деяниях общественно-опасных, подлежат ведению комиссий о несовершеннолетних“. В качестве мер борьбы с детской преступностью ст. 4 указывала, что „по рассмотрении дел о несовершеннолетних, комиссия либо их освобождает, либо направляет в одно из убежищ Народного Комиссариата общественного призрения, соответственно характеру деяния“. Этими постановлениями все дети и подростки до 17 лет были изъяты из области уголовного суда; для них должны были быть созданы особые воспитательные учреждения, которые закон не совсем удачно назвал „убежищами“, ибо убежища предназначаются лишь для кратковременного пребывания, в воспитательных же учреждениях подростки, как правило, должны оставаться довольно долго. Но в основе взгляд закона был совершенно правильный. Впоследствии законодательство несколько отступило от первоначальной точки зрения и безусловное изъятие от суда и наказания установило лишь для подростков до 14 лет; для более же старших сделана оговорка, именно, закон постановлял: „при рассмотрении дел о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия, дело передается комиссией в Народный Суд“¹⁾. Затем Народному Комиссариату Юстиции вменялось в обязанность „помещать означенных выше несовершеннолетних отдельно от взрослых“ и приступить к организации соответствующих учреждений (реформаторий), совместно с Народным Комиссариатом Просвещения.

В существенном та же точка зрения проводится и Уголовным Кодексом. Уголовный Кодекс различает возрасты: до 14 лет, от 14 до 16 и от 16 до 18 лет. Статья 18 Кодекса, с двумя дополняющими ее статьями, говорит: „наказание не применяется к малолетним до 14 лет, в отношении которых судом будет признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия“.

Ст. 18а. „Для несовершеннолетних от 14 до 16 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному смягче-

¹⁾ Декрет 4 марта 1920 г., ст. 4 (С. У. 1920 г. № 13 ст. 83).

нию на половину ($1/2$) против наивысшего установленного соответствующими статьями предела“.

Ст. 186. „Для несовершеннолетних от 16 до 18 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному смягчению на одну треть ($1/3$) против наивысшего установленного соответствующими статьями предела“.

Позднее ст. 18 подверглась небольшому изменению и в настоящее время гласит:

„Наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также ко всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, если в отношении последних комиссией по делам о несовершеннолетних будет признано возможным ограничиться мерами воздействия медико-педагогического“.

Сравнивая эту новую редакцию со старой, мы увидим, что заменено лишь одно слово: „судом“—„комиссией о несовершеннолетних“. Это значит, что теперь вопрос о применении медико-педагогического воздействия к подросткам от 14 до 16 лет должен решаться комиссиями по делам о несовершеннолетних. Такое изменение с точки зрения вытесненных мною общих принципов относительно ответственности несовершеннолетних представляется несомненным шагом вперед и вместе с тем частичным возвратом к декрету 14 января 1918 г. В случае, если комиссии по делам о несовершеннолетних, решая стоящий перед ними, на основании ст. 18, вопрос, будут руководиться правильной точкой зрения, они будут признавать всякого подростка данного возраста подлежащим медико-педагогическому воздействию.

По отношению к каждому такому подростку применимы и педагогические меры, и меры лечения, и вопрос только в выборе подходящих мер. Нельзя не признать желательным еще более полный возврат нашего уголовного законодательства к декрету 14 января 1918 г., с полным устранением для подростков возможности попадать в тюрьмы.

Для несовершеннолетних, совершивших преступление в возрасте от 14 до 16 лет и приговоренных к лишению свободы, закон намечает, как воспитательную меру, помещение в трудовые дома для несовершеннолетних. В этих домах они должны оставаться впредь до исправления, однако не более достижения ими 18 лет ¹⁾. Содержание в трудовом

¹⁾ Ст. 56 Уголовного Кодекса.

доме и порядок освобождения и перевода из него регулируются Исправительно-Трудовым Кодексом¹⁾. К сожалению, трудовых домов в настоящее время очень мало: всего 6, с общим числом мест в них 858. А между тем, число несовершеннолетних, признаваемых комиссиями не поддающимися медико-педагогическому воздействию и, на этом основании, передаваемых судам—около 5.000: в 1923 г. оно равнялось 4.889, а в 1924 г.—4.936 человек.

Отсюда становится понятным, что до сих пор еще подростки 16—17 лет и моложе не редкость в наших исправительных домах. Так, например, по отчету Главного Управления местами заключения за 1923 г, несовершеннолетних обоего пола было, в среднем, 1,2% среди заключенных, при чем в Московской губ., например, этот % поднялся до 3%. Этому явлению необходимо положить конец. С точки же зрения пенитенциарной науки, желательно даже для юношей от 17 до 21 года создать особые пенитенциарные учреждения, в режиме которых был бы особенно резко и полно выражен воспитательный элемент, не говоря уже о подростках моложе 17 лет, которых и подавно нельзя помещать в одни учреждения со взрослыми заключенными. Между тем, по новейшим данным, в наших общих местах заключения было несовершеннолетних:

	На 1 июля 1924 г.	На 1 окт. 1924 г.	На 1 янв. 1925 г.	На 1 апр. 1925 г.
Абсолютные числа	975	1.227	1.837	2.119
% отношения к общему числу заключенных	1,7	1,5	1,6	2,1

Сидящие в тюрьмах подростки, в лучшем случае, содержатся лишь в особых камерах. Но каждому, знакомому с тюремной жизнью, ясно, что такая изоляция имеет очень малое значение, так как тюремный коридор и даже корпус всегда живет общей жизнью. Пребыванию подростков в тюрьмах должен быть самым решительным образом положен конец.

Следовательно, сеть „трудовых домов“ для несовершеннолетних должна быть расширена

¹⁾ Ст. 174 и сл.

настолько, чтобы эти учреждения могли при-
нять всех нуждающихся в них подростков. Это—
первая, очень важная, очередная наша практическая задача.

Необходимо немедленно принять меры к уда-
лению из общих мест заключения всех несовер-
шеннолетних. При этом трудовые дома должны призна-
ваться воспитательными учреждениями и быть организованы,
как таковые; подростки должны помещаться в них впредь
до исправления, при чем нет надобности, чтобы они непре-
менно освобождались из них по достижении 18-летнего воз-
раста, как того требует ст. 56 Уголовного Кодекса.

II

В неразрывной связи с вопросом о характере ответствен-
ности несовершеннолетних стоит вопрос о порядке приме-
нения к ним тех или иных мер. Каков должен быть этот
порядок? В недалеком прошлом это был обыкновенный су-
дебный порядок с некоторыми лишь изъятиями, с некоторым
упрощением и сокращением судебной процедуры. Затем
было признано вредное влияние этой процедуры на впечатли-
тельную душу детей и подростков, которые часто чувство-
вали себя, благодаря ей, то какими-то героями зла, страш-
ными для общества и привлекающими к себе его особое
внимание, то отверженцами общества, которым уже нет воз-
врата к нормальной жизни. Явилась мысль о создании со-
вершенно особых детских судов с совершенно особым по-
рядком разбора дел. Эти детские суды явились несомненным
шагом вперед в деле развития законодательства о несовер-
шеннолетних. Впервые они появились в Северной Америке.
Старейший из них—в Чикаго—существует с 1899 г.¹⁾

В 1909 г. такие суды были уже введены в 40 штатах
Америки. По примеру Америки они стали распространяться
в Европе (в Англии с 1905 г., в Бельгии и во Франции с

¹⁾ См. Штаммер, „Американские суды для малолетних, их возникно-
вение, развитие и результаты“. Русский перевод. 1910.

Жюлье, „Суды для малолетних в Соединенных Штатах Америки“.
Русский перевод. 1909. Рубашева, „Особые суды для малолетних“.
1912. Тарасова, „Детский суд“.
1913. Н. А. Окунев, „Особый суд для мало-
летних“.
1915.

1912 г., в Испании, Португалии и Швейцарии с 1911 г., в Германии и Италии с 1908 г. и т. д.). У нас первый суд для несовершеннолетних появился в Петербурге в 1910 г., а затем эти суды образовались в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Варшаве, Либаве, Риге, Томске, Саратове. Не вдаваясь в подробности, я в немногих словах обрисую картину американских детских судов. Там эти суды имеют дело с несовершеннолетними до 16 лет; лишь в виде исключения в некоторых местах им подсудны и юноши 17—18 лет. В некоторых штатах (напр., в Индиане) суды для малолетних состоят из особых судей, бесценно выполняющих свои обязанности, а иногда из судей общего суда, которые попеременно, в течение известного времени, занимаются делами подростков. Ведению этих судов подлежат не только подростки, совершившие какое-либо преступное деяние, но и другие категории подростков, нуждающихся в исправлении, — нищие или нищенским образом что-либо продававшие, вращающиеся в кругу проституток, шатающиеся без призора по улицам и т. д. Суд состоит из одного судьи и происходит в самой простой обстановке. Кроме обвиняемого, на суде присутствуют его родители или опекуны, свидетели и состоящие при данном суде „попечители“. Судья попросту беседует с подростком, стараясь выяснить себе его личность и все условия его жизни. Большую роль в суде играют „попечители“, которые увольняются и назначаются судьей и большей частью состоят на жаловании. В Чикаго каждый из 28 попечителей получает более 300 франков в месяц. О всяком предстоящем процессе судья предварительно извещает попечителя, который должен расследовать положение несовершеннолетнего и условия его жизни. О результатах своего расследования он сообщает судье. После суда попечитель наблюдает за порученным его попечению подростком, оказывает последнему необходимую поддержку и время от времени дает судье отчет в своих наблюдениях и принятых им мерах. Попечитель должен неослабно следить за несовершеннолетним, посещать его на дому и в мастерской, собирать сведения о его поведении в школе и т. д. Он является советчиком родителей, и нередки случаи, когда это оказывает прекрасное влияние, и попечителю удается дать малолетнему хорошее направление после того, как ро-

дители уже отказались от всякой надежды на исправление их ребенка.

Результатом разбора дела в детском суде далеко не всегда является помещение несовершеннолетнего в исправительное заведение. Часто подросток оставляется у родителей, но при этом наблюдение за ним поручается попечителю, или подросток отдается на попечение одного из многочисленных союзов или обществ, берущих на себя заботы о беспризорных детях. Время от времени попечители собираются у судьи, читают свои отчеты, сообщают данные о порученных им наблюдению подростках. В некоторых местах, как, например, в Денвере, раза два в месяц у судьи происходят собрания мальчиков и отдельно собрания девочек, на которых происходит обмен мнений между детьми по разным вопросам, касающимся разных сторон их жизни, и обсуждение разных поступков тех или иных из них. При этом судья в своей беседе с детьми тщательно избегает могущего отпугивать их проповеднического тона. Подростки на этих собраниях делают отчет в своем поведении и сообщают о разных встреченных ими трудностях¹⁾. Введение детских судов во всех штатах дало очень благоприятные результаты и сильно понизило % рецидива среди подростков—до 8—10%; в Денвере, с введением детского суда, за четыре года, до 1906 г., ни один подросток не был отправлен в тюрьму, 95% подростков были переданы в семьи, но в то же время оставлены под надзором, а рецидив среди подростков упал до 5%²⁾.

Обращаясь к оценке особых судов для подростков, нельзя, конечно, не признать их, с первого же взгляда, большим шагом вперед по сравнению с тем, что было до введения их. Но нельзя не видеть также, что они представляют собою переходную ступень к дальнейшему развитию. Конечно, лучше судить подростка в этих особых судах, чем

1) Подробное описание этих собраний см. у Ш т а м м е р а, у. с., стр. 34 и сл. В некоторых местах для лиц, желающих стать попечителями при детском суде, устраивают особые курсы и экзамены на должность попечителя. Охотников подвергнуться особому экзамену обыкновенно оказывается много; в Чикаго, например, в один год на 17 мест явились подвергнуться экзаменам 132 чел. См. Жюлье, у. с., стр. 14.

2) См. Жюлье, у. с., стр. 26—27.

в общих судах, хотя бы и с упрощением судебной процедуры; лучше, чтобы подростков судили судьи с специальной опытностью в этих делах, чтобы суд происходил в простой обстановке, чтобы судья просто, сердечно и участливо относился к каждому несовершеннолетнему и внимательно всматривался в его нравственную личность. Но из признания подростков до 17 лет вообще абсолютно невменяемыми, т.-е. совершенно не подлежащими уголовному преследованию, последовательно вытекает отрицание вообще всякого суда над этими подростками. Место особых судов для них должны занять учреждения поучительского характера. Такой характер и носят наши комиссии по делам о несовершеннолетних.

У нас вначале, согласно декрета 14 января 1918 г., борьба с детской преступностью сосредоточивалась в Комиссариате Социального Обеспечения (Народном Комиссариате Общественного Призрения). Затем было решено перевести комиссии по делам о несовершеннолетних в Народный Комиссариат Просвещения. Однако, фактически этот перевод произошел не сразу, и в конце 1918 г. комиссии в одних губерниях продолжали оставаться в Народном Комиссариате Социального Обеспечения, в других—перешли в ведение отделов народного образования, а в немногих—состояли в отделах здравоохранения.

Декрет 14 января 1918 г. в своей ст. 3 постановлял: „Указанные комиссии паходятся в исключительном ведении Народного Комиссариата Общественного Призрения, и состоят из представителей ведомств: общественного призрения, народного просвещения и юстиции, в количестве не менее 3 лиц, при чем одно из этих лиц должно быть врачом“. Следующая 4 статья говорила: „По рассмотрении дела о несовершеннолетних, комиссия либо их освобождает, либо направляет в одно из убежищ Народного Комиссариата Общественного Призрения, соответственно характера деяния¹⁾. Вот все меры, которые этот декрет предоставлял в распоряжение комиссий. С 1920 г. комиссии перешли из Комиссариата Социального Обеспечения в Народный Комиссариат Просвещения, в котором охрана детства сосредоточена в Отделе социально-правовой охраны несовершеннолетних Главного

¹⁾ „Собрание узак. и распор. Раб. и Кр. Прав.“ 1918, № 16, ст. 227.

Управления социального воспитания и политического образования детей (Главсоцвоса). На местах комиссии находятся в ведении п/отделов социального воспитания губернских отделов народного образования и общих отделов уисполкомов. Те административные органы, в ведении которых состоят комиссии, не раз перестраивались и меняли свои названия. После декрета 4 марта 1920 г. в состав комиссий входят: представитель ведомства народного просвещения, врач-психиатр и народный судья. Число действовавших в центральных губерниях комиссий на 1 января 1924 г. было 243, а на 1 июля 1924 г. — 214; уменьшение на 29 комиссий произошло в уездах, в связи с районированием ¹⁾.

Вопрос об объединении комиссий под общим руководством центральной комиссии, возникавший еще на совещании губернских представителей п/отделов правовой защиты в 1921 г. и в Народном Комиссариате Юстиции в 1922 г., получил в мае прошлого года разрешение в Положении о центральной комиссии по делам о несовершеннолетних ²⁾. Этим положением при Народном Комиссариате Просвещения создана центральная комиссия по делам о несовершеннолетних, которая должна быть высшим органом, направляющим, надзирающим и контролирующим деятельность местных комиссий по делам о несовершеннолетних.

В круг ее ведения входит:

а) установление правильного и единообразного применения законов, касающихся борьбы с правонарушениями несовершеннолетних;

б) выработка и осуществление через соответствующие органы мероприятий, направленных на борьбу с правонарушениями несовершеннолетних;

в) руководство деятельностью местных комиссий по делам о несовершеннолетних, наблюдение за правильным функционированием и учет их работы;

г) дача разъяснений по возникающим у местных комис-

¹⁾ „Статистический Ежегодник“. Состояние народного образования в РСФСР за 1923—24 г.г., стр. 115. Всего действовало комиссий в 1923 г. — 273, а в 1924 — 275. См. сборник „Детская беспризорн. и дет. дом“, 1926 г., стр. 137.

²⁾ „Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства“. 1925, № 38. На Украине такая центральная комиссия была еще создана раньше.

сий вопросам, связанным с применением декретов и инструкций, касающихся несовершеннолетних правонарушителей;

д) рассмотрение в порядке надзора дел, разрешенных местными комиссиями по делам о несовершеннолетних, за исключением дел, переданных судебным органам (ст. 4 Положения).

Эта комиссия состоит из представителей Народного Комиссариата Просвещения, Народного Комиссариата Внутренних Дел, Народного Комиссариата Здравоохранения и Народного Комиссариата Юстиции, по одному от каждого и по одному заместителю к ним. Председателем центральной комиссии по делам о несовершеннолетних является представитель Народного Комиссариата Просвещения. В качестве членов с совещательным голосом на заседаниях центральной комиссии по делам о несовершеннолетних присутствуют представители: Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, Центрального Комитета Российской Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, Женского Отдела Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Центрального Комитета Крестьянских Обществ Взаимопомощи, по одному от каждого. „Члены центральной комиссии получают вознаграждение каждый по сметам своего ведомства“ (ст. 2).

Обращаясь к оценке деятельности наших комиссий по делам о несовершеннолетних, нельзя не признать, что идея суда над подростками, к сожалению, живет в недрах некоторых из них. В отчете Наркомпроса РСФСР за 1923/24 г.г. сообщается, что „в ряде уездов комиссии не изжили прежнего представления о суде над несовершеннолетними преступниками, постановления свои называя приговорами, исследователей - воспитателей — следователями, применяя к несовершеннолетним наказания (общественные порицания, штрафы, условное осуждение, помещение в колонии на определенные краткие сроки, принудительные работы, заключения в места лишения свободы, амнистии, присуждая гражданские искн и т. д.)“¹⁾. В общем отчет недоволен работой комиссий. „Работа комиссий по делам о несовершеннолетних еще в значительном числе случаев не достигла

¹⁾ „Народное просвещение в РСФСР к 1924/25 учебному году“, стр. 88.

своей цели, не оказывая ребятам действительной социальной помощи, так как комиссии не располагали почти никакими реальными возможностями для оказания этой помощи, к тому же подходили к несовершеннолетним с точки зрения „моральной дефективности“, злоупотребляли передачей их в народные суды или ограничивались такими мерами, как внушение, замечание и т. д.“¹⁾ Несомненно, что деятельность комиссий в значительной мере тормозилась недостаточностью сети детских домов, неорганизованностью семейного патроната и, благодаря недостаточности обследовательского персонала, слабым развитием попечительного надзора за подростками. „Недостаточность стационарных детгучреждений создала загруженность приемных пунктов, часть которых превратилась в детдома“. „Организация труда в большинстве случаев отсутствует“. „Все это вместе сильно затрудняет организацию и проведение воспитательной работы, которая, за небольшими исключениями, поставлена слабо“²⁾. Для того, чтобы поднять деятельность Комиссий на должную высоту, необходимо прежде всего позаботиться о развитии и целесообразной организации сети воспитательных учреждений для подростков.

III

Всякое правильно поставленное воспитание предполагает тщательный, основанный на постоянном наблюдении и изучении воспитываемого, выбор воспитательных мер и возможно полную их индивидуализацию, т.-е. приспособление к индивидуальным особенностям данного ребенка. Несомненно при этом, что воспитательное воздействие должно особенно сосредотачиваться и в первую очередь направляться на те свойства личности воспитываемого, которые представляют наибольшую опасность для его будущего.

Для достижения указанных целей необходимо внимательное наблюдение и изучение личности ребенка или подростка. Изучение личности подростка необходимо с первого момента, когда подросток попадает в сферу влияния орга-

¹⁾ Там же.

²⁾ „Социально-правовая охрана детей и подростков и детский дом“. — Материалы к II Съезду соц.-прав. охраны детей и подростков, стр. 13.

нов, ведущих борьбу с детской беспризорностью и преступностью. Оно, прежде всего, необходимо уже при решении вопроса, — надо ли отнести подростка в ту или иную группу изложенной классификации, нужно ли поместить его в какое-либо учреждение, и в какое именно. Часто принадлежность подростка к той или иной группе можно установить уже на основании довольно быстрого ознакомления с ним в приемнике. Но часто бывает необходимо довольно длительное наблюдение и исследование, для которого нужно отправить подростка в особое учреждение экспертного характера, в особый институт: педолого-криминологический, если задача заключается в выяснении наличности или отсутствия у психически здорового подростка асоциальных и криминогенных склонностей, или психопатологический, если возникает сомнение в перво-психическом здоровье подростка, и требуется исследование его с этой стороны. Такие институты желательны, по крайней мере, в крупных центрах ¹⁾.

¹⁾ У нас учреждения, в которые комиссии направляют юных правонарушителей для предварительного изучения, носят название наблюдательно-распределительных пунктов, хотя, собственно, это не пункты распределения, а учреждения для более или менее длительного наблюдения и изучения подростка. По данным за I и II квартал 1924 г. в 40 губерниях РСФСР было 12 наблюдательно-распределительных пунктов. (Материалы ко II Всероссийскому съезду соц.-прав. охраны детей и подростков», стр. 13). На 1 июня 1923 г. таких пунктов в 33 губерниях было 24, а на 1 июня 1924 г. — 20; уменьшение — на 19,9%. (Статистический Ежегодник.—Состояние народного образования за 1923—24 г., стр. 117, 161). Фактически эти пункты представляют собою психологические лаборатории с общежитием для детей. Их следует преобразовать в педолого-криминологические институты, задачи которых гораздо шире, чем психологических лабораторий.

Для выяснения, в сомнительных случаях, состояния перво-психической сферы подростка необходимы психопатологические институты. Необходимость подобных учреждений давно выяснилась уже в практике детских судов: в 1909 г. психопатологическая лаборатория возникла в Бостоне, в 1911 г. в Чикаго, в 1916 г. — в Нью-Йорке, и т. д. У нас имеются: детский исследовательский институт в Ленинграде и институт детской дефективности в Москве, — более или менее приближающиеся по своим задачам и структуре к упомянутым выше учреждениям. В нескольких губернских городах: Орле, Казани, Саратове, Самаре и некоторых других у нас имеются еще детские психологические лаборатории, обслуживающие нужды отделов народного образования и, между прочим, комиссий по делам о несовершеннолетних.

Изучение личности подростка должно охватывать, по возможности, всю историю его жизни, по крайней мере, важнейшие моменты и события последней, его наследственность, семейные условия, в которых он воспитывался, имущественное положение его и его семьи, его интеллектуальную и эмоциональную сферу, с применением экспериментальных психологических методов.

Источниками для изучения личности подростка могут быть как всякого рода документальные данные о его жизни и поведении и разные сообщения знающих его лиц, так и распрос, по тщательно обдуманной программе, его самого. Этот распрос должен носить возможно простой и сердечный характер, с устранением из него всего, что может заставить подростка прятаться в себя или пугаться. Пользуясь всеми этими источниками, надо постараться составить себе полную картину личных качеств и юной жизни подростка, выяснить наследственность подростка, семейные условия, в которых он рос, и в атмосфере которых начал складываться его характер, его привязанности и интересы, уровень имеющихся у него знаний, навыков и какой-либо профессиональной подготовленности, круг любимых занятий и увлечений, его склонности становиться в определенные отношения к своим органическим потребностям и чувственным удовольствиям, к людям, к природе, к животным. Все эти сведения, полученные из опроса подростка и знающих его лиц и из имеющихся о нем тех или иных сведений, — должны быть дополнены данными экспериментально-психологического исследования эмоциональной сферы подростка, его памяти, воображения, точности и полноты его восприятий и его комбинаторных способностей. 1) Я не имею возможности остановиться здесь на объеме и методах всех этих исследований, а могу сказать лишь об их главной задаче и общем направлении. Главная задача — выяснить, так сказать, потенциальным субъектом какого рода поступков является данный подросток, и имеются ли в его личности более или менее сложившиеся корни для поведения асоциального характера. Выяснить эти личные корни в высокой степени важно, так

1) Ряд интересных указаний относительно приемов исследования эмоциональной сферы подростков см. у П. Г. Бельского, „Исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних“, 1924 г.

как от этого, прежде всего, должно зависеть, какие воспитательные меры должны быть применены к данному подростку. Задача этих мер—разрушить или видоизменить криминогенные склонности подростка таким образом, чтобы они перестали служить пружинами противообщественных поступков.

Большую роль вообще в борьбе с детской преступностью и беспризорностью, и в частности,—в изучении подростков, должны играть следователи, на тщательную систематическую подготовку и достаточный штат которых во всех учреждениях, ведущих борьбу с детской беспризорностью и преступностью, должно быть обращено самое серьезное внимание. Деятельность следователей многообразна: они, с одной стороны, собирают разнообразный материал о личности и поведении подростков, а с другой стороны, практически осуществляют те воспитательные меры, которые принимаются комиссиями в отношении отдельных подростков. В приемниках следователи являются деятельными участниками предварительного ознакомления с попадающими в приемники подростками. Работая при комиссиях, они являются главными собирателями того фактического материала, который полагается этими комиссиями в основу их решения. Для собирания необходимых данных, им приходится посещать подростков на дому и посещать близких к подростку лиц, чтобы путем непосредственного личного наблюдения ознакомиться с условиями домашней жизни подростка. Собрание и обработка данных,—это первая и чрезвычайно важная функция следователей. Принятие подростков под свой попечительский надзор, надзор за подростками, отданными в обучение, на работу, или на воспитание,—это вторая, также чрезвычайно важная функция следователей. При достаточно широкой постановке борьбы с детской преступностью и беспризорностью возможно, что выполнение этой второй функции будет поручаться особым следователям, которых можно назвать следователями-руководителями. Следующая очень важная функция—это воспитательская деятельность в детских домах и изучение личностей питомцев этих домов. Несущие лишь эту функцию следователи могут быть названы следователями-воспитателями. Наконец, следователи, занятые изучением подростков в педолого-криминологиче-

ских и психопатологических институтах или лабораториях, могут быть названы исследователями—научными сотрудниками. Все перечисленные функции могут выполнять и одно и то же лицо, и разные лица. Так как выполнение этих функций требует различных способностей и навыков, то деятельность отдельных исследователей может быть и ограничена пределами одной из этих функций.

Изучение подростка должно начинаться еще в приемном пункте или приемнике, куда первоначально доставляется беспризорный ребенок или подросток.

Приемные пункты должны быть невелики по объему и достаточно многочисленны. Обстановка их должна быть проста и несложна. У нас по 33 центральным губерниям РСФСР числилось приемников на 1 июня 1923 г. 125, а на 1 июня 1924 г.—107; сокращение—на 14,4%. Если присоединить к приемникам центральных губерний приемники северного Кавказа, Сибири и т. д., то всего на 1 июня 1923 г. было 147 приемников, а на 1 июня 1924 г.—130. Число детей в 126 приемниках было на 1 июня 1924 г.—10073 чел. ¹⁾ Несомненно, что приемников должно быть достаточно

¹⁾ „Статистический Ежегодник“. Состояние народного образования в РСФСР за 1923—24 г., стр. 117—118.

По возрастам помещавшиеся в 1923—24 гг. в приемниках дети распределялись так:

	Мальчики	Девочки	Оба пола
От 7 лет	7,2%	13,3%	8,6%
„ 7 до 10 лет	19,9	30,5	22,4
„ 10 до 14 „	47,4	37,2	45
„ 14 до 16 „	20,2	15,2	19,1
„ 16 до 18 „	5,3	3,8	4,9

По основаниям поступления в приемники подростки распределялись в означенный период так:

	Мальчики	Девочки	Оба пола
Беспризорные.	53,5%	57,9%	54,6%
Правонарушители.	17,9	9,1	15,7
Нищие	9	9,5	9,2
Проституировавшие.	—	0,7	—
Жертвы жестокого обращения.	0,7	1	0,8
Прочие	18,9	21,8	19,6

См. „Статистический Ежегодник“. Состояние народного образования по РСФСР за 1923—24 г.,—стр. 120.

много, число их должно соответствовать обнаружившейся в данных местах потребности в них. Пребывание подростков в них должно быть возможно более кратким. Для содержащихся в них подростков, в приемниках должен быть организован медицинский осмотр, а также должны быть организованы некоторые простейшие занятия, не требующие специальной подготовки, занятия по хозяйству и уборке помещений, полезные игры и образовательные развлечения. Атмосфера приемника должна отличаться приветливостью и сердечным участием к подростку, без грубого обращения, упреков, запугивания и т. п. В приемнике, кроме деления по полу, желательно и обособление подростков с явными асоциальными навыками и склонностями от остальных. Конечно, здесь приходится говорить лишь о классификации суммарной, произведенной по первому впечатлению, по бросающимся в глаза признакам, об обособлении подростков, опасность которых для остальных очевидна, без особого исследования их, по явным признакам глубокой испорченности. Более или менее глубокое изучение личности и систематическое обучение чему-либо полезному выходит за узкие пределы задач приемника.

Весьма важным вспомогательным органом в борьбе с детской беспризорностью и преступностью является детская социальная инспекция, которая представляет собою как бы особую детскую милицию и должна вести наблюдение за притонами, стараясь извлекать оттуда беспризорных подростков, за людными улицами, трактирами, разными увеселительными местами и т. п., стараясь с возможной энергией бороться с детским нищенством, проституцией, хулиганством, бездомностью и беспризорностью и с разными общественно-опасными поступками подростков. На нее должно быть возложено также наблюдение за положением подростков в семье и у лиц, у которых они находятся в обучении, на службе или на воспитании. У нас детская инспекция была введена декретом 23 октября 1921 г. Первоначально на нее были возложены также надзор и борьба с эксплуатацией и с плохим обращением с детьми в ремесленных, фабричных и иных предприятиях, но позднее, декретом 13 сентября 1922 г., надзор за трудом несовершеннолетних в предприятиях и учреждениях был передан

инспекции труда, и на обязанности детской социальной инспекции было оставлено наблюдение за положением детей в семье и в предприятиях ремесленных и кустарных, не пользующихся наемным трудом. В необходимости детской инспекции, по крайней мере в крупных центрах, не может быть сомнений. Но детских инспекторов у нас очень недостаточное число; в штате губернских отделов народного образования детские инспектора фигурируют далеко не всегда, а в штатах уездных отделов образования составляют редкое явление ¹⁾).

Серьезное значение в борьбе с детской беспризорностью и преступностью принадлежит, далее, организации юридической помощи несовершеннолетним и юридических консультаций для них. Последние существуют у нас во многих городах (Москве, Казани, Орле, Нижнем-Новгороде, Брянске, Архангельске, Самаре, Ярославле и некоторых других) ²⁾. Большую помощь в розыске родителями их детей оказывают детские адресные столы. При Наркомпросе в 1921 г. образован центральный детский адресный стол, в который за 1923—24 г. поступило 1017 запросов о розыске детей; найдено 582, что составляет 57% ³⁾.

IV

Достаточно полная индивидуализация воспитательных приемов может быть осуществлена лишь в воспитательных учреждениях небольших размеров и с таким внутренним устройством, при котором воспитанники разбивались бы на маленькие группы, руководимые одними и теми же воспитателями и более или менее обособленные друг от друга. С этой точки зрения лучшей является так называемая „павильонная“ система, разбивающая воспитанников на отдельные, размещенные по павильонам „семьи“ или группы ⁴⁾.

¹⁾ Ср. „Соц.-прав. охрана детей и подростков и детский дом“, стр. 15—16.

²⁾ „Народное просвещение в РСФСР в 1924—25 учебном году“, 1925; стр. 91.

³⁾ Там же, стр. 92.

⁴⁾ И у нас, и за границей эта система не раз получала применение в учреждениях, предназначенных для воспитания беспризорных и „преступных“ подростков. См. напр., описание французской „метрейской“ ко-

При делении воспитанников на небольшие группы воспитатель, постоянно наблюдающий за известной группой, может легче ознакомиться с каждым ребенком и индивидуализировать свои воспитательные приемы. Разбивая воспитанников на небольшие семьи, легче достигнуть того, что каждый воспитанник будет постоянно находиться в обществе наиболее подходящих ему подростков, с которыми у него будет много общих интересов, легче заметить и предотвратить вредное влияние одного воспитанника на другого. Все эти преимущества „павильонной“ системы ясны. Но финансовые соображения побуждают государство, как скоро оно выступает в роли устроителя воспитательных заведений, стремиться, во-первых, к созданию сравнительно крупных детских учреждений; во-вторых—к укрупнению существующих учреждений путем их слияния, расширения одних и закрытия других; в-третьих—к такой постановке этих учреждений, при которой они, хотя бы частично, окупали себя и, по возможности, обслуживали и обстраивали сами себя.

Принимая во внимание изложенные соображения, а также то, что значительная часть беспризорных и „преступных“ подростков отягощена плохой наследственностью, страдает малокровием, истощением и т. д., надо прийти к выводу, что воспитательные учреждения для них лучше устраивать вне городов, в сельских местностях, в виде колоний. При этом, этим колониям следует придавать характер не исключительно сельско-хозяйственный, а ремесленно-земледельческий, или промышленный, фабричный и т. д.: вообще, кроме сельско-хозяйственных работ, желательно организовать в колониях те или иные виды промышленного производства. В колониях легче обставить жизнь воспитанников такими материальными условиями, которые необходимы для их здоровья и физического развития, и полнее

ловии с фотографиями этой колонии в моей книге: „Детская преступность и меры борьбы с нею“ 1911. См. также, как пример заведения с семейным режимом, описание колонии Струвешоф под Берлином, у Люблинского и Копелянской, у с. стр. 125 и сл. Примером неполного проведения семейного режима может служить венгерская колония „Ассод“, фотография и описание которой приведены в моей книге: „Детская преступность и меры борьбы с ней“, стр. 78 и сл.

можно осуществить принципы самообслуживания, самообстраивания и некоторой самокупаемости. Для колонии крупные размеры учреждения и большое число воспитанников создают менее затруднений, чем для городских детских домов.

Обращаясь от этих общих соображений к нашим современным условиям и к переживаемому нами моменту вспышки детской беспризорности, я полагаю, что в настоящее время, так сказать, руль государственного строительства, предназначенного, если не уничтожить, то сильно понизить уровень детской беспризорности, должен быть направлен на вывод возможно большего числа беспризорных из городов и на устройство их в трудовых ремесленно-земледельческих колониях, которые были бы в полном смысле трудовыми, с возможно серьезным обучением труду и достаточной дисциплиной. Единственным выходом из современного тяжелого положения вопроса о детской беспризорности является создание крупных трудовых ремесленно-земледельческих колоний, с числом воспитанников в 300—400 чел., с серьезной дисциплиной, с хорошей постановкой в них школьных занятий и обучения сельско-хозяйственным и тем ремесленным работам, которые окажется возможным завести в целях как самообслуживания колонии, так и в целях возможного обслуживания окрестного населения ¹⁾. В принципе представлялось бы желательным для трудового воспитания беспризорных детей создание учреждений небольших размеров, преимущественно типа колоний с „павильонной“ системой, т.-е. с подразделением детей на небольшие группы, по 10—15—25 чел. и с возможным обособлением этих групп в отдельных павильонах. Но создание многих сотен, а может быть, и не одной тысячи подобных учреждений не по силам государству, которое не может выделить из своего бюджета тех громадных средств, которые потребовались бы на оборудование стольких учреждений и на ведение в них хозяйства.

Если в один—два года создать 150—200 крупных колоний, т.-е. в среднем по две колонии на губернию,—что

¹⁾ Первоначальное оборудование одной такой колонии, по моим подсчетам, потребовало бы тысяч около 20 рублей.

не представляется утопическим,—то в них нашли бы себе приют более 50.000 беспризорных детей, предполагая, что некоторые подростки будут оставаться там менее года, и, после некоторой подготовки к крестьянским работам, могли бы быть переданы на воспитание в крестьянские семьи. Крестьянин вряд ли охотно будет брать на воспитание неприученного к нужным ему работам воспитанника детского дома и скорее согласится взять на выгодных для себя условиях воспитанника сельско-хозяйственной колонии, быть может, даже знакомого с каким-либо подсобным сельскому хозяйству ремеслом. Таким образом, колонии могут послужить до известной степени проводником другой меры: передачи части детей в крестьянские семьи на воспитание. Надо добавить, что такая отдача на воспитание может быть применяема лишь с большими предосторожностями, иначе она даст в результате массу злоупотреблений. Прежде всего, необходим осторожный и внимательный выбор тех семей, в которые отдаются подростки на воспитание, а во вторых, необходим частый контроль над тем, как выполняются обязательства теми, которые взяли детей на воспитание. При помещении детей из колоний к окрестным крестьянам обе указанные выше задачи значительно облегчаются.

Предпочитая колонии детским домам, я основываюсь на том, что как с педагогической точки зрения, так и с точки зрения общественной безопасности, очень желательно вывести возможно большее число беспризорных детей из городов в условия деревенской, крестьянской жизни. Меня не смущает мысль, что оборудование колоний может стоить дорого, потому что я полагаю, что: во-первых, найти в среднем по 2 больших усадьбы на губернию вряд ли окажется очень трудным; во-вторых, колония скорее и более может перейти на самообеспечение и самоокупаемость и многое может производить сама для себя. Думаю, что подросткам там будет жить сытнее и более полезно для здоровья: а содержание их будет стоить гораздо дешевле, чем в городе. В третьих, колонии смогут легче и быстрее развертываться, понемногу высасывая из детских домов и с городских улиц беспризорных детей. На вопрос, могут ли существовать колонии с таким большим количеством детей,

ответу ссылкой на факт успешного существования таких колоний во многих государствах.

Во всяком случае, в настоящее время, при растущей в городах безработице и при слабой трудоспособности очень многих беспризорных подростков, рассчитывать устроить их в городах в трудовых артелях, в производственных мастерских и т. д. очень трудно, и увеличивать ими число безработных не следует. Надо не прикреплять их к городам, а расселять из последних, выводить в деревню, на землю, где им устроиться будет легче, если колонии будут поставлены правильно, как действительно трудовые ремесленно-земледельческие колонии. Переживаемая нами вспышка детской беспризорности делает неизбежным расширение сети существующих детских учреждений и большие затраты со стороны государства. Я полагаю, что это расширение должно идти в сторону создания крупных ремесленно-земледельческих колоний. Режим последних должен быть более или менее различен, в зависимости от помещаемых в них категорий беспризорных подростков. Существующая сеть сельско-хозяйственных учреждений очень мала, по сравнению с сетью детских домов ¹⁾. Необходимо позаботиться о сильном ее расширении и о возможном сжатии сети городских детских домов, без значительного числа которых все же нельзя будет обойтись.

¹⁾ Относительно большее развитие колонии получили на Украине. Там значительное число подростков правонарушителей в возрасте 15—18 лет помещается в трудовых колониях. Достигшие 16 лет в колонии не принимаются. В колонии воспитанники остаются до достижения 18 лет. Ср. Веккер „Дети и советское право“ стр. 61, 1925 г. См. описание некоторых колоний у Маро „Работа с беспризорными“ 1924, стр. 55 сл.

По данным ЦСУ („Бюллетень“, № 107, стр. 54) на 1 января 1925 г. на Украине было детских домов 445 с числом подростков в 29179 ч., колоний и городков—120 с 26563 подростками, детских домов и колоний для дефективных—76 с 3583 детьми и подростками в них.

Число детских учреждений с сельско-хозяйственным уклоном в РСФСР представляется в следующем виде:

С первого взгляда ясно, что успех в борьбе с детской преступностью и беспризорностью не может быть достигнут какою-либо одной мерой, а требует целой сети координированных друг с другом, разнообразных мер, мер общественных и государственных, законодательных, административных

№№ по пор.	Губерния	Число сел.-хоз. колоний	Количество десятин	Число обслуживаемых детей
1	Архангельская	—	—	—
2	Астраханская	1	20	55
3	Брянская	7	799	738
4	Владимирская	5	30½	328
5	Воронежская	15	1.064	1.836
6	Вологодская	4	290	490
7	Вятская	4	42	524
8	Иваново-Вознесенская	3	111	159
9	Калужская	7	342½	337
10	Костромская	7	159½	324
11	Курская	1	60	30
12	Ленинградская	26	1.300	3.242
13	Московская	14	735	1.310
14	Мурманская	—	—	—
15	Нижегородская	9	177¾	1.062
16	Новгородская	7	145	354
17	Орловская	7	540	556
18	Пензенская	3	42	179
19	Псковская	4	114	285
20	Рязанская	7	270	343
21	Самарская	6	340	180
22	Саратовская	7	435	628
23	Смоленская	14	785	721
24	Северо-Двинская	2	10	67
25	Тамбовская	10	527	558
26	Тверская	2	75½	127

и воспитательных. Он требует вообще широко и правильно организованной „охраны детства“, т.-е. сложной системы

№№ по пор.	Г у б е р н и я	Число сел.-хоз. колоний	Количество десятин	Число обслуживаемых детей
27	Тульская	2	120	80
28	Ульяновская	1	43	45
29	Уральская область	31	2.261	1.875
30	Царицынская	4	240	232
31	Ярославская	4	248	230
32	Гомельская	1	58	80
33	Череповецкая	2	400	330
34	Северо-Кавказский край	25	1.943 ³ / ₄	2.476
Итого		242	13.728 ¹ / ₂	19.781
Автономные области.				
1	Вотская	3	121	393
2	Зырянская	1	380	209
3	Калмыцкая	2	60	120
4	Марийская	1	7	34
5	Чувашская	2	48	143
Итого		9	616	599
Сибирь.				
1	Алтайская	7	131	332
2	Енисейская	1	10 ¹ / ₂	250
3	Иркутская	3	35 ¹ / ₂	396
4	Ново-Николаевская	Сведений нет		
5	Омская	8	707 ¹ / ₂	449
6	Томская	Сведений нет		
7	Обиратская	—	—	—
Итого		19	884 ¹ / ₂	1.427
Всего		270	15.229	22.107

общественных и государственных мер, которыми подрастающие поколения были бы достаточно защищены от всех многочисленных и разнообразных факторов, приносящих им физический или моральный вред. Вопрос о борьбе с детской преступностью и беспризорностью есть часть более широкого общего вопроса об „охране детства“. Этот последний вопрос глубоко заглядывает в общественную жизнь и повсюду теперь — особенно со времени мировой войны — выдвинут на видное место и поставлен в ряд важнейших социальных проблем. Он вышел даже на международную арену. В июле 1921 г. в Брюсселе происходил второй международный конгресс по охране детства, одним из плодов которого явилось создание „Международной ассоциации по охране детства“, которая имеет своей задачей содействовать разработке вопросов, касающихся охраны детства, развитию законодательства о подростках и заключению международных соглашений, относящихся к области охраны детства, а также установлению сношений и обмена мнений между лицами, находящимися в разных странах и занимающимися вопросами, касающимися охраны детства. Первый международный конгресс по охране детства происходил еще в 1913 г. в Брюсселе. На нем был принят проект учреждения международного бюро по охране детства, но мысль эта, из-за начавшейся вскоре мировой войны, в то время не получила осуществления. В отдельных государствах при наличии известного минимального числа членов (20 — 50 человек, смотря по размерам населения) могут быть образованы особые национальные секции Ассоциации. Ассоциация издает с 1921 г. свой журнал „Bulletin international de la protection de l'enfance“. Понятию „охраны детства“ в программе Ассоциации придается очень широкий смысл, при котором она обнимает материальное и моральное положение детей, социальную опеку детства и охрану младенчества, положение внебрачных детей, положение детей в семьях, помещение детей в частные семьи и в учреждения для воспитания, организацию опеки и ограничения родительской и опекунской власти, борьбу с нищенством, бродяжничеством и преступностью несовершеннолетних, в частности, особые суды для несовершеннолетних, учреждения для детей ненормальных и отсталых, убежища для детей, покинутых или

находящихся в опасной для них обстановке, и т. д. Между прочим, в программу Ассоциации включены — изучение и преследование разных преступлений, совершаемых в отношении детей, и охрана детей, в колониях. Словом, все условия жизни ребенка, могущие оказывать влияние на его физическую или моральную сторону, обнимаются широкими пределами понятия „охраны детства“. На пропеходивших в 1922 г. и 1923 г. сессиях Ассоциации, кроме организационных вопросов, обсуждались, между прочим, вопросы об организации в различных странах однообразной статистики детской смертности, о репатриации беспризорных детей, о мерах к более действительному взысканию алиментов с отцов, покинувших семьи и уехавших за границу, об ограждении детей от вредного влияния кинематографических фильмов¹⁾.

В целях охраны детства необходимо, прежде всего, в каждой стране создание развитой системы „детского права“, т.-е. законодательства, которое с достаточной полнотой и интенсивностью охраняло бы подростков от эксплуатации со стороны взрослых, от развращающего влияния последних и их грубого и жестокого обращения, от небрежности и сознательного безучастия к судьбе детей со стороны лиц, которые обязаны иметь о них попечение, от пагубного влияния на подростков тюрьмы, от положения беспризорности и материальной нужды, от скитания по притонам и т. д. Выработка такой системы „детского права“ составляет одну из очередных задач нашего законодательства. Многие для этого уже сделано в постановлениях, касающихся детей и подростков и содержащихся в разных наших кодексах, но необходимы некоторые дополнения существующих законов и сведение их в одну систему, которая

¹⁾ Вопросами охраны детства заняты также постоянная комиссия и совещательный комитет при ней, состоящие при Лиге Наций; устав последней предусматривает, между прочим, международное сотрудничество в области охраны детства. В 1921 г. Лигой Наций был выработан проект международной конвенции по борьбе с торговлей детьми и девушками в целях разврата, принятый более, чем 30 государствами. Лигой выработан также ряд положений относительно международной охраны детского труда. Таким образом, международное сотрудничество начинает уже все более проявляться в деле охраны детства.

позволила бы, с одной стороны, объединить и обобщить их, а с другой стороны — внести в них все нужные пополнения. Этой системе можно бы присвоить какое-либо особое название. Всего более подходящим, мне казалось бы, название „Кодекса законов о несовершеннолетних“¹⁾.

Потребность соединения законов, касающихся охраны детства, в одно собрание или в один кодекс, довольно давно уже признана на Западе и нашла себе известное удовлетворение в английском законе 1908 г., в бельгийском законе об охране детства — 1912 г., в итальянском проекте „Детского кодекса“ — 1914 г., в германском законе 9 июля 1922 г. и в германском законе о судах для несовершеннолетних — 1923 г.

В кодексе законов о несовершеннолетних должны быть указаны структура и функции органов, ведущих борьбу с детской преступностью и беспризорностью, а также очерчен круг детей и подростков, признаваемых беспризорными, с подразделением их на главные категории, воспитательные меры, которые могут быть применяемы в отношении разных категорий беспризорных и преступных несовершеннолетних, ответственность лиц, обязанных иметь попечение о подростке и невыполняющих этих обязанностей, условия лишения родительской и опекунской власти. Далее, там должна быть дана обрисовка различных преступлений, которые могут быть совершены в отношении несовершеннолетних, и обеспечена защита детей и подростков от грубого и жестокого обращения, от эксплуатации и развращения со стороны взрослых. Особые преступления, жертвами которых являются дети, сводятся к следующим видам:

1. Жестокое обращение. В тех случаях, когда такое обращение выразится в формах телесных повреждений и насильственных действий, оно подлежит уголовному преследованию, как насилие или телесное повреждение. Но оно может и не выражаться в этих формах и тем не менее быть жестоким. Постоянные грубости и брань, частое оставление без пищи, требование непосильной работы, частые

¹⁾ Название „Детский кодекс“, принятое в итальянском праве, несколько узко и благодаря этому сбивчиво, внушая неверную мысль, что в этом кодексе идет речь только о детях.

дисциплинарные взыскания и т. п., — все это может держать ребенка в атмосфере постоянной систематической жестокости.

2. Отсутствие надзора или недостаточный надзор, вследствие чего подростком совершено преступление.

3. Непомещение ребенка в школу, при возможности сделать это, и непринятие мер к воспитанию и подготовке его к какой-либо полезной деятельности.

4. Приучение к нищенству, проституции или иному безнравственному занятию.

5. Отдача малолетнего в работу с нарушением специальных правил об охране труда. Субъектами всех этих преступлений могут быть родители или лица и учреждения, заступающие их место и имеющие на своем попечении или в услужении у себя подростка.

6. Развращение несовершеннолетних и совершение в отношении их разных половых преступлений. Что касается, затем, оставления в опасности, в частности, подкинута ребенка и неоказания ему помощи, то случаи этого рода подходят под общие постановления об оставлении в опасности человека, находящегося, вследствие возраста или болезни, в беспомощном положении ¹⁾.

Наш Уголовный Кодекс, как специальные преступления против несовершеннолетних, предусматривает лишь вовлечение подростков в проституцию и половой разврат (ст. 166 и сл.) и неплатеж алиментов на содержание детей и вообще оставление родителями несовершеннолетних без поддержки (ст. 165-а).

Затем, в разных частях нашего законодательства есть ряд постановлений, охраняющих детей и подростков. Так, Кодекс законов о труде запрещает применение труда лиц моложе 18 лет в особо тяжелых и вредных для здоровья производствах, в подземных и в ночных работах, а лиц моложе 16 лет вообще запрещает принимать на работу без специального разрешения инспектора труда. Для подростков моложе 16 лет, уже работавших в предприятии, или вновь поступающих с особого разрешения инспектора труда,

¹⁾ Общие постановления об оставлении в опасности содержатся в нашем Уголовном Кодексе в ст. ст. 163 — 165.

устанавливается 4-х часовой рабочий день. При этом разрешения на принятие на работу подростков могут быть выдаваемы инспектором труда лишь в исключительных случаях и только в отношении подростков не моложе 14 лет ¹⁾. Нарушение правил Кодекса законов о труде карается по ст. ст. 132 и 156 Уголовного Кодекса.

В других частях нашего законодательства есть еще ряд постановлений, охраняющих детей и подростков и устанавливающих известные обязанности родителей и опекунов. Так, в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, между прочим, говорится, что родители, по соглашению между собой, определяют принадлежность подростка до 14 лет к той или иной религии (ст. 148); что родительские права предоставляются родителям в отношении детей мужского пола до 18 лет, а детей женского пола—до 16 лет (ст. 149); что родители обязаны доставлять несовершеннолетним, нетрудоспособным и нуждающимся детям пропитание и содержание, если эти дети не находятся на общественном или государственном иждивении (ст. 161); что родители обязаны держать детей при себе и в праве требовать возврата их от любого лица, удерживающего детей у себя не на основании постановления закона или суда (ст. 156); что родители обязаны заботиться о личности несовершеннолетних детей, об их воспитании и подготовке их к полезной деятельности (ст. 154). Несовершеннолетний, не состоящий на попечении родителей, подлежит опеке (ст. 192). Опекуны так же, как и родители, обязаны заботиться о личности подопечного, о его воспитании и подготовке к полезной деятельности (ст. 224). Как и родители, опекуны обязаны держать опекаемого при себе и в праве требовать возврата его от любого лица, удерживающего несовершеннолетнего у себя не на основании постановления закона или суда (ст. 225).

За неисполнение их обязанностей родители могут быть лишены родительских прав местным судом, при чем дела о лишении родительских прав могут быть возбуждаемы как представителями государственной власти, так и частными

¹⁾ Ст. 129, 135—136 Кодекса законов о труде.

лицами (ст. 153 Код. зак. об актах гражданского состояния). Но одного лишения родительских прав для обеспечения достаточно энергичных забот о детях еще мало. Необходимо установить более серьезную ответственность. Вообще, более полная обрисовка разных форм недопустимого отношения к подростку со стороны лиц, обязанных иметь о нем попечение, и установление серьезной ответственности за такие отношения составляют одну из очередных задач нашего законодательства. Необходимо пополнить, объединить и систематизировать наши законоположения, охраняющие детей и подростков.

СПбГУ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕРЫ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И ПРЕСТУПНОСТЬЮ

I

Меры борьбы с детской беспризорностью и преступностью очень разнообразны, при чем одни из них имеют в виду предупреждать положение беспризорности, не допускать, чтобы ребенок или подросток становился беспризорным, а другие направлены к устранению этого положения подростка и к предупреждению его губительных последствий. Часто одни и те же меры применяются и для первой, и для второй цели (например, попечительный надзор, опека). Поэтому правильнее говорить не о профилактических мерах и мерах, устраняющих беспризорность, а о двух целях: о целях профилактики и устранения положения беспризорности. И это тем более, что борьба с детской беспризорностью вообще является сетью профилактических мер по отношению к таким социально-патологическим явлениям, как преступность. Поэтому, рассматривая ниже отдельные воспитательные меры, я буду отмечать их пригодность для той и другой из указанных целей. Конечно, как и везде, профилактике должно отдавать предпочтение в том смысле, что, поскольку можно предупредить беспризорность, прежде всего, надо стараться не дать ребенку попасть в это положение, но, как скоро он оказался в последнем, надо всеми силами постараться вывести его из этого положения. Поэтому нельзя ограничиваться созданием сети воспитательных мер для детей и подростков, уже

ставших беспризорными, а надо прежде всего позаботиться об организации профилактики беспризорности, так сказать, затыкающей те щели, из которых струятся потоки беспризорных.

Какие же меры воспитательного характера могут быть применяемы в борьбе с детской беспризорностью и преступностью?

Простейшая воспитательная мера—внушение, разъяснение подростку недопустимости его поступка, его опасности и вреда,—само собою разумеется, достаточна лишь в легчайших случаях, когда подросток не является беспризорным, а состоит на попечении каких-либо лиц и лишь на время ускользнул от их надзора и руководства. Такая мера может быть применима лишь к некоторым подросткам первой из намеченных в предшествующей главе трех групп, обыкновенно в связи с таким воздействием на лиц, воспитывающих подростка, которое побудило бы их к более внимательному отношению к подростку и к более зоркому за ним надзору. Беседы, внушения и разъяснения часто применяются нашими комиссиями по делам о несовершеннолетних. Так, московскими комиссиями в 1923 г. они были применены в первый раз в 1.426 случаях и повторно—в 256 случаях, а по РСФСР, исключая Москву, в первый раз в 5.655 случаях и повторно—в 613 ¹⁾.

Более сложные воспитательные меры, которые могут быть применяемы к беспризорным и преступным подросткам, сводятся к четырем группам:

1. Опекa и попечительский надзор.
2. Помещение на воспитание или для обучения в какую-либо семью или общественную организацию.
3. Помещение на воспитание или для обучения в какое-либо учреждение педагогического характера.
4. Помещение нервно- и душевно-больных подростков в соответствующие лечебные заведения.

1. Опекa и надзор. Несомненно, что, раз подросток не имеет семьи, которая имела бы о нем попечение, и оказывается беспомощным и одиноким, над ним должна быть

¹⁾ „Статистический Ежегодник“. — Состояние народного образования в РСФСР за 1923—24 г. Москва, 1925 г. Стр. 146, 158.

учреждена опека. По ст. 192 Кодекса законов об актах гражд. сост., «опеке подлежит всякое несовершеннолетнее лицо, не находящееся на попечении родителей». Предшествующая же статья 191 говорит, что „несовершеннолетними признаются лица мужского пола, не достигшие 18-летнего, и лица женского пола, не достигшие 16-летнего возраста“. Комиссиям по делам о несовершеннолетних, по отношению к преступным подросткам, редко приходится применять учреждение опеки; по данным за 1923 г. на 28.219 подростков эта мера была применена 241 комиссией о несовершеннолетних—менее, чем в 100 случаях ¹⁾).

Отдача под особый попечительный надзор часто может быть с большим успехом применяема в отношении первой из указанных выше групп ²⁾ и значительной части подростков второй основной группы. Но успех этой меры зависит, с одной стороны, от удачного выбора лица, которому вверяется попечительский надзор над подростком, а с другой стороны,—от осторожного применения ее лишь к тем подросткам, на которых можно рассчитывать, что они будут достаточно подчиняться своим руководителям. Несомненно, что обязанность такого подчинения должна быть подкреплена перспективой серьезных, в глазах подростка, последствий ее неисполнения.

Отдача под особый попечительный надзор может иметь место в различных формах. Так, подросток может быть отдан под надзор своих родителей или вообще лиц, его воспитывающих и обязанных по закону или договору иметь о нем попечение, при чем на этих лиц может быть возложена обязанность особого присмотра за ним, с известной ответственностью за нарушение этой обязанности. Подросток может быть, далее, отдан под присмотр постороннего ему частного лица, представляющего достаточную гарантию, что оно отнесется добросовестно и серьезно к принятой на себя обязанности особого попечительного надзора за подростком.

Подросток может быть отдан под особый попечительный надзор того учреждения, где он находится в обучении или на работе, или известной общественной организации.

¹⁾ Указанный „Статистический Ежегодник“ там же.

²⁾ Во второй главе.

Наконец, подросток может быть отдан под попечительный надзор особого лица, состоящего при учреждении, ведущем борьбу с детской преступностью и беспризорностью, — особого попечителя, должности которого может быть присвоено какое-либо особое название, например обследователя-воспитателя или обследователя-руководителя.

В отдельных случаях, конечно, возможно совмещение этих различных форм попечительного надзора, при чем обследователь-руководитель может стать очень желательным и ценным сотрудником родителей в их заботах о своем ребенке, подпавшем тому или иному дурному влиянию. Как указано выше, при характеристике американских детских судов, при которых работают такие обследователи, в действительности так часто и бывает.

Обследователь-руководитель ¹⁾ должен помочь порученному ему наблюдению подростку устроиться, должен стараться поместить его в условия жизни, обеспечивающие его развитие и предохраняющие от развращения, должен постоянно посещать подростка, давать ему советы, наблюдать за его поведением, входить во все вопросы его молодой жизни, собирать сведения о нем и его поведении от родителей и других лиц, входящих с этим подростком в более или менее частое соприкосновение, и т. д. Деятельность обследователя-руководителя очень разнообразна и требует специальной подготовки и опытности ²⁾. Относительно методов и правил его деятельности существует немало ценных указаний в сочинениях, посвященных характеристике работы детских судов.

Надо заметить, что попечительный надзор в некоторых случаях может быть применяем и к взрослым преступникам, как особая мера испытания их. Такое применение он получил уже в Америке, где эта мера широко применяется в связи с условным осуждением и условным освобождением

¹⁾ Название обследователь-руководитель представляет удобство в том отношении, что позволяет выделить данную группу обследователей из общей массы воспитателей, которые работают и обследуют в детских домах и приемниках.

²⁾ Очень желательно, чтобы на должность обследователей-руководителей поступали по возможности лишь лица, прослушавшие специальные курсы и отбывшие определенный стаж.

и пользуется достаточным успехом. Так, например, в штате Нью-Йорк число особых чиновников, бравших на себя труд наблюдения и руководства за порученными им лицами,—так называемых probation officers—в 1920—1921 г.г. было 398; из них 249 состояли на жалованьи; остальные работали бесплатно ¹⁾. На испытании у них было в период с 30 июня 1920 г. по 30 июня 1921 г. всего 37.692 человека.

И з н и х:	Мальчиков в возрасте до 16 л.	Девочек до 16 л.	Взрослых мужчин.	Взрослых женщин.
От прошлого года оставались 15.395 чел.....	3.324	1.009	9.905	1.157
Закончили испытание 19.705 чел.....	5.355	1.368	11.343	1.639
Оставались еще на испытании 17.987 чел.....	3.366	995	12.347	1.279

За 14 лет в Нью-Йорке испытанию подверглось 228.754 чел., из них—71.048 подростков и 157.706 взрослых; в 78,6% испытание оказалось удачным и было закончено с успехом; 11,1% испытуемых вновь были арестованы и подвергнуты заключению; в остальных случаях результаты испытания оказались невыясненными. Отдавались на испытание виновники разных нетяжких преступлений, например, мужья, не исполнявшие обязанности содержать семью (в 1921 г. 40%); виновники мелких краж (12%); за непристойное поведение (11,5%) и т. п. Срок испытания, обыкновенно, не менее года. Надо признать, что в некоторых случаях сравнительно нетяжкой, преимущественно экзогенной, преступности эта мера с успехом может быть применена, если есть достаточный кадр обследователей, способных брать под свой попечительный надзор лиц, поручаемых им судом ²⁾.

¹⁾ В западно-европейских государствах роль американских probation officers,—как называются эти обследователи-руководители в Америке,—выполняется представителями благотворительных обществ: во Франции—„Комитетом малолетних обвиняемых“, в Бельгии—делегатами „Общества попечения о детях“, в Швейцарии—представителями „Обществ патроната“ и т. д.

²⁾ См. „Fiftieth annual report of New-York state probation, commission for the Year 1921“; Alban 1922 г., стр. 15—16; стр. 9, 13, 11, 23. В 1921 г. случаев успешного испытания было 78,2%; испытание закончилось без заметного улучшения в 7,1%; вновь арестовано и подвергнуто заключению 9,3%—Ibid., стр. 25.

Наш Уголовный Кодекс в числе мер социальной защиты упоминает, между прочим, об отдаче несовершеннолетнего на поруки родителям, родственникам, либо другим лицам, при условии всестороннего ознакомления суда с условиями жизни и личностью поручителя (ст. 46, пункт „д“). Эта мера применяется судом взамен наказания. Несомненно, что поручительство, о котором говорится в данном случае, сводится к ответственному надзору.

Нашими комиссиями по делам о несовершеннолетних отдача под надзор применяется нередко. Так, например, по делам, рассмотренным 241 комиссией в первом полугодии 1924 г., отдача под надзор обследователей-воспитателей была применена в губернских городах в 795 случаях, а в уездных—в 376 случаях, в общем 1.171 раз, что составляло 5,3% принятых комиссиями мер. Отдача под присмотр родителей и родственников составляла 16,5% принятых мер и была применена в 3.675 случаях ¹⁾.

Кодекс законов о несовершеннолетних должен содержать в себе достаточно полные руководящие положения относительно разных видов попечительного надзора над беспризорными и преступными подростками. Эти положения должны получить, затем, подробное развитие в особой инструкции обследователям-руководителям.

Интересно отметить, что один из новейших законов по охране детства—германский закон 9 июля 1922 г.—содержит в себе целый отдел, посвященный попечительному надзору и попечительному воспитанию (отдел VI, § 56 и след.). В этом же отделе, между прочим, говорится: „Малолетнего следует подчинить попечительному надзору, когда это окажется полезным и достаточным для предупреждения его физической, психической или моральной беспризорности“ (§ 56). Назначение попечительного надзора зависит от опекунского суда (§ 57 закона). „Попечительный надзор состоит в наблюдении за малолетним и в охране его“. „Лицо, осуществляющее попечительный надзор (Helfer, попечитель), должно оказывать поддержку лицам, имеющим обязанность воспитания малолетнего, в их заботах о личности малолетнего и надзоре за ним“.

¹⁾ См. „Статистический Ежегодник“. 1925. „Состояние народного образования за 1923—24 г.“, стр. 117.

„Попечительный надзор включает в себя заботу об имуществе лишь постольку, поскольку имеется в виду заработная плата малолетнего“. „Попечитель может быть назначен для выполнения общих функций надзора, для отдельных видов функций или для отдельных поручений“. „В постановлении о назначении попечителя указывается об'ем возлагаемой на него деятельности“.

„Попечитель при осуществлении своих обязанностей имеет право доступа к малолетнему“. „Родители, законные представители и лица, принявшие малолетнего на содержание или воспитание, обязаны давать сведения попечителю“. „Попечитель обязан немедленно сообщать опекунскому суду о каждом случае, требующем вмешательства суда“ (§ 58). Попечительный надзор поручается опекунским судом „отделам детства“ ¹⁾ или организациям попечителей несовершеннолетних, или отдельным лицам, согласным взять на себя эту обязанность. „Отделы детства“ могут осуществлять попечительный надзор и без судебного о том постановления, поскольку получено на то согласие лица, имеющего право воспитывать малолетнего. Он (т.-е. отдел охраны детства) обязан, однако, в таком случае известить опекунский суд о принятии на себя надзора (§ 60) ²⁾.

2. Помещение в школу. Во многих случаях полезной мерой может быть помещение подростка в школу, причем эта мера может применяться и отдельно, и в связи с обрисованным выше попечительным надзором. Подросток может быть помещен или в обыкновенную школу с особым наблюдением за его занятиями, или в специальную школу для обленившихся или отсталых детей. В Англии, например, существуют особые „школы для лентяев“, куда поступают подростки, удаленные из обыкновенных школ, или уклонявшиеся от посещения последних ³⁾.

¹⁾ О них см. ниже в главе об организации борьбы с детской беспризорностью и преступностью.

²⁾ См. текст германского закона в книге проф. Люблинского и Копелянской—„Охрана детства и борьба с беспризорностью“, стр. 56.

³⁾ Первая школа для лентяев возникла в 1878 г. Закон 1876 г. возложил на школьные советы или попечительные комитеты обязанность детей, в возрасте свыше 5 лет и менее 14, уклоняющихся от посещения школы, направлять, через посредство суда, в индустриальные школы или в дневные индустриальные школы. Через 2 г. после закона 1876 г. некоторые школь-

Наши комиссии редко применяют отдачу подростка в школу. В 1923 г., например, по данным, обнимающим деятельность 273 комиссий, эта мера была применена всего в 271 случае, из них в 55 случаях повторно ¹⁾.

3. Помещение на воспитание в частные семьи. Современный рост детской беспризорности и преступности выдвигает на очередь еще одну старую меру, которая, при условии обставления ее известными гарантиями, может быть очень полезна, это—помещение подростка в обучение и на воспитание в частные семьи, или так называемый семейный патронат. Сущность этой меры заключается в том, что ребенок за известное вознаграждение принимается определенным лицом, с обязательством воспитывать и обучать его известному труду. Такое размещение беспризорных детей в частные семьи применяется в Англии, Дании, Саксонии, Вюртемберге, Венгрии и некоторых других местах. В Швейцарии еще в XVIII столетии разные благотворительные общества отдавали бездомных сирот в крестьянские семьи на воспитание. На практике, однако, часто оказывалось, что воспитатели более заботились о личных выгодах, чем об интересах своих питомцев, и всячески эксплуатировали последних. Недостатки этой системы обратили на себя внимание известного педагога XVIII века, „друга детей“, Иоганна Генриха Песталоцци, который настойчиво указывал на необходимость устройства для беспризорных детей особых заведений; преследуемый градом насмешек и злословия, он на свои скудные средства устроил для этих детей колонию в Нейгофе, вблизи Берна.

Система семейного патроната может быть применяема с достаточным успехом лишь при двух неперемennых условиях:

Во-первых, при хорошо поставленном, частом и бдительном контроле за семьями, в которые поступают на воспитание дети:

ные советы устроили на собственный счет особые индустриальные школы для ленивых школьников. Эти школы начали развиваться и получили название школ для лентяев. Средняя продолжительность пребывания в них равняется для поступающих в первый раз 16—17 неделям, для поступающих во второй раз—20—23 неделям и для поступающих в третий раз—25—29 неделям.

¹⁾ „Статистический Ежегодник“. — Состояние народного образования в РСФСР за 1923—24 г., стр. 146, 158.

Во-первых, при серьезной ответственности лиц, берущих детей на воспитание, за злоупотребления своей фактической властью над ребенком.

Нечего смущаться мыслью, что при таких условиях число лиц, желающих взять беспризорных детей, будет невелико. Эта мера может быть осуществляема лишь постепенно и лишь в таком числе случаев, при котором возможен тщательный контроль. Если эта мера обставлена должными гарантиями, то, конечно, меньшее число лиц предложит свои услуги брать детей на воспитание, но зато большей частью это будут люди, которые взвесили всю трудность задачи, принимаемой ими на себя, и намерены серьезно и добросовестно относиться к обязательству воспитывать чужого ребенка. Наоборот, если эта мера получит сразу широкое применение во многих тысячах случаев, то появятся и тысячи злоупотреблений ею; и когда начнут получаться со всех сторон известия об этих злоупотреблениях, легко может случиться, что составит и незаслуженно плохое мнение об этой мере, как о непригодной и вредной вообще, между тем как она может быть с пользой применяема, но лишь при правильной организации и, прежде всего, при соблюдении указанных выше условий.

Затем, следует подчеркнуть, что эта мера, как правило не должна применяться ни к третьей, ни ко второй группе подростков, изложенной выше (гл. II) классификации, а только к подросткам первой группы. К подросткам второй группы она может быть применяема лишь после предварительного пребывания их, в течение известного времени, в воспитательном заведении и только в виде редкого исключения сразу.

На соблюдение всех указанных условий при помещении беспризорных детей в частные семьи на воспитание сейчас особенно важно указать, так как применение этой меры у нас поставлено на очередь, и в законодательных учреждениях разрабатывается соответствующий проект¹⁾. В этом проекте, сколько я знаю, нет выработанной системы надзора за теми семьями, в которые будут помещены подростки, а только сказано, что контроль за правильным выполнением своих обязательств принявшими воспитанников

¹⁾ Постановлением Совета Нар. Комиссаров 2 сент. 1925 г. предусмотрена передача воспитанников детдомов в крестьянские семьи на воспитание.

крестьянами возлагается на Народный Комиссариат Просвещения (ст. 12). Этого мало. Необходимо в основных чертах обрисовать аппарат и порядок надзора, предоставив определить подробности особой инструкции, изданной Народным Комиссариатом Просвещения. Необходимо, далее, в законе очертить круг подростков, которые могут быть помещаемы в крестьянские семьи, в соответствии с изложенной выше (гл. II) классификацией. Необходимо не только не бояться возложить на крестьян, берущих беспризорных детей на воспитание, серьезные обязанности особым договором, но и установить для них достаточную ответственность за недопустимую эксплуатацию подростка, за грубое и жестокое с ним обращение, за разращение его и недостаточный надзор за ним, и за неисполнение обязанности воспитывать его, как одного из членов своей семьи. Нет никаких оснований ограничивать, как это делает проект (ст. 1) и круг подростков, которые могут быть помещаемы на воспитание в крестьянские семьи, воспитанниками детских домов. Эта мера имеет своей задачей вывести из положения беспризорности подростков, которых нет надобности или возможности поместить в детские дома.

Германский закон 9 июля 1922 г. идет несколько далее простого разрешения помещать беспризорных подростков в крестьянские семьи на воспитание. Он запрещает брать детей до 14 лет на воспитание без разрешения „отделов детства“. Всякий, принимающий к себе такого воспитанника, обязан предварительно получить на то разрешение. В случаях, не терпящих отлагательства, допускается получение разрешения немедленно после принятия. Всякий прибывающий в округ „отдела детства“ вместе с воспитанником, обязан немедленно предъявить разрешение на продолжение своего права на воспитание (§ 20). Изложенные постановления об испрошении особого разрешения „отдела детства“ не применяются в случаях, когда законные дети воспитываются у их родственников или свойственников до третьей степени, если только эти лица не занимаются воспитанием чужих детей за плату, в виде промысла; эти постановления не применяются и к случаям, когда дети принимаются на частичное содержание в целях посещения школы (§ 21). Несомненно, что в этих постановлениях

скрыта здоровая мысль о необходимости контроля и надзора за семьями, принимающими к себе на воспитание детей, с которыми они не находятся в родственных отношениях или связаны далеким родством. Такое наблюдение может иметь очень серьезное профилактическое значение.

4. Приюты и колонии. Для подростков второй и третьей из намеченных выше группы, а также и для многих подростков первой группы, главным воспитательным средством является помещение в воспитательное или исправительно-воспитательное заведение, — в приют или колонию. Название „детский дом“, присваиваемое у нас лишь городским заведениям интернатного типа для детей и подростков, на самом деле имеет более общий смысл — вообще заведения, в котором воспитываются дети и подростки. Оно может быть и приютом, и колонией.

Название в данном случае большого значения не имеет. Важно только, чтобы для разных категорий беспризорных и „преступных“ подростков устраивались разные приюты и колонии. При этом особое название некоторых из этих учреждений учреждениями для „морально дефективных“ следует решительно отвергнуть.

Понятие „моральной дефективности“ должно быть отброшено, как в корне несостоятельное.

В соответствии с изложенной классификацией (гл. II), при размещении подростков по заведениям, необходимо иметь в виду, что должны помещаться в особые специальные заведения:

а) подростки психически или нервно-больные — их место в соответствующих лечебных заведениях;

б) слепые и глухонемые;

в) настолько интеллектуально слабые, что совместное с другими обучение и воспитание их невозможно или крайне затруднительно;

г) подростки с наметившимися и развивающимися чертами профессиональных преступников, воров или мошенников, или с заметно укоренившейся склонностью к тяжкому насилию, превышающей свойственную детскому возрасту склонность к дракам. Для этих подростков, которых иногда называют мало определенными и непригодными терминами трудно-исправимых или трудно-воспитываемых, необходимы

или специальные исправительно-воспитательные приюты или колонии, или, по крайней мере, особые изолированные отделения детских домов, с особым режимом, предназначенным стереть их предрасположенность к профессиональной преступной деятельности;

д) беспризорные подростки с асоциальными склонностями, но без более или менее укоренившейся склонности к воровской, мошеннической или насильственной преступной деятельности, каковы, например, многие нищенствующие подростки, подростки-проститутки или подростки—торговцы-спекулянты,—должны помещаться отдельно, как от юных профессионалов, о которых упомянуто в предшествующем пункте, так и от беспризорных детей, не свывнувшихся еще со своим беспризорным положением и не усвоившим себе заметных асоциальных склонностей;

е) подростки этой последней группы, которая будет третьей по счету,—если оставить в стороне нервно и психически больных, интеллектуально очень слабых, слепых и глухонемых,—т.-е. подростки без асоциальных склонностей должны помещаться отдельно в детских учреждениях, если вообще помещение в эти учреждения будет признано для них необходимым.

Если пожелать, для краткости, присвоить особые названия учреждениям, предназначенным для разных категорий подростков, то можно различать:

а) учебно-воспитательные детские дома для беспризорных детей, или учебно-воспитательные приюты и колонии и

б) исправительно-воспитательные детские дома, приюты или колонии.

Последние предназначаются для подростков с асоциальными и преступными склонностями. Исправительно-воспитательные детские дома можно подразделить на обыкновенные или ординарные и на заведения для трудноисправимых. В эти последние должны помещаться подростки с наметившимися и развивающимися чертами профессиональных преступников, а также подростки, хотя и без признаков определенного профессионализма, но отмеченные глубокой испорченностью, требующей особо длительного воспитательного воздействия. Смещение юных про-

профессионалов с подростками иных категорий в одних и тех же детских домах безусловно опасно и недопустимо. Необходимо, чтобы воспитательный режим заведений для трудноисправимых был приспособлен к особенностям этих профессионалов, а персонал этих заведений обладал специальными знаниями из области криминальной психологии, чтобы мог вести наблюдение за ослаблением или ростом у подростка черт того или иного профессионального типа.

Детские дома могут носить характер ремесленных приютов или сельско-хозяйственных, ремесленно-земледельческих или фабричных колоний. Их внутренний строй должен складываться из нравственного воспитания, школьного обучения, профессионального образования и трудовой подготовки. Их цель — выпустить подростка достаточно подготовленным к трудовой жизни. Ту же цель преследуют, в частности, и исправительно-воспитательные дома, но у подростков, в них поступающих, есть особенности, требующие выделения их в отдельные заведения и специального режима.

В настоящее время устраиваются обыкновенно исправительно-воспитательные заведения двоякого рода: ремесленные приюты или земледельческие колонии. В странах приморских, как например, в Англии, иногда устраиваются еще школы-корабли, питомцы которых уже с детства приучаются к морской службе. Главным занятием питомцев приютов являются различные ремесла, в колониях же — огородные, садовые и сельско-хозяйственные работы, а также обыкновенно и те ремесла, которые стоят близко к сельскому хозяйству. Надо заметить, впрочем, что часто встречаются также заведения, которые одновременно являются и земледельческими колониями, и ремесленными приютами.

У нас, по данным Центрального Статистического Управления¹⁾, всех учреждений социально-правовой охраны НКП числилось в 1924 и 1925 г.г.:

¹⁾ В статистических сборниках ЦСУ под названием учреждений соц.-правовой охраны, фигурируют: а) детские дома для нормальных детей; б) детские колонии и городки для нормальных детей; в) детские дома и колонии для дефективных, 2) приемники, распределители, изоляторы. (См., напр., „Бюллетень“ ЦСУ № 107, стр. 52 и др). В сборнике „Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах“, год 2-ой, 1925, мы находим такие рубрики: детские дома и городки для нормальных детей: детские дома для дефек-

	На 1 января 1924 г.		На 1 января 1925 г.	
	Число де- тей и под- ростков в них.		Число де- тей и под- ростков в них.	
СССР				
Всех учреждений соц.-правовой охраны	5.411	380.842	4.071	333.380
Детских домов, колоний и город- ков	4.785	340.804	3.531	299.504
Детских домов и колоний для дефективных	334	17.721	296	17.014
Приемников, изоляторов и рас- пределителей	292	22.317	244	16.862
РСФСР				
Всех учреждений соц.-правовой охраны	4.184	279.248	3.226	250.496
Детских домов, колоний и город- ков	3.677	245.301	2.801	222.474
Детских домов и колоний для дефективных	244	14.042	203	12.703
Приемников, изоляторов и рас- пределителей	263	19.905	222	15.319 ¹⁾

тивных детей; вспомогательные школы для дефективных детей; приемни-
ки, изоляторы и распределители (см. стр. 61—63). Смысл всех этих терми-
нов неясен. В отчетах Народного Комиссариата Просвещения и в издавае-
мом им „Статистическом Ежегоднике“ (за 1923—1924 г.; 1925 г.), в отделе
социально-правовой охраны несовершеннолетних, говорится: а) о первич-
ных учреждениях,—приемниках и распределителях; б) о детских домах для
подростков; в) о вспомогательных школах и детдомах для умственно-отста-
лых; г) детских домах для слепых; д) детских домах для глухонемых и
е) сельских и трудовых колониях для несовершеннолетних.

Под детскими домами для нормальных детей, упоминаемыми в сборни-
ках ЦСУ, надо, повидному, разуметь учреждения, в отчетах НКП на-
зываемые детскими домами для подростков.

В сборниках ЦСУ фигурируют отдельно школы-колонии, школы для
дефективных детей; для умственно-отсталых, морально-дефективных. (См.
„Бюллетень“, № 107, стр. 50). НКП эту терминологию оставил. При условии
такой пестроты и неопределенности терминологии пользование цифрами
этих сборников весьма затруднено.

¹⁾ „Бюллетень ЦСУ, № 107. („Народное образование по данным теку-
щей статистики на 1 января 1925 г.“), стр. 26. Под „дефективными“ деть-
ми, повидному, понимаются умственно-отсталые, слепые и глухонемые, а
также „трудноисправимые“, или, по неуклюжей современной терминологии,
„трудновоспитуемые“.

В Народном Комиссариате Просвещения состоят:

- 1) детские дома для подростков (бывш. для морально-дефективных);
- 2) вспомогательные школы и детские дома для умственно отсталых;
- 3) детские дома для слепых;
- 4) детские дома для глухонемых;
- 5) сельские и трудовые колонии для несовершеннолетних ¹⁾.

Сеть детских домов, начиная с 1917 г., подвергалась большим колебаниям: сначала она быстро росла, как видно по числу призревавшихся детей:

1917 г.	29.666	детей
1918 г.	75.000	„
1919 г.	125.000	„
1920 г.	400.000	„
1921 г.	540.000	„ ²⁾

Начиная с 1923 г., когда содержание детучреждений было передано на местный бюджет, сеть детских учреждений типа детских домов непрерывно продолжает сокращаться.

Так: в 1922 г. было 6.063 д/дом. и в них 540.000 детей				
на I/X 1923 г. „	3.971	„	„	252.317 „
„ I/VI 1924 г. „	3.377	„	„	239.776 „
„ I/I 1925 г. „	2.836	дет. учр.	„	228.127 „

По сравнению с 1922 г. сеть сократилась на 3.227 детских учреждений и число детей—на 311.873 чел.; по сравнению с 1923 г.—на 1.135 учреждений и 24.190 детей и по сравнению с 1924 г., за полгода, —на 541 учреждение и 11.649 детей.

Сокращение сети происходит путем разгрузки детских домов от детей, имеющих родственников, путем раздачи детей крестьянам и рабочим на условиях патроната и путем слияния детских домов с небольшим составом детей в более крупные.

¹⁾ См. „Статистический Ежегодник“, стр. 123.

²⁾ „Материалы ко II Всероссийскому Съезду социально-правовой охраны детей и подростков и детских домов 26 ноября 1924 г.“, стр. 19.

Сокращение вызывается слабостью местного бюджета который не выдерживает содержания развернутой сети детских домов, поглощающей от 40 до 50% всех отпускаемых Губоно по смете на народное образование средств.

Но, облегчая финансовое положение Губоно, производимое сокращение в то же время чрезвычайно болезненно отзывается на сокращаемых детях и на всем деле борьбы с детской беспризорностью, так как дети возвращаются в большинстве случаев или к малолетним родственникам, или попадают в плохие условия патроната (Самарская, Ульяновская, Пензенская и др. губ.) и фактически через некоторое время вновь впадают в беспризорность и совершают правонарушения ¹⁾).

Состояние наших детских домов, судя по отчетам НКП и данным НКРКИ,—очень печальное: школьные занятия,—там, где они есть,—поставлены плохо, трудовая подготовка—также. По последним данным, подростки в возрасте 14—16 лет, требующие трудовой подготовки, составляют 22,4% населения детских домов, т.-е. около 56.000; из них около 10.000 занято в 766 мастерских, 22.000—в сельско-хозяйственных коммунах; около 23½ тысяч подростков остается без трудовой подготовки. Из имеющихся мастерских не менее 1/3 имеют элементарное оборудование, недостаточное для постановки трудового воспитания и годное только для самообслуживания и некоторых трудовых процессов. Остальные 500 мастерских требуют капитального дооборудования, чтобы приобрести серьезное значение для воспитания. Вот, что мы читаем о детских домах в отчете НКП: „Несмотря на огромные по цифрам затраты мест на детские дома, материальное положение последних, за немногим исключением, продолжает оставаться до крайности тяжелым“. „Отпускаемых по сметам средств недостаточно для создания нормальных условий существования детского дома ²⁾“. Далее сообщается, что „как в Московской, так и в остальных губерниях в большинстве детских домов имеет место недоедание, ухудшаемое однообразием пищи, недостаток обмундирова-

¹⁾ См. доклад НКП, представленный в комиссию СНК по вопросу о детской беспризорности, стр. 10. Также „Детская беспризорность и детский дом“, стр. 184 сл.

²⁾ „Народное Просвещение в РСФСР к 1924—25 учебному году“ (отчет Наркомпроса РСФСР за 1923—24 г.), 1925, стр. 84.

ния (нередко 1 пара обуви на 20 человек, 1 пальто на 10 человек), необорудованность помещения (по 2—3 человека спят на одной кровати), скученность, антисанитарные условия и, как результат всего этого, массовые детские заболевания кожными болезнями, легочным и костным туберкулезом, трахомой и т. д. ¹⁾). Отчет Наркомпроса констатирует „тяжелый кризис детских домов и не только в материальном отношении (здесь места отмечали даже улучшения по сравнению с 1921 и 1922 г.г.), но и в области содержания и методов педагогической работы и организации детской жизни ²⁾.“ Как на главные недостатки в области хозяйственной, указывается на отсутствие твердого бюджета, нерациональное использование получаемых средств, неумелое хозяйничанье, нередкие хищения, недостаток инструктирования и контроля со стороны органов народного образования, неудовлетворительный порядок снабжения детских домов, который остается натуральным (продукты, предметы оборудования, хозяйства и проч. получаются из отделов народного образования), а не денежным. „Это обстоятельство лишает детские дома самостоятельной хозяйственной базы и подвергает их всяким случайностям несвоевременного и неравномерного распределения основных предметов снабжения“ ³⁾. В сфере воспитательной работы детских домов, отчет отмечает отсутствие у детского дома ясного представления о его целях и сознательного направления деятельности к достижению этих целей, хаотичность и неплановость его работы, несоответствие содержания его педагогической работы запросам и потребностям беспризорных ребят—основного кадра детских домов ⁴⁾

„На 1 июня 1924 г. в детских домах РСФСР имелось 1150 мастерских, в которых было занято трудом около 25.000 воспитанников, и 265 земельных участков с 14.718 десятинами земли, дававшими возможность вовлечь в сельскохозяйственный труд около 15.000 подростков...—Но большинство мастерских продолжало носить мелко-кустарнический характер, были плохо оборудованы, производимой

¹⁾ Там же, стр. 85.

²⁾ Там же, стр. 87.

³⁾ Там же, стр. 85

⁴⁾ Там же, стр. 87

продукцией удовлетворялись только потребности самого детского дома или, в лучшем случае, потребности ОНО... — Земельные участки детских домов эксплуатировались всего лишь в 35—40% из-за недостатка семян, живого и мертвого инвентаря, агрономически подготовленного персонала, оборотных средств и т. д.“¹⁾ Школьное дело в детских домах также оставляет желать много лучшего: „большинство детей не проходило нормальной школьной программы... Особенно плохо обстояло дело с переростками и подростками, отставшими от нормальной школы... Часть из них выходила из детского дома, не получив минимальной общеобразовательной подготовки“²⁾. Что касается приобщения к политической жизни, то к концу 1923—24 г. в детских домах насчитывалось до 70% детей—пионеров и до 60% подростков-комсомольцев (около 20.000)³⁾.

Что касается детских домов для слепых, глухонемых и умственно-отсталых, то на 1 июня 1924 г. в РСФСР в 23 детских домах содержалось 846 слепых детей, в 33 детдомах—1.649 глухонемых и 55 детдомах—3.314 умственно-отсталых.

„Эта сеть, конечно, не охватывала всех детей, нуждающихся в воспитании в этих специальных учреждениях, а слабость местных бюджетов не только не позволяла расширить ее, но вызвала даже небольшое сокращение по сравнению с 1923 г.“ „Материальное положение этих учреждений, в большинстве было таким же тяжелым, как и массового детского дома“⁴⁾.

1) Там же, стр. 86.

2) Там же стр. 86.

3) Там же, стр. 85

4) Там же, стр. 88. Существующая сеть этих учреждений не удовлетворяет и 10% наличной потребности в них. (См. Резолюции по докладам II всероссийского съезда соц-прав. охраненесовершеннолетних, М. 1925, стр. 28). В книге Л. С. Выгодского, „Вопросы воспитания“, 1924, приведены иные цифры, чем указанные выше взятые из отчета НКП. Так, там указывается, что заведений для глухонемых в РСФСР—44, и в них обучается около 2.500 детей, общее же число глухонемых детей—38.235 чел. (стр. 53—54). Число детдомов для умственно-отсталых указано 65 с количеством детей 3442 чел. (стр. 68). В приложенной к книге таблице указаны цифры на 1924 г., отличающиеся от приведенных выше.

Затем, следует отметить, что из указанного общего числа детских домов большинство предназначено для беспризорных подростков без преступных склонностей. Для подростков, совершивших преступные деяния и называвшихся до последнего времени „морально-дефективными“, в РСФСР к 1 июля 1924 г. было 88 детских домов, подростков же в 83 из этих домов, прилавших сведения, было 3.351; в среднем на одно учреждение — 40 подростков ¹⁾.

В дополнение сказанного выше о детских домах для беспризорных надо еще заметить, что несколько учреждений для беспризорных находится в ведомстве Народного Комиссариата Здравоохранения. К сожалению, отчеты этого Комиссариата отличаются такой суммарностью, что по ним трудно составить сколько-нибудь ясное представление о работе упоминаемых в нем отдельных учреждений. „Учреждения для беспризорных детей,—читаем в отчете XII Всероссийскому Съезду Советов,—обслуживают детей асоциальных и нервно-психических, где психиатрическое вмешательство и трудовой режим крайне важны“ ²⁾. „Сеть учреждений для детей с нервно-психическими аномалиями служит Наркомздраву для вылавливания наиболее опасного элемента из числа детей-правонарушителей“.

„Оздоровляя его и тем оздоравливая окружающую среду, Наркомздрав осуществляет работу громадной важности и общегосударственного значения в смысле предупреждения преступности в стране и развития душевных болезней“ ³⁾. Сколько же учреждений для данной цели имеется в ведомстве данного комиссариата? — По 36 губерниям РСФСР, 4 округам Сев. Кавказа, 7 автономным областям и 8 автономным республикам, т.-е. по 55 административным делениям, было учреждений для психически-анормальных детей (лечебно-воспитательных колоний)—19. Затем имеется учреждений для калек и др. типа учреждений для детей—10, лесных школ-санаторий—57 и домов физкультуры—4 ⁴⁾.

¹⁾ „Статистический Ежегодник“—Состояние Народного образования в РСФСР за 1923—24 г., стр. 123—124.

²⁾ Москва, 1925 г., стр. 37.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 35.

По последним данным имеется: лесных школ и санаторных колоний — 51; психоневрологических школ-лечебниц—8; психиатрических школ-лечебниц—11 и домов-изоляторов—47 для трахоматозных детей. Эти последние способны обслуживать до 18.612 детей в год, а остальные упомянутые выше учреждения НКЗ—около 11.000 детей в год. Народный Комиссариат Здравоохранения признает существующую сеть детучреждений очень недостаточной и стремится к значительному ее расширению.

Цельзя, действительно, не видеть, что число учреждений Наркомздрава слишком невелико, чтобы можно было говорить об их громадном общегосударственном значении. Отсюда понятно и то явление, которое отмечено в отчете Народного Комиссариата Просвещения: „При отсутствии достаточного количества лечебных заведений Наркомздрава, детские дома переполняются больными детьми: эпилептиками, тяжелыми психопатами, идиотами, даже сифилитиками (в Пензенской губ.)“¹⁾.

Перечисленные выше категории детских домов надо дополнить еще одной, состоящей в ведении Главного Управления местами заключения, это—„трудовыми домами для несовершеннолетних“. Таких домов в настоящее время шесть с 858 местами в них²⁾. В эти дома поступают подростки от 16 до 18 лет, и те подростки от 14 до 16 лет, относительно которых комиссия по делам о несовершеннолетних признает невозможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия.

Рассмотрение сети существующих у нас детских домов приводит к заключению об отсутствии в ней единого, положенного в основу принципа и плана, и позволяет сделать следующие выводы, которые должны бы найти соответствующие отражения и в Кодексе законов о несовершеннолетних:

1. Для беспризорных детей и подростков без асоциаль-

1) „Народное просвещение в РСФСР в 1924—25 учебному году“, стр. 85.

2) Трудовые дома существуют—по данным первой половины 1925 г.— в Москве, Нижнем-Новгороде, Детском Селе, Саратове, Томске, на Урале— в Верхотурье. В Московском—200 штатных мест, в трудовом Детского Села—158 мест, в Уральском—300, в Саратовском—100, в Нижегородском—60, в Томском—40.

ных склонностей, составляющих первую группу нашей классификации, с одной стороны, и для подростков с асоциальными склонностями и с наметившимися признаками профессиональных преступников — с другой (вторая и третья группы нашей классификации), необходимы особые сети детских учреждений, различных по своему внутреннему строю, по своему режиму.

2. Для последних двух групп необходимы учреждения принудительного общественного воспитания — „исправительно-воспитательные“, — в которых безусловно неприменим так называемый „метод открытых дверей“. Применение в учреждениях, предназначенных для этих подростков, данного метода было бы неосторожным и вредным, с государственной точки зрения, сентиментализмом. Оно привело бы только к свободному упражнению и развитию асоциальных склонностей этих подростков. Одним из ярких примеров того, к чему может приводить подобный метод, служит случай, недавно сообщенный в газетах („Известия“, 1925, № 260) под заглавием: „В плену у беспризорных“. 12-летний мальчик, Николай Дебре, сын рабочего, 5 ноября утром ушел из д. 10, по Аптекарскому пер., в школу и пропал без вести. О пропаже его было сделано заявление в МУР. Через четыре дня, 9 ноября, вечером, мальчик вернулся домой, сильно перепуганный и истощенный, в одном белье. По его словам, все эти дни он был в плену у беспризорных. 5 ноября по дороге в школу на него напали беспризорные и, закрыв, чтобы он не кричал, голову его пальто отвели в отдаленный от жилья курятник во влад. № 23, по Демидовскому пер., раздели его до белья и, забрав вещи, скрылись. Уходя, они пригрозили: „Будешь кричать, — будешь зарезан“. Все дни ему приносили еду — кусок хлеба и селедку. Он очень страдал от холода, и 9 ноября, когда к нему пришел один из мальчишек для передачи хлеба, он быстро бросился к двери и побежал. Беспризорные за ним гнались, но затем, видя, что крики его привлекают внимание прохожих, скрылись. МУР'ом по этому делу задержаны воспитанники расположенного в этом районе интерната — И. Визгунов, 16 лет, и Хаджи Тестомеров, 18 лет.

3. В учреждениях для первой из намеченных выше трех

группы беспризорных, школьные занятия и обучение труду могут производиться, в целях экономии расходов, в общегражданских школах и в районных мастерских, если внешние условия, напр., отдаленность детского дома от школ, не ставят тому больших препятствий. В учреждениях, предназначенных для двух других групп беспризорных, школьные занятия и обучение труду непременно должны быть организованы в самих этих учреждениях, как ввиду невозможности отправлять таких подростков массами в школы и в районные мастерские, так и ввиду необходимости придать школьным занятиям и работам этих подростков особый характер, при котором воспитательное влияние было бы прежде всего и с особенной интенсивностью направлено на сложившиеся у них асоциальные склонности.

4. Необходимо выработать определенную терминологию, присвоить учреждениям, предназначенным для разных категорий беспризорных подростков, определенные названия и установить единообразное употребление последних. При отсутствии такой терминологии неизбежна путаница в статистических данных, относящихся к разным видам этих учреждений, и невозможен точный учет различных сторон их жизни и деятельности. Надо освободиться от предрассудка, будто такие выражения, как „принудительное общественное воспитание“ или „исправительно-воспитательные заведения“, таят в себе какую-то суровость. Это—совершенный вздор; никакого дурного смысла с этими выражениями не соединяется; бояться их не следует; надо понять, что всякое учреждение, в котором ребенок или подросток содержится независимо от своей воли, или от воли лиц, имеющих о нем попечение, есть учреждение принудительного общественного воспитания, чем вовсе не умаляются его воспитательный характер и значение. „Открытые двери“ вовсе не придают учреждению какое-либо особенное воспитательное значение, а ведут только к распушенности во всех отношениях, если применяются в учреждении, где содержатся дети с асоциальными склонностями.

5. Далее, необходимо совершенно отказаться от взгляда, будто существуют подростки, в отношении которых невозможно ограничиться медико-педагогическим воздействием. Это воздействие применимо ко всем, только формы его мо-

гут быть различны. К подросткам, трудным в воспитательном отношении, также должны быть применяемы только такие меры, как отмечено выше, но для них—т.-е. для трудноисправимых—желательно создание особых заведений с особой широко поставленной воспитательной системой. Все учреждения для подростков с асоциальными склонностями и для юных профессионалов должны образовывать одну особую сеть.

6. Помещение в учреждение общественного воспитания, в тот или иной „детский дом“, составляет крайнюю меру в борьбе с детской беспризорностью и преступностью. В случаях, когда можно ограничиться попечительным надзором или помещением подростка на обучение или воспитание в вполне благонадежную частную семью, следует применять эти последние меры.

7. Во всяком случае надо признать, что всякий ребенок имеет право на воспитание, и что этому праву соответствует обязанность общества и государства дать ему это воспитание при помощи таких мер, которые всего более соответствуют индивидуальным свойствам этого ребенка и его семейному положению. Эта мысль, между прочим, отчетливо выражена в § 1 германского закона от 9 июля 1922 г. Там говорится: „Каждый немецкий ребенок имеет право на воспитание, в целях достижения физической, духовной и общественной пригодности“. А в последнем абзаце этого параграфа читаем: „Поскольку притязание ребенка на воспитание не удовлетворено его семьей, открывается место для публичного попечения о малолетнем, при чем сотрудничество со стороны частной благотворительности этим не устраняется“.

II

Большое профилактическое значение в борьбе с детской беспризорностью и преступностью имеют:

1. Правильная постановка института лишения родительской власти за жестокое обращение с детьми, за развращение их посылкой нищенствовать, втягиванием в половую жизнь, в проституцию и половые извращения, за приучение их к праздности, к шатанию по притонам или к преступлению.

2. Наблюдение за лицами, семьями и предприятиями, которые берут к себе детей на воспитание или в обучение, в частности, надзор за ремесленниками, которые берут детей в качестве учеников.

3. Достаточно широкое развитие сети учебных и ремесленно-учебных заведений.

4. Отправка на родину детей, очутившихся в городе в затруднительном положении, и устройство для таких детей ночлежек и убежищ, где бы они могли получить временный приют, вверь до отправки их на родину.

5. Серьезная ответственность родителей, опекунов и вообще лиц и учреждений, на попечении которых находится ребенок, за недостаточный надзор за ним или за оставление его в беспомощном и опасном положении.

6. Наблюдение за разными притонами, где гнездятся порок и преступление, в частности, за притонами разврата, за местами, где проносятся азартные игры, пьянство, отравление кокаином или опиумом и т. п., и извлечение оттуда детей, чрез посредство органов милиции, уголовного розыска и специальных агентов, берущих на себя обязанность розыска подростков, находящихся в одном из социально-опасных положений (детской инспекции).

7. Наблюдение за местами публичных зрелищ и развлечений, в частности, за кинематографами и „вечеринками“ („танцуйками“), и за недопуском туда подростков моложе известного возраста, по крайней мере, в дни известных представлений, могущих оказывать вредное влияние на детей.

8. Наблюдение за трактирами и пивными и за недопуском туда подростков моложе известного возраста.

9. Борьба с алкоголизмом и, в частности, со школьным алкоголизмом, который по временам получает очень широкое развитие ¹⁾.

1) Недавно одна из работниц на педагогическом поприще сообщила следующие результаты произведенного ею исследования распространенности алкоголизма среди школьников. Оказалось, что 90% приходивших в школу учеников пили, и из них 50% начали пить самогон лет с 6—8, а 50%—и того раньше, лет с 4—5, при чем в значительном числе случаев родители потчивали своих детей этим напитком, веря, что он полезен для здоровья. Того же взгляда держались и многие из школьников. См. ст. К а т а н с к о й—„На пути к новой школе“. 1925 г., № 2 (март). Собранные ею данные относятся к школьному периоду 1923—24 г.

10. За последнее время выдвигается еще одна мера, могущая иметь серьезное значение в борьбе с детской преступностью и беспризорностью,—это консультация по выбору профессии для подростков. Такая консультация функционирует в Берлине с 1920 г. В ней имеется список всех берлинских школ, с указанием числа оканчивающих подростков. Незадолго до выпуска учеников представители консультации прочитывают несколько лекций в школах на тему о значении правильного выбора профессии, а после лекций раздают желающим школьникам соответствующие анкетные бланки. Для обслуживания школ Берлин разбит на районы, и каждый район поручается особому консультанту. Кроме того, школьными советами выбираются по одному учителю для связи с консультацией. Консультация по выбору профессии до известной степени выполняет также роль посредника по приисканию ремесленных ученических мест и работает в тесном контакте с биржей труда. Прежде, чем подростку дается совет по выбору профессии, о нем собирается ряд сведений от него самого и от школы, в которой он обучался; кроме того, подросток осматривается врачом и подвергается психологическому исследованию ¹⁾.

11. Наблюдение за уличной торговлей подростков. Исследуя подростков какого-либо исправительно-воспитательного заведения, всегда находишь, что громадное большинство их, перед своим преступлением, более или менее долго торговали на улице газетами, путеводителями, папиросами, конфетами, фруктами, и т. д. Иногда эта торговля поддерживает семью и проходит без особого вреда для подростка, но часто она является своего рода стажем для преступной карьеры, нередко перемежается в поведении подростка с мелкими кражами и мошенничеством, знакомит его с очень опасными для него взрослыми, или с такими же, как он, но более непорченными подростками, учит его бойкости и развязности, приучает к трактирам, лакомствам и т. д. Из 117 обследованных мною подростков московского трудового дома — более $\frac{3}{4}$ торговали и не были новичками на преступном пути. Только 20 из них ранее не подвергались

¹⁾ Подробно о берлинской консультации по выбору профессии см. в ст. С. Е. Копелянской, в книге Люблинского и Копелянской — „Охрана детства и борьба с беспризорностью“, стр. 137 и сл.

приводу в комиссию по делам о несовершеннолетних или в суд и не торговали.

Остальные раньше и воровали, и „спекулировали“:

Менее 6 мес.	От 6 мес. до 1 г.	От 1 года до 1½	От 1½ до 2 лет.	От 2 до 3 лет.	От 3 до 4 лет.	От 4 и более.
20	12	17	9	17	12	10

Конечно, в „трудовом доме“ большинство его питомцев представляет, так сказать, отборный элемент, т.-е. сравнительно более испорченных подростков, но факт более или менее долговременного занятия торговлей подростков, попадающих на преступный путь, несомненен, и у питомцев трудовых домов выступает только с особенной резкостью. Не всегда, но часто уличная торговля является показателем беспризорности подростка. Во всяком случае органы, ведущие борьбу с детской беспризорностью, должны внимательно наблюдать за подростками, занимающимися такой торговлей.

12. П а т р о н а т. Очень важной профилактической мерой является патронат над выходящими из детских домов и колоний подростками. Если последние будут предоставлены исключительно своим силам, они часто не смогут справиться с трудностями своего положения и попадут на преступный путь. Задача патроната — поддержать их советом, руководством, помочь им устроиться на место, получить необходимую одежду, кров и пищу, отправиться в другое место, где они могут найти лучшее применение своему труду, помочь им приобрести большие профессиональные навыки и технические сведения, направить их в сельские хозяйства в качестве рабочих и т. д. Между прочим, общества патроната могли бы помочь части выпущенных из воспитательных заведений подростков спланировать в небольшие производственные артели или вступать в такие артели в качестве членов ¹⁾.

¹⁾ Мысль о возможности и целесообразности устройства таких небольших артелей была высказана мною еще в докладе V съезду представителей русских исправительных заведений в 1900 г.: „Об учреждениях для несовершеннолетних, вышедших из исправительных колоний и приютов“. См. „Труды V съезда представителей русских исправительных заведений“.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И ПРЕСТУП- НОСТЬЮ

I

Успешная борьба с детской беспризорностью и преступностью требует возможно широкого привлечения к участию в ней общественных организаций. При этом очень желательно не только участие в ней таких общественных организаций, которые ставят борьбу с детской беспризорностью лишь как одну из своих задач, но и создание таких обществ, которые специально этой борьбе посвящали бы свои силы и видели в ней главную цель своей деятельности. Основываясь на этом положении, нельзя не пожелать широкого развития и дальнейшего углубления деятельности существующих у нас в большом числе обществ „друзей детей“.

В последнее время, в 19 губерниях, числилось 3370 ячеек „друзей детей“ с 476.359 членами. Но, кроме этих 19 губерний, эти общества существуют и в разных других губерниях. Общее число членов этих обществ в республике можно смело считать равным миллиону. Деятельность обществ „друзей детей“ теснейшим образом связана с „Комиссией по улучшению жизни детей“, существующей при ВЦИК, и с ее местными органами. История и современное состояние этой комиссии,—сокращенно обыкновенно называемой „деткомиссией“,—таковы.

4 февраля 1919 г. был учрежден „совет защиты детей“, из представителей Народных Комиссариатов Социального

Обеспечения, Здравоохранения, Продовольствия и Труда, под председательством Народного Комиссара по просвещению. Назначение этого совета было согласовать и объединять деятельность входивших в него Комиссариатов по эвакуации детей в хлеботородные губернии, а равно их планы общественного детского питания. Общая цель этого совета сводилась к снабжению детей пищей, одеждой, помещением, топливом и медицинской помощью. Фактически его заботы свелись к питанию детей и эвакуации их из голодающих местностей.

Последний пункт декрета об учреждении „совета защиты детей“ предоставлял этому совету право издавать обязательные постановления, касающиеся охраны здоровья детей, успешной организации их питания и снабжения, причем вменял в обязанность следить за неуклонным исполнением этих постановлений ¹⁾. Но этот совет своих прав не использовал и вскоре из междуведомственного органа превратился в простой придаток Наркомпроса, лишенный практического значения. В 1921 г. он был упразднен.

10 декабря 1921 г. при ВЦИК была организована особая комиссия по улучшению жизни детей, в составе: назначенного ВЦИК председателя и шести членов, по одному от Народных Комиссариатов: Продовольствия, Народного Просвещения, Рабоче-Крестьянской Инспекции, Здравоохранения, Всероссийской Чрезвычайной комиссии и Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов ²⁾. Эти члены комиссии персонально утверждаются Президиумом ВЦИК. Комиссии поставлены следующие задачи: а) помощь в отношении продовольствия, жилищ, топлива и т. д. учреждениям, которым вверяется забота о детях, и в первую очередь оказание помощи учреждениям, ведающим охрану жизни и здоровья беспризорных детей; б) наблюдение за выполнением постановлений центральных и местных органов, изданных в ограждение детей и в целях обеспечения их всем необходимым, а также законодательная инициатива по этим вопросам; в) издание на основе действующей

¹⁾ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства 1919, № 3, стр. 32.

²⁾ „Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства“ 1921, № 11 ст. 75.

щих законов и постановлений центральной власти и в пределах прав комиссии распоряжений, касающихся охраны жизни и здоровья детей. „Все свои мероприятия комиссия проводит через соответствующие органы центральных ведомств, а на местах через губернские и уездные исполнительные комитеты, которые назначают по одному уполномоченному на губернию и уезд, для непосредственной работы под руководством комиссии. Уполномоченные ответственны как перед исполнительным комитетом, так и перед комиссией“¹⁾.

В 1925 г. было издано новое Положение о комиссии по улучшению жизни детей²⁾. В нем указывается (ст. 1), что эта комиссия имеет своей целью „оказание помощи детям, и в первую очередь бесприютным“. Для этой цели она:

а) привлекает к делу помощи детям советскую общественность, организует и руководит ее работой в этой области;

б) изыскивает средства помощи детям и организует поступление таковых средств, согласно ст. 17 настоящего Положения.

в) согласовывает работу различных ведомств и учреждений в деле помощи детям и оказывает им организационное и материальное содействие в этой работе;

г) дает ведомствам и учреждениям, коим она представляет средства для оказания помощи детям, указания о назначении и порядке использования названных средств и наблюдает за правильностью и целесообразностью их расходования (ст. 2).

Эта комиссия состоит из четырех лиц, назначаемых Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в том числе председателя комиссии по улучшению жизни детей и заместителя председателя, и по одному представителю от Народного Комиссариата Просвещения, Народного Комиссариата Здравоохранения, Народного Комиссариата Социального Обеспечения, Народного Комиссариата Внутренних Дел, Народного Комиссариата

¹⁾ П. 2 декрета о комиссии от 10 февраля 1921 г.

²⁾ „Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства“ 1925, № 8, ст. 57.

Финансов, Уполномоченного Объединенного Государственного Политического Управления при Совете Народных Комиссаров РСФСР, Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, Центрального Комитета Российской Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, Центрального Бюро Юных пионеров, Отдела по работе среди женщин Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков), Центрального Комитета Крестьянской Общественной Взаимопомощи, Российского Общества Красного Креста (ст 10).

Органами комиссии по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете являются:

а) в центре—пленум и президиум комиссии по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.

б) на местах—комиссии по улучшению жизни детей, состоящие при центральных исполнительных комитетах автономных республик, а также областных и губернских исполнительных комитетах (ст. 9).

В основу деятельности деткомиссии при ВЦИК положены две руководящие идеи: необходимость широкого привлечения общественности к участию в борьбе с детской беспризорностью и руководства общественной работой в этой области, и необходимость согласования и объединения работы различных ведомств и учреждений, ведущих эту борьбу. Очень желательно, чтобы при предстоящем преобразовании „деткомиссии“ осуществлению обеих этих задач не было причинено ущерба, и чтобы на ее месте возникли два самостоятельные органа, из которых один был бы призван осуществлять первую функцию и явился бы объединителем и руководителем общественной работы в данной области, а другой был бы „Советом по охране детства и по борьбе с детской беспризорностью и преступностью“, объединяющим и направляющим работу ведомств, ведущих эту борьбу. К вопросу об этом совете я вернусь еще несколько ниже, а сейчас остановлюсь на той тесной связи, которая уже установилась между деткомиссией и обществами „друзей детей“. В настоящее время общественные организации, называющиеся „другом“ или „друзьями детей“, существуют в

большинстве губерний в форме особых обществ или ячеек. Разница между той и другой формой заключается в том, что в первом случае, организуемые на фабриках, заводах и учреждениях, ячейки „друзей детей“ объединяются, затем, в свое губернское общество, как частно-правовую организацию, имеющую свой устав, свои исполнительные органы, и работающую лишь под руководством губернской детской комиссии, во втором же случае, — ячейки „друзей детей“ непосредственно связаны с ГУБДТК и, не имея особого устава и своих губернских исполнительных органов, работают непосредственно по заданиям и инструкциям Губдеткомиссии. Кроме этих форм организации „друзей детей“, намечается третья форма, — в виде расширенных комиссий, избираемых общими собраниями рабочих и служащих фабрик, заводов, учреждений и предприятий.

Общее руководство обществами и ячейками „друзья детей“ принадлежит местным „деткомиссиям“, при чем, если „друзья детей“ организованы только в ячейки, это руководство осуществляется путем непосредственной связи с последними, инструктирования их, учета их работы и наблюдения за ней; в тех же случаях, когда „друзья детей“ объединяются в общества, руководство осуществляется через правления последних.

Работа „друзей детей“ очень разнообразна. Они участвуют в обследовании различных районов, помогают учету беспризорных, помогают размещению подростков в производство и в семьи на воспитание, ищут средства и т. д.

Не подлежит сомнению, что, участвуя в борьбе с детской беспризорностью, общественные организации могут развивать свою деятельность, главным образом, по следующим направлениям: 1) соби́рание пожертвований на эту борьбу; 2) содействие учету беспризорных; 3) участие в работах детской социальной инспекции; 4) содействие размещению беспризорных на места, в частные семьи на воспитание и устройству их в трудовые артели и т. д.; 5) участие в пощечительном надзоре за беспризорными, в исполнении опекунских обязанностей, а также в наблюдении за правильным содержанием беспризорных в семьях, в которые они отданы на воспитание.

Очень желательно, чтобы к возможно широкому участию в борьбе с детской беспризорностью были привлечены и разные другие общественные организации, в частности, комитеты крестьянской взаимопомощи и профессиональные организации.

II

Чрезвычайный рост детской беспризорности и преступности требует наибольшей интенсификации борьбы с этим общественным бедствием, а это, прежде всего, предполагает не только широкое развитие деятельности учреждений, ведущих эту борьбу, но и большую согласованность, объединение и плановый характер деятельности этих учреждений. Между тем, первое, что невольно останавливает на себе внимание, при изучении современной постановки борьбы с детской беспризорностью, это—отсутствие, с одной стороны, органа, который руководил бы этой борьбой, а с другой,—общего плана борьбы с этим общественным бедствием. Участие в этой борьбе принимают несколько ведомств и учреждений: НКПрос, НКВД, Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК, НКЗ. Но все эти учреждения действуют каждое само по себе, и, притом, без перспективных планов и без сколько-нибудь точного учета беспризорных.

Необходим плановый подход к борьбе с детской беспризорностью и преступностью с помощью сети различных правильно координированных государственных мероприятий: иными словами, борьба с детской беспризорностью должна вестись по одному общему для Республики плану. Всякому ясно, что детская беспризорность не такое явление, которое могло бы быть сразу вырвано из общественной жизни. Для того, чтобы уменьшить значительно размеры этого зла, свести их к минимуму, который, быть может, неизбежен в обществе, необходимо более или менее продолжительное время, по крайней мере, 2—3 года. Но так как выработка перспективного плана предполагает собирание длинного ряда цифровых и иных материалов и длительную проработку вопроса, а жизнь не ждет, и разросшаяся до громадных размеров детская беспризорность требует теперь же принятия экстренных мер, по крайней мере, против наиболее тяжелых ее форм, то сле-

дует, предоставив Госплану разработку полного перспективного плана, немедленно установить общие принципы, на которых должна зиждиться борьба с детской беспризорностью и преступностью, выявить общее понятие детской беспризорности и ее основные виды, с помощью циркулярных указаний установить единообразное понимание и учет этих видов на местах, начать собиране, по хорошо разработанной программе, необходимых для составления плана данных и материалов и разработать план экстренно, в первую очередь необходимых мер, которые должны быть приняты в борьбе с этим злом, так сказать, сегодня же.

Необходимо теперь же принять меры к объединению и возможно лучшей координированности действий отдельных ведомств, участвующих в борьбе с детской беспризорностью и преступностью, необходимо в достаточной мере централизовать эту борьбу, т.-е. сосредоточить руководство и высшее управление ею в одном центре. Только при таком условии она будет отличаться должной планомерностью, и сеть воспитательных мер, в которых она найдет свое выражение, будет обладать всей той широтой, координированностью частей и силой, которые только при имеющихся сейчас у государства средствах она может получить.

В настоящее время начало централизации находит себе все более полное и отчетливое выражение в практике отдельных государств. Так, например, в Германии органами государственного попечения о детях и подростках по закону 9 июля 1922 г. являются „отделы детства“—центральный, областные и местные. Главное управление охраны детства сосредоточено в Германии в министерстве внутренних дел, где законом 1922 г. создан особый совет по охране детства. Из представителей правительства, совета по охране детства и из представителей областных отделов детства составляется особый центральный (общегосударственный) отдел детства, в задачи которого входят оказание поддержки разным стремлениям к помощи детям, собиране опыта в деле охраны детства, сообщение его областным отделам детства, а также забота о надлежащей разработке и оценке собранного опыта (§ 16 закона 1922 г.). Во все отделы детства, в частности, и в центральный, по закону 1922 г., в качестве обладающих решающим голосом членов, должны быть при-

глашаемы также опытные в деле охраны детства и благонадежные мужчины и женщины всех кругов населения, в частности, лица, предложенные свободными объединениями по охране детства и по юношескому движению, действующими в пределах округа отдела детства. Эти представители могут быть введены в количестве $2/5$ общего числа не-должностных членов отдела детства. На ответственные должности в отделах детства по общему правилу могут приглашаться только лица, обладающие достаточными познаниями в деле охраны детства, в частности, лица, которые приобрели опытность в работе по охране детства, по крайней мере, в течение года (§ 9). Закон 1922 г. стремится привлечь общество к широкому участию в борьбе с детской беспризорностью и преступностью. Он возлагает на отделы детства обязанность „всячески поддерживать, возбуждать и привлекать к сотрудничеству частную и общественную инициативу, при сохранении ее самостоятельности и особенностей, предусмотренных ее уставом, чтобы совместно с нею работать для осуществления планомерного взаимодействия всех органов и учреждений публичного и частного попечения о детях, а также юношеского движения (§ 6).

Задачи отделов детства намечены довольно широко — §§ 3 и 4 закона 1922 г. Они сводятся к следующему: 1) охрана детей, отданных на содержание или воспитание отдельным лицам или семьям; 2) содействие в деле опеки, при чем местный отдел детства является общинным сиротским советом (§ 2); 3) попечение о нуждающихся в помощи малолетних внебрачных, осиротевших, или живущих отдельно от обоих родителей или вне семьи, в виде предоставления им необходимых материальных средств существования, воспитания и профессиональной подготовки, а также необходимого ухода в случае заболевания (§§ 49—50); 4) содействие при осуществлении попечительного надзора и попечительного воспитания; попечительное воспитание, говорит § 62 закона, служит для предупреждения и устранения беспризорности и выполняется в пригодной для того семье или в воспитательном учреждении под публичным надзором и на публичный счет; 5) содействие судам для несовершеннолетних; 6) содействие по наблюдению за трудом детей и юных рабочих; 7) участие в попечении о сиротах воинов и детях лиц, пострадавших

от войны; 8) содействие полицейским органам в деле оказания помощи детям, в частности, в деле предупредительного задержания подростков; 9) содействие устройству и развитию в отдельных случаях и учреждению организаций, имеющих целью: а) дачу советов в делах о малолетних, б) охрану материнства, в) охрану младенчества, г) охрану детей дошкольного и д) школьного возраста, кроме вопросов обучения, е) охрану подростков, окончивших школу. Как видим, деятельность отделов детства широко охватывает область профилактики детской преступности и беспризорности.

Функции центрального отдела детства очерчены в законе бледно по сравнению с тем, что имелось в виду предоставить этому органу раньше. Они сводятся к информационной и отчасти об'единяющей деятельности без права циркулярами регулировать действия местных органов; право таких циркуляров предоставлено законом правительству республики (§ 15).

На областные отделы детства возложены: 1) дача руководящих указаний и принятие других мер для обеспечения целесообразной и единообразной деятельности отделов детства своего округа, 2) дача местным отделам детства советов и обмен накопившимся опытом в области охраны детства, 3) устройство общих учреждений для входящих в округ местных отделов детства, 4) содействие к устройству малолетних, 5) об'единение учреждений, служащих делу попечения о детях беспризорных и находящихся в опасном положении, 6) содействие делу попечительного воспитания подростков, 7) развитие общественной инициативы в округе, содействие всем свободным об'единениям в деле охраны детства и обеспечение планомерного взаимного сотрудничества их между собою и с местными отделами детства, 8) выдача разрешений на принятие детей в воспитательные заведения и надзор за последними.

Местные отделы детства являются учреждениями, действующими в общинах или в союзах общин. Они несут все намеченные в §§ 3 и 4 закона и обрисованные выше функции в пределах своей территории. Состав, организация и порядок делопроизводства их определяются областной властью. Состав, организация и порядок областных отделов

определяются законодательством отдельных областей (§§ 9 и 14). Как отмечено уже выше, личный состав всех отделов детства, в частности, областных и местных, состоит из двух элементов: должностных лиц и из приглашенных—в известном числе—опытных в деле охраны детства лиц и представителей „свободных объединений по охране детства и юношескому движению“, действующих в пределах района данного отдела детства.

Изложенный германский закон 1922 г. представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, в нем проявляется стремление централизовать охрану детства, хотя это стремление выражено недостаточно полно, так как центральный орган, созданный им, имеет более информационный, чем руководящий характер. Во-вторых, он стремится сочетать работу правительственных должностных лиц и свободных общественных организаций, при чем старается более или менее объединить и эти последние. То и другое стремление представляются вполне здоровыми.

Я полагаю, что необходим известный объединяющий деятельность учреждений, ведущих борьбу с детской беспризорностью и преступностью, центральный орган, который регулировал бы всю эту борьбу в ее целом и имел бы в поле своего зрения все моменты ее. В сфере деятельности органов, ведущих борьбу с детской беспризорностью и преступностью, надо различать функции двоякого рода: с одной стороны, выработку общего плана борьбы, общее руководство его выполнением и контроль над последним, осуществляемые посредством обязательных распоряжений, инструктивных указаний и ревизий, а с другой,—функции исполнительного характера, заключающиеся в организации установленных общим планом учреждений и мер и в повседневном управлении ими. Последние функции должны сосредоточиваться в ведомствах, по принадлежности, а первые — в „совете по охране детства и по борьбе с детской беспризорностью и преступностью“. Но для того, чтобы этот совет мог выполнить свои функции, он должен быть самостоятелен и не подчинен ни одному из ведомств, непосредственно ведущих борьбу с детской беспризорностью. Объединяя их, он должен стоять над ними. Его председатель и два заместителя председателя должны назначаться Советом

Народных Комиссаров. В состав этого совета должны входить: представитель Госплана, представители Народных Комиссариатов Просвещения, Здравоохранения, Внутренних дел, Труда, Социального Обеспечения, Финансов, Юстиции, РКИ, а также представители центральных органов тех общественных организаций, которые участвуют в борьбе с детской беспризорностью и преступностью. На этот совет должны быть возложены: а) разработка полной и законченной системы „детского права“, — „Кодекса законов о несовершеннолетних“, — с представлением соответствующих законопроектв в законодательные учреждения; б) разработка, в ближайшем контакте с Госпланом, плана борьбы с детской беспризорностью и преступностью в Союзе и сети координированных друг с другом мер борьбы; в) издание циркуляров и инструкций общего характера, регулирующих деятельность ведомств и общественных организаций, участвующих в осуществлении плана борьбы с детской беспризорностью и преступностью; г) производство ревизий; д) содействие установлению возможно больших связей и сотрудничества между отдельными органами, ведущими борьбу с детской беспризорностью и преступностью; е) установление общей и единообразной отчетности по борьбе с детской беспризорностью и преступностью и общего статистического учета деятельности всех органов, ведущих эту борьбу; ж) созыв съездов, способных осветить различные проблемы, относящиеся к сфере борьбы с детской преступностью и беспризорностью, и вести к оживленному обмену мнениями и опытами между лицами и учреждениями, ведущими эту борьбу; з) издание сочинений, освещающих разные вопросы, относящиеся к области борьбы с детской беспризорностью и преступностью; и) принятие мер к возможно более широкому участию общества в борьбе с детской беспризорностью и преступностью.

Учреждение указанного выше совета внесло бы значительную согласованность в деятельность отдельных ведомств и обеспечило бы быстрое и планомерное развитие борьбы с детской беспризорностью и преступностью. Достигнуть этой цели, давая преобладающую роль одному из ведомств, ведущих борьбу с детской беспризорностью и преступностью, и создавая при этом ведомстве особый совет

по охране детства в качестве совещательного учреждения, нельзя по той простой причине, что такой совет будет лишен должной силы и самостоятельности. История созданного в 1919 г. совета защиты детей вполне подтверждает этот вывод.

III

В заключение настоящей главы отмечу тот ряд мероприятий, который, по моему мнению, может и должен быть осуществлен в настоящее время и будет иметь большое значение для увеличения интенсивности борьбы с детской беспризорностью. Во всяком случае, необходимо теперь же приступить к организации этих мер.

1. Необходимо, чтобы теперь же была произведена, при содействии общественных организаций, проверка данных о числе беспризорных в отдельных местах. Руководство этой проверкой может быть возложено на НКП и деткомиссию при ВЦИК.

2. Необходимо предложить ЦСУ в программу предстоящей переписи, в той ее части, которая касается детского населения, включить вопросы, касающиеся детской беспризорности.

3. Необходимо немедленно принять меры к удалению из общих мест заключения всех несовершеннолетних.

Сидящие в тюрьмах подростки, в лучшем случае, содержатся лишь в особых камерах. Но каждому знакомому с тюремной жизнью ясно, что такая изоляция имеет очень малое значение, так как тюремный коридор и даже корпус всегда живет общей жизнью. Пребыванию подростков в тюрьмах должен быть самым решительным образом положен конец.

Следовательно, сеть „трудовых домов“ для несовершеннолетних должна быть расширена настолько, чтобы эти учреждения могли принять всех, нуждающихся в них подростков.

4. Необходимо, путем укрепления и разгрузки существующих детских учреждений, осво-

бодить возможно большее число мест для принятия с улицы новых кадров беспризорных. Однако, разгрузку следует производить с величайшей осторожностью, чтобы не сделать беспризорными удаляемых из детских домов подростков.

Удалены из детских домов могут быть дети, имеющие обоих родителей и полусироты, но при условии, если они могут найти у родителей не только кров, но и достаточное воспитание, и если они не были изъаты от родителей по приговорам судов. Удалены из детдомов могут быть так называемые переростки, т.-е. воспитанники старше известного возраста, но лишь при условии, если удастся надежно поместить их в производство, в крестьянские семьи и т. п. Часть подростков может быть передана из детских учреждений в частные семьи за известное вознаграждение, преимущественно в семьи крестьянские. Однако, такая передача желательна лишь при четырех неперемняемых условиях:

а) при условии наличности хорошо организованного контрольного аппарата, т.-е. организованной группы обследователей, которые часто и тщательно контролировали бы семьи, берущие к себе подростков на воспитание, и путем об'ездов убеждались бы в достаточно хорошем содержании принятых на воспитание подростков;

б) при осторожном выборе семей, в которые помещаются подростки на воспитание или в обучение;

в) при установлении серьезной ответственности лиц, берущих к себе подростков на воспитание, за злоупотребления.

г) при согласии подростка на помещение его в данную семью ¹⁾.

¹⁾ Выработанные МОНО и утвержденные Президиумом Моссовета правила передачи воспитанников детских домов и беспризорных Москвы на воспитание в крестьянские семьи (3/ХІІ 1925 г.) вполне правильно подчеркивают (ст. 4) необходимость согласия подростка, а также устанавливают предварительное обследование условий жизни лиц, пожелавших взять подростка на воспитание (ст. 9 и 13), и выяснение, нет ли в семье этих лиц душевнобольных или больных заразными болезнями (ст. 7). Передаваемый на воспитание подросток также предварительно подвергается врачебному освидетельствованию, не болен ли он заразной болезнью. Одна семья не может

При отсутствии этих условий данная мера, как учит ее история, может привести к очень большим злоупотреблениям.

В общем, путем разгрузки детских домов, с соблюдением указанных условий, вряд ли, однако, удастся освободить мест более, чем для 22-24 тысяч беспризорных.

5. Необходимо, чтобы при размещении детей по детским учреждениям принималась во внимание принадлежность подростка к той или иной группе изложенной выше (гл. II) классификации, и чтобы сеть детских учреждений была соответствующим образом дифференцирована. К тому, чтобы придать этой дифференциации законченный характер, должны быть теперь же приняты меры.

Очень важно установить, — есть ли у подростка преступные и вообще какие-либо асоциальные наклонности, или нет. Эти склонности у него не имеют, так сказать, той твердости, закоренелости, которую они, при сходных условиях, имеют у взрослых. Но они нередко намечаются уже у детей и подростков и приобретают у них довольно значительную устойчивость и напряженность. Во всяком случае, если поставить целью — дать подростку известное воспитание, с ними необходимо очень считаться. Понятие „моральной дефективности“, как расплывчатое и в корне несостоятельное, надо отбросить.

К подросткам, нуждающимся в помещении в воспитательное учреждение, должны применяться следующие меры:

А. Подростки психически или нервно больные должны быть отправлены в соответствующие лечебные заведения для содержания их там впредь до выздоровления.

Б. Подростки, страдающие какими-либо физическими недостатками, требующими совершенно особой, приспособленной к ним системы воспитания и обучения (слепые и глухонемые), должны направляться в специально для них предназначенные помещения.

В. Подростки, интеллектуально настолько слабые (умственно-отсталые), что совместное обучение и воспитание

взять на воспитание более двух подростков (ст. 6). См. ст. Черкезова „Воспитание сирот и беспризорных в крестьянских семьях“. „Вестник просвещения“ 1926, № 1.

их с обыкновенными беспризорными подростками очень затруднительно или даже невозможно, должны помещаться в специально предназначенные для них заведения.

Г. Подростки с наметившимися и развивающимися чертами профессиональных преступников должны помещаться в особые исправительно-воспитательные детские дома, колонии или приюты, или по крайней мере, в особые предназначенные для них отделения детских домов. Общение с ними подростков иных категорий может быть для последних очень опасно. Такие юные профессионалы непременно должны поступать в заведения принудительного общественного воспитания на долгий срок. В среднем, для того, чтобы оказать на них достаточно серьезное воспитательное воздействие, необходимо пребывание их в исправительно-воспитательном заведении в течение трех и более лет. Надо отказаться от всякой сентиментальности и снисходительности в этом отношении. Надо стоять исключительно на точке зрения профилактики и помещать их в исправительно-воспитательные заведения на такой срок, который был бы достаточен для того, чтобы воспитательными мерами стереть наметившиеся у них черты профессионального преступного типа.

О принадлежности подростка к юным профессионалам можно судить лишь на основании специального криминально-психологического исследования его. Некоторым подспорьем при таком исследовании могут служить и следующие, легко уловимые обыкновенно, признаки, которые, однако, надо лишь с большой осторожностью принимать за показатели слагающегося профессионального типа: неоднократное совершение преступления одного и того же вида, знание воровского жаргона, знание технических приемов совершения известного вида преступлений и способность самому употребить хотя бы некоторые из этих приемов, знакомство с притонами, частые свидания и близкое знакомство со взрослыми ворами, известная кличка, данная подростку взрослыми ворами, неоднократность приводов в комиссию, побег в притоны из воспитательного заведения, и т. п. Если в прошлом подростка имелось пребывание в тюрьме, то это большей частью свидетельствует о полученной им в тюрьме известной профессиональной подготовке к деятельности на преступном поприще.

Д. Подростки с асоциальными наклонностями, без наметившихся черт профессионального преступного типа, и беспризорные подростки без асоциальных склонностей, смотря по данным, полученным обследованием их личности, поведения, семейного и имущественного положения, могут быть подвергнуты: внушениям и замечаниям, отправке в семью на родину, особому попечительному надзору родных, посторонних лиц или обследователей-руководителей, помещению на место, в обучение или на воспитание в какую-либо семью, помещению в воспитательное заведение, в случае невозможности вне последнего обеспечить им достаточно-заботливое воспитание. Строго продуманное и осторожное применение той или иной меры может нередко потребовать довольно продолжительного предварительного изучения личности подростка и условий, в которых он жил.

6. Так как сеть существующих детучреждений недостаточна для принятия всех нуждающихся в помещении в них беспризорных, то необходимо теперь же приступить к дополнению ее колониями, которые по финансовым соображениям, с целью возможного сокращения расходов на их содержание, придется устраивать довольно крупных размеров на 300—400 воспитанников. По тем же соображениям питат некоторых вновь открываемых колоний мог бы быть очень ограниченным, приблизительно таким:

1 заведующий колонией,

1 агроном,

3 педагога для культурно - просветительной работы, играющей в колонии дополнительную, но важную роль. Их первая задача—выбрать себе в помощники группу наиболее образованных подростков и при их сотрудничестве организовать культурно-просветительную работу и втянуть в нее возможно большее число питомцев колонии. На одного из педагогов должно быть возложено заведывание библиотекой колонии;

1 врач,

6 наблюдателей-инструкторов мастерских,

6 наблюдателей-инструкторов сельско-хозяйственных работ (огородных, садовых, полеводства и луговодства, лесо-

водства, скотоводства). Распределяя между собою ночные дежурства, наблюдатели должны руководить охраной колонии, привлекая к участию в этом лучших воспитанников:

2 наблюдателя, работающих в небольшом лазарете колонии,

1 повар или кухарка,

4 прачки.

При этом я полагаю, что каждая колония должна по возможности самообслуживаться и самообстраиваться.

Штат колонии в общем определяется в 25 человек, что дает отношение 1 : 16. Считая, что при сравнительной дешевизне жизни в колонии и возможности отчасти оплачивать служащих продуктами колонии, я полагаю, что на вознаграждение служащих и на содержание воспитанников придется тратить менее, чем в городах. Не будучи поклонником ни очень больших по размерам воспитательных учреждений, ни особенного сжатия их штатов, я полагаю, что в настоящее время, с целью дать приют возможно большему числу беспризорных, надо проектировать учреждения возможно упрощенного и удешевленного типа.

7. Необходимо принять возможно энергичные меры к подготовке педагогического персонала, вооруженного всеми нужными для их работы специальными знаниями о детской беспризорности и преступности. Для этого следует создать постоянные педагогические учреждения, которые из года в год давали бы все новые кадры таких педагогов-специалистов. Существующий педагогический персонал недостаточен; без новых кадров этих специалистов сеть учреждений, предназначенных вести борьбу с детской беспризорностью и преступностью, не сможет достаточно широко развернуться.